

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2015

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Основан в январе 1995 г.
Выходит один раз в три месяца

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим
научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки),
10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – академик АН РТ **М.Х. Салахов**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**
Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
кандидат филологических наук **Г.М. Хасанова**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Ситдииков А.Г., доктор исторических наук (Казань),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хамидуллин Б.Л., кандидат исторических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 292-84-82
Ответ. секретарь – 292-15-64
E-mail: anrt@rambler.ru
(для редакции «НТ»)

Редактор **Г.М.Хасанова**
Технический редактор
Г.З. Вахитова
Переводчик **Б.Р.Ногманов**
Компьютерная верстка
В.В. Калинин

Подписано в печать 15.04.2015.
Формат 70x108 1/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.
Тираж 500 экз.
Заказ 04-15/10-2.

Отпечатано в типографии «Логос».
420108, г.Казань, ул.Портовая, 25а
Тел.: (843) 231-05-61, 231-08-71
Факс (843) 231-05-46
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2015
© Академия наук РТ, 2015

ИСТОРИЯ

- 7 **Загидуллин И.К.** С.Г.Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»
- 16 **Соегов Мурадгелди.** Туркменские поэты-классики XVIII–XIX вв. о городе (стране) Булгар
- 23 **Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л.** Внешняя политика «Казанского великого града бусурманского» ханского периода (1440-е – 1552 гг.)
- 36 **Гайнанова М.Р.** Мустафа Кемаль Ататюрк и Садри Максуди
- 41 **Пилипчук Я.В.** Крымское ханство и европейский вектор его внешней политики в эпоху Ливонской войны

ФИЛОЛОГИЯ

- 54 **Загидуллина Д.Ф.** Формирование орнаментального стиля в татарской литературе 1960–1980-х гг. (на примере творчества М.Магдеева)
- 65 **Миннегулов Х.Ю.** Татарская словесность в Казанском университете
- 72 **Алмаз Джавад.** «Дастан-и Джумджума»
- 91 **Вахитова Д.К.** Специфика использования инвективных зоометафор и зоосравнений в бытовом дискурсе испанского языка
- 96 **Гайнанова Д.Р.** Концептуализация понятия акча (деньги) на материале татарских пословиц
- 103 **Умеров Ш.Г.** Фигура технократа в романах А.Солженицына, В.Гроссмана, А.Бека, В.Пелевина: интерпретация социально-психологического типа

ПЕДАГОГИКА

- 114 **Ахметгареева Р.К.** Учебно-речевые ситуации как эффективное средство формирования профессионально-значимых речевых умений в процессе овладения иностранным языком
- 122 **Коновалова Е.Н.** Современная семья как объект и субъект социальной работы в США
- 128 **Хафизова А.А.** Роль переводных текстов в обучении иностранному языку

- 135 **Казымова Т.С.** Формирование иноязычной компетенции у преподавателей ВУЗов: актуальность и трудности

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 139 **Багаутдинов Ф.Н.** Справедливость есть!..

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

- 158 **Саматова Ч.Х.** Рецензия на сборник «Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы»

- 163 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

HISTORY

- 7 **Zagidullin I. K.** S. G. Klyashtorny and the Concept of the Seven-Volume «History of the Tatars from Ancient Times»
- 16 **Soegov Muradgeldi.** Turkmen Classical Poets of XVIII–XIX Centuries about the City (Country) of Bulgar
- 23 **Bakhtin A.G., Khamidullin B.L.** The Khan Period Foreign Policy of “The Great City of Infidel Kazan” (1440’s – 1552)
- 36 **Gaynanova M.R.** Mustafa Kemal Atatürk and Sadri Maksudi
- 41 **Pylypchuk Ya.V.** Crimean Khanate and the European Vector of its Foreign Policy in the Epoch of Livonian War

PHILOLOGY

- 54 **Zagidullina D.F.** Formation of Ornamental Style in Tatar Literature of 1960–1980-ies (on the Example of M.Magdeev’s Creativity)
- 65 **Minnegulob Kh. Yu.** Tatar Literature in Kazan University
- 72 **Almaz Dzhavad.** Dastan-i Dzhumdzhuma
- 91 **Vakhitova D.K.** Specific Use of Invective Animal Metaphors and Comparisons in Common Discourse
- 96 **Gaynanova D.R.** Conceptualization of the Concept Akcha (Money) on the Material of Tatar Proverbs
- 103 **Umerov Sh. G.** The Figure of Technocrat in the Novels of A. Solzhenitsyn, V. Grossman, A. Bek, V. Pelevin: Interpretation of the Socio-Psychological Type

PEDAGOGY

- 114 **Akhmetgareyeva R.K.** Educational and Speech Situations as an Effective Means of Formation of Professionally Significant Speech Skills in the Foreign Language Acquisition
- 122 **Konovaloca E.N.** Contemporary Family as the Object and Subject of Social Work in the United States
- 128 **Khafizova A.A.** The Role of Translated Texts in Foreign Language Teaching

- 135 **Kazymova T.S.** Formation of Foreign Language Communicative Competence for the University Teachers: the Relevance and Complexity

JURISPRUDENCE

- 139 **Bagautdinov F.N.** Justice is Exists!..

NEW BOOKS. REVIEWS

- 158 **Samatova Ch. Kh.** Review of the book “Modernization Processes in Tatar-Muslim Community in the 1880–1905: Documents and Materials”

- 163 ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

УДК 94(470.41)+001

С.Г. КЛЯШТОРНЫЙ И КОНЦЕПЦИЯ СЕМИТОМНОЙ «ИСТОРИИ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Научные интересы известного учено-востоковеда, заведующего сектором тюркологии и монголистики Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) С.Г. Кляшторного (1928–2014) охватывали широкий спектр истории и культуры кочевого тюркского мира, огромные временные и территориальные пространства. Одним из сюжетов многогранной научной и научно-организаторской деятельности Сергей Григорьевича являлось его сотрудничество с Академией наук Татарстана, чьим почетным академиком он был избран в 2010 году, и с ее институтами.

Для гуманитарных наук 1990-е гг. стали временем переосмысления исторических судеб народов России, периодом отхода от догматических установок советской эпохи и конструирования новых теорий и методологий. Эти процессы довольно активно отражались и на состоянии татарстанской гуманитарной науки.

Первый приезд С.Г. Кляшторного в Казань в мае 1992 г. по приглашению известного татарского археолога Равиля Фахрутдинова как раз совпал с этими событиями в жизни научной общественности. Научный симпозиум, посвященный истории Золотой Орды, на который приехал Сергей Григорьевич, помимо научного аспекта, имел для казанских историков важное методологическое значение: он стал своеобразным символом формирования новых подходов в

изучении средневековой истории татарского народа. В материалах этой конференции помещена совместная статья Д.Д. Васильева, М.В. Горелика, С.Г. Кляшторного на тему «Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии»¹. Это была первая публикация не только С.Г. Кляшторного, но, кажется, и его коллег в Татарстане.

Новый этап сотрудничества С.Г. Кляшторного с татарстанскими учеными наметился после назначения академика АН РТ М.А. Усманова научным куратором проекта по определению даты основания Казани, когда республиканские власти обратили внимание на находки археологов, которые с 1994 г. вели раскопки на территории заповедника «Казанский Кремль».

В 1998 году С.Г. Кляшторный приезжал в Казань три раза. В конце марта он был приглашен для чтения лекций по древнетюркской истории на факультете татарского языка, литературы и истории Казанского государственного университета. Именно тогда С.Г. Кляшторный по рекомендации М.А. Усманова был определен в качестве научного консультанта и внешнего эксперта по определению даты основания Казани.

8–10 сентября 1998 г. в Казани состоялась международная научная конференция на тему «Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков», в рамках

которого был организован круглый стол «Средневековая Казань: возникновение и развитие», основной доклад на котором сделал С.Г.Кляшторный. Археологический материал – остатки крепостной стены – не снимал главного вопроса датировки Казани: определения хозяйственно-экономического уровня развития данного региона на рубеже X–XI вв. Этот пробел восполнил своим исследованием в качестве внешнего эксперта С.Г.Кляшторный. Его доклад был изложен по следующей структуре: 1) выявление даты упоминания названия (а по С.Г.Кляшторному – имени) города в различных исторических источниках; 2) этимологическая интерпретация названия города; 3) анализ имеющихся археологических, эпиграфических и нумизматических материалов; 4) интерпретация произведений устного народного творчества или художественного вымысла, частично зафиксированных в древних письменных памятниках или собраниях фольклора; 5) оценка политических и социально-экономических процессов.

В контексте даты определения Казани, на мой взгляд, важнейшими являются два суждения С.Г.Кляшторного. Первое – о том, что лексема «Казань», ставшая историческим именем города, необязательно была первым его историческим названием и могла быть сформирована по антропониму². Второе – о том, что «к концу X – началу XI вв. севернее Камы появляются многочисленные болгарские городки, время существования которых датируются нумизматическими находками. Вполне можно утверждать, что в этот период формируется северная городская цивилизация Булгарского царства, связанная с крупной международной торговлей... По торговым путям, на правобережье Камы, включая долину р. Казанки, росли посел-

ки, живущие за счет торговли. Среди этих укрепленных поселков-городков, не позднее конца X века, возник и тот, который стал предшественником Казани, не носивший еще этого названия»³. Этот доклад стал одним из ключевых аргументов в принятии решения по определению даты основания Казани.

Третий раз Сергей Григорьевич приехал в ноябре 1998 г. в составе представительной группы научных экспертов – столичных археологов, которые ознакомились в Казанском Кремле с археологическими находками: остатками каменной крепостной стены, 5-м древнейшим археологическим слоем, относящимся к последней четверти X – началу XI вв., и т.д.

1-3 июня 1999 г. в столице Татарстана состоялась международная научная конференция «Средневековая Казань: возникновение и развитие», на которой, по сути, международная научная общественность в лице участников форума высказалась за 1000-летний возраст города. На нем С.Г.Кляшторный прочитал вышеназванный доклад, немного отредактировав его название: «О времени образования Казани»⁴.

В 2000 г. совместно с другими видными археологами и историками он участвовал в работе круглого стола «Великий Волжский путь» (тема доклада: «Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект»), в 2001 и 2002 г. – в работе международных конференций «Великий Волжский путь», которые проходили на теплоходе с посещением городов, расположенных вдоль Волжского пути.

Новые грани сотрудничества с Академией наук РТ появились после создания в 1997 г. Института истории Академии наук РТ, директором которого по совместительству стал советник Президента Татарстана по

политическим вопросам Рафаэль Сибгатович Хакимов. С коллективом Института истории С.Г.Кляшторный познакомился весной 1998 г. во время встреч и семинаров в конференц-зале научного учреждения. Приезд легендарного тюрколога стал важным событием для научной общественности Татарстана.

Ученые Татарстана поставили вопрос о необходимости написания академической истории татарского народа. В 1998 г. в Институте истории были определены рабочие названия семи томов и их хронологические рамки. По ранее установленной договоренности, в феврале 1999 г. я в качестве ответственного секретаря приехал к Сергею Григорьевичу, с этого момента началась подготовка 1-го тома. Важно отметить, что мнение С.Г.Кляшторного было определяющим не только в уточнении названия 1-го тома – «Народы степной Евразии древности», но и общего названия семитомной истории татар: с его подачи коллективный труд стал называться «История татар с древнейших времен».

С целью обсуждения узловых научных проблем 1-го тома и координации деятельности участников проекта отделом средневековой истории были проведены: всероссийский семинар «Место Поволжья и Приуралья в истории степей Евразии (1 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э.)» (2000 г.) и всероссийская конференция «Древнетюркский мир: история и традиции» (2001 г.).

Для осознания научной значимости первого тома семитомной «Истории татар с древнейших времен» в развитии исторической науки в Татарстане нужно сделать небольшой экскурс в историю изучения в Казани древнего периода тюрко-татар.

Основоположник татарской исторической мысли *Ш. Марджани (1818–1889)* в своем труде «*Мөстәфадел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар*»

(Источники по истории Казани и Булгар) писал о хазарах, кипчаках, буртасах, однако начинал историю современных татар с волжских булгар, называя их в этническом плане тюркским племенем, сильно смешанным с финнами⁵.

Лишь на рубеже XIX–XX вв. древнетюркский период привлек внимание татарских историков как специальный объект изучения. В это время стали появляться научно-популярные издания по истории тюрко-татар, которые были написаны в качестве учебных пособий для преподавателей и шакирдов джадидских медресе. Конечно же, по объему, стилю изложения и анализу исторических событий, оформлению научного аппарата они имели свои особенности, также следует отметить и ошибки, обусловленные тогдашним уровнем исторических знаний и квалификацией исследователей. В данном случае для нас важен их концептуальный подход к освещению древней и средневековой истории тюрко-татар.

Хасангата Габаши, сторонник болгаро-татарской концепции происхождения предков современных татар, восходящей к Ш.Марджани и являвшейся официальной идеологией вплоть до 1980-х гг., в 1897 г. издал книгу «Төрөк ыруглары» («Тюркские племена»), в 1898 г. – «Мохтасар тарих каум төрки» («Краткая история тюркских народностей»), в 1909 г. – «Мөфассал тарихе кауме төрки» (Подробная история тюркских народностей). Он первым из татарских историков дает общую периодизацию тюркской истории, выделив три этапа: Древняя эпоха, Средние века, Новое время. Древнюю эпоху он завершает разгромом монгольскими войсками Волжской Булгарии в 1236 г., Средние века – падением Казани в 1552 г. Тем не менее, историю татар он начинает с хунов и гуннов⁶.

Заки Валиди в 1912 г. представил «Төрөк-татар тарихы» (История тюрко-татар), в 1915 г. – «Кыскача рәсемле төрек-татар тарихы» (Краткая иллюстрированная история тюрко-татар), в 1917 г. – ее 2-е издание, адресованное для рушди (средней) национальной школы⁷. Названия глав его книг свидетельствуют о его взглядах на этапы развития тюрко-татар. Глава «Тюркский народ в древности» охватывает исторический промежуток времени от хуннов до Тюркского каганата включительно. Второй этап – последующие пять столетий – определен распространением среди тюрков ислама. Здесь освещается история уйгур, тогуз-огузов, болгар, хазар, кипчаков. Третий раздел книги именуется «Тюркский эль в период могущества монголов», четвертый – «Мелкие ханства и падение авторитета Тюркского эля», где освещаются этнополитические события в постзолотоордынских государственных образованиях⁸.

После образования Автономной Татарской советской социалистической Республики, в 1921 г. при Комиссариате просвещения был создан Академцентр, который начал координировать научные изыскания по национальной истории. Были установлены контакты с научными центрами и учеными Москвы и Ленинграда. В том же году при Восточной Академии было создано «Научное общество изучения Востока», которое в 1923 г. сменило свое название и концепцию, став «Обществом Татароведения», которое действовало под руководством Академцентра. При 10 сотрудниках, членами данного общества состояли 94 ученых, общество поддерживало научные связи с 120 научными учреждениями⁹. Общество явно планировало начать изучение истории и культуры татар в широких географических рамках.

Одним из важнейших результатов его деятельности стало издание в 1922 г. Газизом Губайдуллиным и Гали Рахимом фундаментальной «Истории татарской литературы»¹⁰, которая имела следующую периодизацию: «Борынгы чор» (Древний период), то есть общетюркский период, период «Иске әдәбият» (Старая литература) охватывал XVII–XIX вв. Практически целью авторов академического издания стало воссоздание истории культуры своего народа на фоне тюрко-татарской истории.

В том же году Газиз Губайдуллин издал впервые подготовленный в рамках европейской научной традиции учебник «История татар»¹¹, который был адресован старшеклассникам национальной школы. В первых двух разделах давалась характеристика образа жизни, хозяйственного строя кочевников, рассматривались культура и письменные традиции древних тюрков. Следующий раздел учебника называется «Первые тюркские государства в Поволжье», где освещалась история Гуннского, Хазарского каганатов и Волжской Булгарии.

Учебник Г. Губайдуллина и «Историю татарской литературы» Г. Губайдуллина и Г. Рахима можно рассматривать в качестве своеобразных планов-проспектов задуманных новых фундаментальных трудов. Однако в конце 1920-х гг. по решению Совета народных комиссаров АТССР «Общество Татароведения» было преобразовано в «Общество по изучению Татарстана». Таким образом, произошло сужение территориальных рамок научных исследований границами национальной республики: рекомендовалось сделать акцент на краеведческие изыскания.

Далее кардинальный пересмотр значения древнетюркского периода в истории татар продолжается: по сути, он выпадает из коллективных работ.

Немаловажную роль в этом сыграли реформы в сфере письменности. В 1927 г. был осуществлен переход с арабской графики на латиницу. В 1939 г. татарская письменность была переведена на кириллицу. Так прервалась традиция татарской исторической школы первой четверти XX в. Выросло поколение историков, которые не знали арабской графики, обращались, главным образом, к русскоязычным источникам. Самое главное – на специальной сессии Отделения истории и философии АН СССР (апрель 1946 г.) было рекомендовано изучение этнической истории татар в рамках болгарской теории их происхождения.

В 1951 г. в ИЯЛИ был издан 1-й том коллективного труда «История ТАССР». Он был подготовлен под давлением постановления ЦК КПСС от 9 августа 1944 г., в котором рекомендовалась устранить ошибки националистического характера при освещении истории Татарии («приукрашивание» истории Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об «Идегее»)¹². Однако в нем отсутствовал древнетюркский период, после раздела о первобытно-общинном строе шло повествование о Волжской Булгарии. Последующие издания 1969, 1968, 1973, 1980 гг. уже однотомной «Истории ТАССР» не содержали каких-либо новых принципиальных положений.

Удивительно, но получалось, что изучение истории татар в Казани и научные изыскания советских ученых по древнетюркскому периоду в Москве, Ленинграде и союзных республиках, т.е. в едином российском научно-образовательном пространстве, существовали как бы в параллельных мирах, не пересекаясь!

В 1980-е гг. отдел истории ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова приступил к написанию «Истории Республики Татарс-

тан». В 1-м томе издания, охватывающем период с древнейших времен до середины XIX в., сохранилась та же концепция, как и в издании 1951 г.: вслед за разделом «Первобытные общины в Среднем Поволжье» начиналась глава «Волжская Булгария IX–XIII вв.». Таким образом, «территориальный подход», рекомендуемый изучать историю татар в рамках границ национальной республики, и болгарская концепция этногенеза татар вплоть до конца 1980-х гг. не позволяли включать древнетюркский период истории тюрко-татар в обобщающие труды.

С 1989 г. отдел истории приступил к разработке 4-томной «Истории татарского народа» под руководством доктора исторических наук С.Х.Алишева. В этот кризисный для страны период предполагалось выполнить исследовательскую работу силами казанских ученых. С.Х.Алишев выступал приверженцем концепции Ш.Марджани и Г.Ахмарова о болгаро-татарском происхождении татар. Он сам написал небольшой раздел о древних тюрках для 1-го тома «Истории татарского народа». Первые два тома издания были завершены к 2000 г., однако в это время Институт истории уже приступил к разработке проекта семитомной национальной истории, в результате четырехтомная «История татарского народа» стала лишь достоянием историографии, коллективным трудом переходного периода.

Ключевую роль в выделении отдельного тома для древнетюркского периода сыграл один из научных редакторов семитомной национальной истории Миркасым Абдулахатович Усманов. Как известно, в 1984 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по жалованным актам Улуса Джучи. Еще будучи студентом Казанского университета, свою дипломную

квалификационную работу он посвятил общественно-просветительскому и литературно-публицистическому журналу «Шура» (1908–1917) и хорошо знал татарские исторические сочинения начала XX в. В 1990-е гг. в республике, по мере усиления интереса к истории Золотой Орды, произошел отход от болгаро-татарской теории происхождения татар. 1-й том под научным руководством С.Г.Кляшторного удачно вписывался в формирующуюся новую методологию этногенеза татарского народа.

Таким образом, спустя 100 лет в семитомной «Истории татар с древнейших времен» возродилась традиция татарской исторической школы начала XX в., во многом благодаря высочайшей научной квалификации и уровню подготовленности научного редактора и составителя, крупнейшего специалиста в этой области исторических знаний С.Г.Кляшторного.

К этому времени в республике сформировались несколько концепций этногенеза татарского народа. Помимо болгаро-татарской, восходящей к трудам Ш.Марджани, появляется «теория татаро-монгольского происхождения татарского народа», согласно которой после переселения в Европу кочевых монголо-татарских этнических групп в домонгольское или в начале золоордынского времени, они, смешавшись с кипчаками и приняв в период Улуса Джучи ислам, создали основу современных татар. Третья концепция этногенеза татарского народа, именуемая «тюрко-татарской», исходит из того, что в III – середине XIII вв. происходило образование основных этнических компонентов народа, в середине XIII – первой четверти XV в. в составе Улуса Джучи – формирование единой татарской этнополитической общности, в XV – начале XVII вв. – деконсолидация татарского этноса

(незавершенный этап становления самостоятельных общностей в составе постзолоордынских татарских государств)¹³.

В 1-м томе «Истории татар с древнейших времен» С.К.Кляшторный ввел в научный оборот новую концепцию этногенеза татар. По мнению ученого, «история взаимодействия и, отчасти, слияния всех групп древнего населения на протяжении двух-двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и формировались тюркоязычные этнические общности. Именно из среды этих близкородственных племен во 2 тыс. н.э. выделились современные тюркские народы России и сопредельных территорий»¹⁴. Этап «интенсивного смешения с субстратным населением, начальный этап формирования современных народов» ученый начинал с момента появления на политической карте Евразии постзолоордынских тюрко-татарских государственных образований¹⁵. Данный подход, по сути, меняет картину этнополитических процессов раннего средневековья и средневековья и дает новую периодизацию формирования татарского этноса: первый этап начинается с хуннского времени (III в. до н.э.) и завершается распадом Улуса Джучи (первая четверть XV в.). «Национальный период» в истории тюркских этнических групп, входивших в состав Золотой Орды, С.Г.Кляшторный начинает со времени появления самостоятельных тюрко-татарских государств.

Нужно сказать о принципиальности С.Г.Кляшторного при обсуждении научных проблем, если он был уверен в своей правоте. Вспоминается очень показательный момент, связанный с включением в книгу раздела «Праславянские племена в Поволжье», написанного им в соавторстве с П.Н.Старостиным. Ученый был

убежден, что тексты аль-Куфи и ибн Хордадбега о походе арабского военачальника Марвана 737 г. в Хазарию с целью принудить кагана принять ислам, и его нападение «ас-сакалиба», т.е. по тексту буквально на праславянские поселения, и именьковская археологическая культура, представляющая материальную культуру этих племен, являются внушительной доказательной базой для утверждения о расселении в регионе праславянских племен¹⁶.

В целом, руководство С.Г.Кляшторным 1-м томом «Истории татар с древнейших времен» позволило:

- написать том, ставший краеугольным камнем нового подхода в изучении этногенеза современных тюркских народов, в том числе татар, согласно которому первый этап охватывает огромный хронологический период и завершается распадом Золотой Орды, второй этап начинается с образования постзолотоордынских тюрко-татарских государств;

- представить древнюю и средневековую истории тюркских племен как часть истории Евразии (хунны, гунны, тюркские каганаты, татары, Хазарский каганат, Великая Болгария, огузы, печенеги, кимаки, кипчаки и половцы и т.д.), в результате история татар стала восприниматься как история евразийского масштаба;

- с учетом последних достижений отечественной тюркологии системно изложить накопленный материал, охватывающий огромный в хронологическом отношении период (III в. до н.э. – I тыс. н.э.);

- выработать модельное для остальных томов издание, в котором содержатся очерки по историографии и источникам, научные статьи, и в качестве приложения – тексты источников;

- разработать структуру, которой придерживались при написании ос-

тальных томов: анализ ключевых событий в евразийском масштабе, освещение истории татар в региональном измерении, освещение истории соседних с татарами этнических групп населения – тюркских и финно-угорских народов;

- повлиять на векторы направлений археологических изысканий казанских историков, расширить географию научных контактов, переходу археологических раскопок из Татарстана в соседние регионы;

- подготовить научную основу учредительного съезда Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей в Казани (2007 г.) и современных международных проектов Института истории им. Ш.Марджани: «Идель-Алтай: истоки мировых цивилизаций» и «Булгарский форум».

В качестве члена редколлегии С.Г. Кляшторный принимал участие в разработке структуры, редактировании некоторых текстов, подборе авторского коллектива и списка источников 2-го тома семитомника – книги «Волжская Болгария и Великая степь»¹⁷. Он также участвовал в одном из первых заседаний обсуждения концепции и структуры 3-го тома, посвященного Улусу Джучи, рекомендовал большее внимание уделять кочевым сообществам.

Следующим этапом сотрудничества С.Г.Кляшторного с Академией наук РТ явилось его членство в редколлегиях серии «Археология Евразийских степей» (с 2007 г.), журналов «Научный Татарстан» (с 2008 г.), «Поволжская археология» (с 2012 г.), «Золотоордынское обозрение» (с 2013 г.). Он участвовал в большинстве этих изданий научными статьями, приезжал в Казань на Учредительный съезд Международного конгресса «Средневековая археология Евразийских степей» (Казань, февраль 2007 г.).

В 2011–2013 гг. С.Г.Кляшторный работал по совместительству ведущим научным сотрудником отдела средневековой истории. Последним изданием, выпущенным отделом с его участием, стал сборник статей «Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...)¹⁸».

Я горд тем, что удалось длительное время общаться и работать с выдающим ученым, кончина которого в 2014

году была воспринята научной общественностью как трагическая дата в истории отечественной тюркологии. Его полная отдача науке, научно-организаторский талант, умение работать с текстом и анализировать источники, стиль общения с коллегами, принципиальность при отстаивании своей точки зрения – это те черты личности ученого, которые всегда восхищали меня в Сергее Григорьевиче Кляшторном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С.33–44.

² Кляшторный С.Г. К вопросу о времени основания Казани // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX – XII веков. – Казань, 1999. – С. 240–247.

³ Кляшторный С.Г. Указ. соч. – С. 247.

⁴ Кляшторный С.Г. О времени основания Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной конференции. Казань, 1–3 июня 1999 г. – Казань, 2000. – С. 72–78.

⁵ Мәрҗәһи Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 68 б.

⁶ Тухватуллин А.Х. Педагог и историк // Габаши Хасан-Гата. Всеобщая история тюркских народов. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 6, 9, 10, 12.

⁷ Әмирхан Р. Халыкка әйләнеп кайткан мирас (Зәки Вәлидине тормыш юлы һәм ижаты турында) // Вәлиди Әхмәд-Зәки. Кыскача төрек-татар тарихы. – Казан: Татар кит. нәшр., 1992. – 142–161 б.

⁸ Вәлиди Әхмәд-Зәки. Кыскача төрек-татар тарихы. – Казан: Татар кит. нәшр., 1992. – 179–181 б.

⁹ Абдрашитова И.М. Из истории Научного общества татароведения (1923–1929 гг.) // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 150. Сб. 7. – Казань, 1975. – С. 101–111.

¹⁰ Татар әдәбияте тарихы. 1-нче жилд: Борынгы дәвер. – Казан: Татарстан Җөмһүрияте нәшрияты, елы күрсәтелмәгән. – 240 б.; Татар әдәбияте тарихы: Борынгы дәвер. XVII, XVIII һәм XIX гасырларда иске әдәбият. 1-нче жилд. Казан: Татарстан Җөмһүрияте нәшрияты, 1922. – 184 б.; Татар әдәбияте тарихы: Борынгы дәвер. 2-нче бүлек. 1-нче жилд. Казан: Татарстан Җөмһүрияте нәшрияты, 1922. – 240 б.

¹¹ Гобәйдуллин Г. Татар тарихы // Гобәйдуллин Газиз. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 65–91 б.

¹² Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 7. – М.: Политиздат, 1985. – С. 518.

¹³ Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – С. 12–15, 21.

¹⁴ Кляшторный С. Предисловие к тому // История татар с древнейших времен. 7 тт. Т.1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: «Рухият», 2002. – С.13.

¹⁵ Кляшторный С. Указ. соч. – С. 14.

¹⁶ Кляшторный С., Старостин П. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. 7 тт. Т.1. Народы степной Евразии в древности. – Казань: «Рухият», 2002. – С. 210–217.

¹⁷ История татар с древнейших времен. 7 тт. Т.2. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006.

¹⁸ Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...): сб. статей. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 228 с.

Аннотация

Статья посвящена сотрудничеству видного российского тюрколога С.К. Кляшторного с Академией наук РТ и ее институтами, раскрывает вклад ученого в обоснование даты основания Казани, его роль в подготовке первого тома семитомной «Истории татар с древнейших времен» – книги «Народы степной Евразии в древности» и ее значение в изучении древнего периода истории татарского народа.

Ключевые слова: семитомная «История татар с древнейших времен», 1000-летие Казани, древнетюркский мир, этногенез татар, С.Г.Кляшторный, М.А.Усманов.

Summary

The article is devoted to the collaborate of prominent Russian turkologist S. K. Klyashtorny with the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan and its institutes, reveals the contribution of the scientist in the justification of the date of the foundation of Kazan, his role in preparing the first volume of the seven-volume «History of the tatars from ancient times» – book «Peoples of the Eurasian steppe in antiquity» and its importance in the study of the ancient period of the history of the tatar people.

Keywords: seven-volume «History of the tatars from ancient times», 1000th anniversary Kazan, the ancient turkic world, the ethnogenesis of the tatars, S. G. Klyashtorny, M. A. Usmanov.

УДК 82.0(091)

ТУРКМЕНСКИЕ ПОЭТЫ-КЛАССИКИ XVIII–XIX ВВ. О ГОРОДЕ (СТРАНЕ) БУЛГАР

*Мурадгелди Соегов, академик АН Туркменистана,
профессор, доктор филологических наук*

Настоящая статья написана на основе анализа произведений двух туркменских поэтов-классиков, а именно родоначальника туркменской национальной классической поэзии XVIII–XIX вв. Махтумкули Фраги (1724–1812) и видного представителя этой же художественно-литературной школы в XIX веке Молланепеса (1810–1862).

Наши расчеты, проведенные путем сплошной выборки стихотворных строк по изданным поэтическим сборникам великого туркменского поэта-классика XVIII века Махтумкули, показывают, что топонимом Булгар поэт-мыслитель пользовался, по меньшей мере, в трех своих стихотворениях. Как известно, в настоящее время древний город Великий Булгар (или Болгар) представляет собой небольшое городище с несколькими каменными палатами, большим и малым минаретами, музеем, церковью и очаровательной природой.

В этой связи вспоминаются дни Международной тюркологической конференции «Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность» (г. Казань, 9–14 июня 1992 г.), когда по настоятельной просьбе председательствовавшей в одной из секций форума академика АН Кыргызской Республики Б.О.Орузбаевой автору этих строк, тогдашнему молодому директору туркменского академического института языкознания,

42-летнему доктору наук, пришлось совместно с академиком вести работу этой секции, хотя программа конференции подобную функцию на меня не возложила. Помню, как научные дискуссии, начатые днем во время работы секций, продолжались вечером за щедрым столом в доме члена-корреспондента АН РТ Ф.А.Ганиева, куда я был любезно приглашен в гости вместе с тюркологом из Москвы проф. И.В.Кормушиным. Те дни действительно были насыщенными для многих из нас – участников международной научной конференции – личными открытиями Татарстана, в частности, во время экскурсии в городище Булгар, находящееся примерно в 120 километрах южнее Казани. Мы своими глазами видели, касались руками памятников материальной культуры средневековой Булгарии.

Из книги «Волжские болгары» профессора Р.Х.Бариева [Бариев, 2005], сборника «Сокровища болгарского народа (Вып. 1. Этногенез. История. Культура)», выпущенного под редакцией академика Ю.К.Бегунова [Сокровища, 2008], и других новых трудов по данной тематике, в том числе из тех, которые размещены на соответствующих сайтах Интернета, узнаем, что в средние века город Булгар был одной из столиц Волжско-Камской Булгарии (922–1241 гг.), позднее – одним из крупнейших городов Золотой Орды. Город был ос-

нован волжскими булгарами в X веке, в 1361 г. разрушен золотоордынским князем Булат-Тимуром. Затем был восстановлен, но в 1431 г. разрушен воеводой Федором Пестрым, после чего был покинут жителями и более не восстанавливался. Городище расположено около современного города Болгар. Здесь действует Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, который в 2014 г. решением заседания 38-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО включен под номером 1002 в всемирный список охраняемых объектов общечеловеческой культуры [См. еще: История Булгар; Великие Булгары].

Приступаем к чтению любовной лирики Махтумкули Фраги. Так, поэт в третьей строфе своего шестистрофного стихотворения «Gözel sen» (в русском переводе «Красавица») пишет [Magtymguly, 1993, s. 47]:

Gyzyl diýsem – gyzyl, al diýsem – al sen,

Hindistanda – şeker, Bulgarda – bal sen,

Yşk bilen açylan bir täze gül sen,

Ýusup–Züleyhanyň taýy, gözel sen!

Эти строки на русском языке в поэтическом переводе А.Ревича звучат так [Махтумкули, 1983, с. 159]:

Ты – багрянец, ты – пурпур, ты – алый восход,

В Индостане ты – сахар, а в Булгаре – мед,

Лик твой в пору любви, словно роза, цветет,

Зулейха и Юсуп – ты, мой друг, красавица!

Если открыть соответствующие страницы двухтомного труда «Magtymguly Pyragunyň Diwany: Tankydy tekst» («Диван Махтумкули Фраги: Критический текст») [Magtymguly, 2009], изданного в 2009 г. иранскими туркменами в Кунбед-Кабусе (ИРИ), то можно выявить

написание топонима Булгар в рукописях стихов поэта следующими буквами арабского алфавита: “ба”, “вав”, “лям”, “гайн” и “ра”. Встречаются манускрипты, в которых при написании слова Булгар буква “вав” не использована, при этом какой-либо надстрочный знак также отсутствует, а в отдельных из них для обозначения гласного звука [о] или [у], обозначающего буквой “вав”, вместо данной буквы поставлен надстрочный знак (‘) [См. 33-й и 156-й стихи в указанной выше книге, страницы которой почему-то не пронумерованы].

Как известно, Махмуд Кашгарский (XI век) описывает лексему булгар (болгар) как этноним (один из тюркских народов) и как топоним (название города на Волге) [См.: Divan, 1986, с. 835]. Мы же, со своей стороны, хотим несколько конкретизировать это утверждение, заявив, что в данной лексеме топонимическое значение является первичным по отношению к ее вторичному значению, т.е. этнониму. Здесь наблюдается как раз тот случай, когда название местности (топоним) переходит на этнос, который населяет эту местность (топоэтноним). Ср. совр. Азербайджан и азербайджанцы. Исходя из этого, можно этимологизировать сложное слово болгар (булгар), разделив его на следующие компоненты: бол (‘много’, ‘изобилие’, ‘скопление’) + -(у)г (аффикс, образовавший прилагательные, типа долуг ‘полный’, сарыг ‘желтый’ и т.п.) + ар (т.е. эр ‘мужчина’, ‘человек’, ‘люди’). Следовательно, Болгар (Булгар) – это исторически: ‘(город) с многочисленным населением’, ‘большой (город)’.

Теперь наводим историческую справку к сочетанию «в Булгаре – мед» из приведенной выше строфы Махтумкули. Источники сообщают, что булгары (основное население Волжской Булгарии) наряду с пашенным земледелием, скотоводством,

охотой и рыболовством занимались также бортничеством (сбором меда диких пчел). Следует добавить, что этот народный промысел процветал в этих местах, например, на территории современного Башкортостана, с глубокой древности, примерно, 1500 лет тому назад, а наскальные рисунки, найденные в пещерах Бурзянского района, свидетельствуют о том, что в этих местах мед добывали еще первобытные люди. В наше время бортевые деревья с дикими лесными пчелами сохранились именно в Бурзянском заповеднике Башкортостана (ныне – заповедник Шульган-Таш). Развитию бортничества и в прошлом, и в настоящее время способствовали особые природные условия – обилие липовых и кленовых лесов – источники массовых медосборов [см.: История Башкирского меда]. Таким образом, можно предположить, что Махтумкули был знаком не только с историческими трудами, рассказывающими о сборе меда диких пчел в Булгарии, но еще слушал рассказы своих сокурсников-башкиров и татар по Хивинскому и Бухарскому медресе о превосходном меде, получаемом на их родине, откуда они приехали учиться и привезли собой мед на пропитание, может быть, даже для продажи.

В 922 г. хан Алмуш объявляет ислам в качестве государственной религии Волжской Булгарии. Вот выдержка из персоязычного сочинения 982 г. «Худудал-алам» («Границы мира»): «Булгар – город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все [жители] мусульмане; из него выходит 20 000 всадников. Со всем войском кафиров (иноверцев), сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают, это место крепкое, богатое» [см.: Волжская Булгария]. Уже к концу X – началу XI века Волжская Булгария стала страной классического

ислама. Если говорить о времени принятия ислама другими тюркскими народами, населявшими тогда территорию современной России, то эта дата приходится на 737 г., когда большая часть тюркоязычных хазар (Хазария, 650–969) стала мусульманами, что на целых два с половиной века раньше, чем крещение восточных славян киевским князем Владимиром в 988 г. Следует также особо отметить, что из-за распространения мусульманства так далеко на север географическое положение города Булгар и в целом страны Булгария диктовало некоторые отступления от канонов ритуальной практики ислама. Например, одна из серьезных проблем для булгар была связана с тем, что на этой параллели летом были короткие ночи, а зимой – недолгий день. Вследствие этого было затруднительно совершать положенные шариатом пять дневных намазов. Главным образом, проблема состояла в невозможности чтения пятого ночного намаза, который совершался после заката солнца, поскольку летом он, по сути дела, сливался с утренним намазом [см.: Измайлов, 2011].

Махтумкули из существовавшей тогда литературы узнал об особенностях, возникающих в Булгаре при совершении правочными пятого ночного намаза (ясы/ятсы намазы), назвав его в своем стихотверении сокращенно ятсы (орфоэпически: ясы). Слово *yassy/yatsu* этимологически связано с глаголом *yatmak* “ложиться”, “спать” и обозначает время отхода ко сну, часа через два после солнечного заката:

Bagdatda gys bolmaz, Gyrgyzda – tomus,

Bulgaryň şähriniň ýassysy bolmaz [Magtymguly, 1993, с. 204].

Наш дословный перевод этих двух поэтических строк с прибавлением некоторых разъяснений в квадратных скобках выглядит так:

В Багдаде не бывает [суровой] зимы, а [в стране древних, сибирских(?)] кыргызов – [жаркого] лета / В городе Булгар не бывает [т.е. не совершается] пятый ночной намаз. [Ибо он, ночной намаз, как бы сливается с утренним намазом следующего дня].

Казанское ханство (1438–1552), будучи историческим правопреемником не только Волжско-Камской Булгарии (922–1241), но и одновременно возникшей после нее Золотой Орды (1224–1483), пало в 1552 году под натиском войск русского царя Ивана IV Грозного в результате подрыва городских стен ее столицы Казани заложенным в тайно сделанных подкопах порохом. Город был взят штурмом, значительная часть населения перебита, а сам город сгорел. Казанское ханство прекратило свое существование, и его территория в значительной своей части была присоединена к России [см.: Худяков, 1991]. Здесь же отметим, что участь, подобная участи Казани, – тайные подкопы и подрыв стен порохом, – настигла в 1881 г. героически обороняемую крепость Геок-Тепе при ее штурме русской регулярной армией в период завоевания Туркменистана Российской империей. Как философ-богоискатель и правоверный мусульманин, Махтумкули, начитанный в области исламской религиозной и исторической литературы, во многих своих сочинениях мысленно представил положение народов и стран перед грядущим судным днем, концом мира. В последних четырех строфах одного из десяти-строфных стихов, описывая наступающее светопреставление, он, в частности, представляет [см.: Magtymguly, 1994, с. 134–135. Дословный перевод стихов наш – М.С.]:

***Kaşgary, Hotany käfir hind eger,
Nytaýa asmandan keždumlar ýagar,***

Her keždum tewe dek bir-birge deger,

Hindistany ah-u zar harap eýlär.

‘Кашгар и Хотан будут завоеваны гяурами-индусами,

В Китай начнут падать [с небес] скорпионы,

Каждый с величиной верблюда, они будут рядом друг с другом,

*Индия исчезнет из-за [всеобщей] печали (грусти)’.
Aden şahy etgeç Lahora azmy,*

Gaydyr ýurdun tapmaz, dagmy ýa düzmi,

Ab-y Jeyhun harap eýlär Horezmi,

Etrapda her mülk, kim, bar – harap eýlär.

Падишах Адена пойдет войною в Лахор,

Но затем не найдет свою страну – [не станет] ни гор, ни равнин,

Вода Джейхуна (Амударьи) уничтожит [страну] Хорезм,

Все сопредельные с ним области тоже уничтожит’.

Darganyň şährine gökde ses geler,

Ol bir ýowuz sesdir, eşiden öler,

Bulgaryň şährini ol orus alar,

Orsy Deçjal bile nar harap eýlär.

В городе Дарган будет услышан голос с небес,

Это будет суровый голос, кто услышит – умрет,

Город Булгар займут русские,

Русских уничтожит Дечджал (Антихрист) со своим огнем’.

Magtymguly, her kim diňlese jandan,

Bu işler öň geler ahyrzamandan,

Mäti ýerden çykar, Isa – asmandan,

Deçjaly ol iki är harap eýlär.

Махтумкули, кто слушает [меня] от души,

То поймет, что все это произойдет перед концом света,

Мехди выйдет из-под земли, Иисус [спустится] с небес,

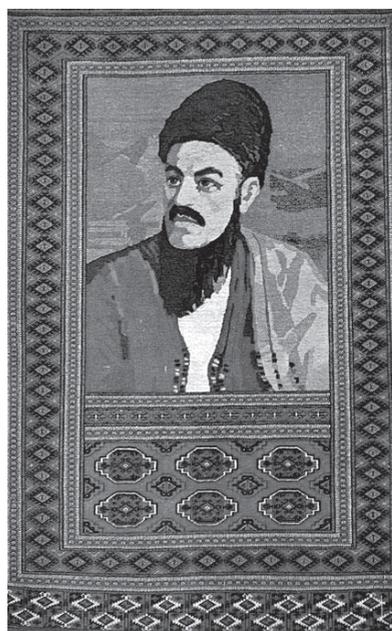
Дечджала (Антихриста) убьют эти два мужа’.

Как видно из последних двух строк третьей строфы и четвертой заключительной строфы в целом приведенного выше стихотворения, Махтумкули завоевание русскими Булгарии (Казанского ханства) в 1552 г. (может быть, он владел еще исторической информацией о походе русских 1431 г. на волжских и камских болгар, в результате чего была окончательно разрушена их столица Великий Булгар), представляет своим читателям как событие, которое произойдет перед началом светопрествления, и затем появившиеся на Земле вновь последний двенадцатый имам мусульман Мехди и пророк Иса (у христиан Иисус, т.е. сам Христос) убьют людоненавистного Антихриста (Дечджала). Обращаясь в своих произведениях к мотивам апокалипсиса, великий поэт призывает людей и народов к добру и терпимости, межконфессиональной гармонии и толерантности. Именно с этой целью он философски и художествен-

но осмыслил и умело использовал доступные ему сведения из истории средневекового города (страны) Булгар.

Перед тем, как перейти к анализу стихов другого нашего поэта, следует отметить, что в 2014 г. под патронажем Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова в стране и за рубежом прошли многочисленные мероприятия, посвященные 290-летию юбилею великого туркменского поэта Махтумкули Фраги [см.: Соегов, 2014 (I), с. 69–78; Соегов, 2014 (II), с.57–64]. Решением 31-го заседания постоянного совета TÜRKSOY (Международная организация тюркской культуры) 2014 год был объявлен в тюркском мире годом Махтумкули).

Являясь достойным продолжателем литературно-художественных традиций, присущих бессмертным творениям Махтумкули, поэт Молланепес Кадырберди оглы в следующем, XIX веке действительно стал непов-

Ковры с изображением поэтов Махтумкули и Молланепеса, которые были вытканы на основе их канонических портретов, выполненных народным художником Туркменистана, профессором Айханом Хаджиевым

торимым мастером любовной лирики в туркменской литературе. В пятой строфе стихотворения под названием “Arzuw eýlär” (‘Мечтает’), которое начинается строками Köñül guşu ganat baglar, / Uçsam diýip, arzuw eýlär (‘Птица моей души, раскрыв крылья, / Улететь мечтает’), поэт излагает свою мечту странствовать по близким и дальним странам, в том числе посетить Болгарию (дословный перевод наш – М.С.):

*Mundan barsam Hindistana,
Gözüm tutsam Dagystana,
Şähr-i Bulgar, Rumustana,
Aşsam diýip, arzuw eýlär*
[Mollanepes, 1983, с. 39].

*‘Отсюда доходя до Индии,
Имея затем ввиду Дагестан,*

*И город Булгар, и Византию (Турцию),
Добраться до них мечтает [птица моей души]’.*

Как видно, в стихе Булгар перечисляется наряду с другими странами мира (Индия и др.), хотя поэт использует традиционное словосочетание Şähr-i Bulgar (город Булгар). Следовательно, здесь он имел в виду одновременно и страну Болгарию, и ее столицу город Булгар.

В конце отметим, что действия, описываемые в любовном дестане «Зёхре и Тахир», где сам автор, Молланепес, выступает одним из его персонажей, происходят в стране Татар / Тартар (Татарстан?). Но это уже тема для другой самостоятельной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бариев Р.Х. Волжские болгары. История и культура. – Санкт-Петербург, 2005.
2. Великие Булгары (Болгар). <http://www.kazan-guide.ru/velikie-bulgary/> (16.10.2014).
3. Волжская Булгария. <http://www.tataroved.ru/obrazovanie/textbooks/2/2/> (15.10.2014).
4. Измайлов И. Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. – 2011. Вып. 2(14). <http://www.socionauki.ru/journal/articles/137336/> (16.10.2014).
5. История Башкирского меда. <http://paseka-lemeza.ru/clauses/istorija-meda/> (21.10.2014).
6. История Булгар [Болгар Българ Bulgar]. <http://vk.com/bulgars> (17.10.2014).
7. Махтумкули. Избранное. Стихи. Перевод с туркменского. – Москва, 1983.
8. Соегов М. Из истории ознакомления западноевропейцев с наследием туркменского поэта-классика Махтумкули в XIX веке: лондонские издания 1842 и 1853–1854 гг. // Научный Татарстан. – 2014. – № 3 (I).
9. Соегов М. Некоторые вопросы туркменской литературы и истории в научном наследии А.-З. Валидова-Тогана (к 290-летию Махтумкули Фраги) // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2014 (II). – № 3 (65).
10. Сокровища болгарского народа. Вып.1. Этногенез. История. Культура. Под редакцией акад. Ю.К.Бегунова. – Санкт-Петербург, 2007.
11. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. – Москва, 1991.
12. Divan-ü Lügat it-Türk Dizini “Endeks”. Çeviren Besim Atalay. – Ankara, 1986.
13. Magtymguly Pyragynyň Diwany: Tankydytekst. – Kunbed-Kabus, 2009.
14. Magtymguly. Şygrylar. Üçtomluk. I tom. – Aşgabat, 1993.
15. Magtymguly. Şygrylar. Üçtomluk. II tom. – Aşgabat, 1994.
16. Mollanepes. Lirika. – Aşgabat, 1973.

Аннотация

На примере стихов туркменских поэтов-классиков XVIII–XIX вв. Махтумкули и Молланепеса рассматриваются вопросы, связанные с художественно-философским осмыслением отдельных событий из истории древнего города (страны) Булгар. Выявляется мастерство поэтов в использовании исторических фактов для наиболее полного раскрытия художественного содержания с целью воздействия на чувства и умы своих читателей.

Ключевые слова: Махтумкули, Булгар, туркменская литература, поэт-классик, лирика, исторический источник, конец света, Моланепес.

Summary

The article is devoted to the issues which connected with artistic and philosophical comprehension of separate events from the history of an ancient city (country) of Bulgar on example of Turkmen poets-classics verses of XVIII–XIX centuries Magtymguly and Mollanepes. There are reveals the skill of poets in use of historic facts for the fullest disclosing of the art maintenance and for impact to the feelings and mind of the readers.

Keywords: the history, comprehension, the poet-classic, love, honey, a doomsday, to wander, impact.

УДК 94(470.41)+321

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «КАЗАНСКОГО ВЕЛИКОГО ГРАДА БУСУРМАНСКОГО» ХАНСКОГО ПЕРИОДА (1440-е – 1552 гг.)*

А.Г. Бахтин, доктор исторических наук (Йошкар-Ола);

Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук

Узнав о начавшейся междоусобице, Сафа-Гирей обратился к ногайскому князю и мурзам с просьбой о выделении ему воинов. Ногайцы относились к Сафа-Гирею неоднозначно и даже помышляли убить его, однако, будучи настоящим авантюристом, он не скупился на обещания. «А в Казани дей тех людей много, которые нас хотят, – говорил Сафа-Гирей ногайским мурзам, – только дей с мангытскою¹ силою пойду, и они дей меня возмут. А возму дей Казань, и яз дей Юсуфу князю да и вам дам Горную сторону, да и Арскую». Ногайские мурзы обдумывали сказанное, а Сафа-Гирей щедро обещал им большое денежное вознаграждение, а также взять мурзу Юнуса, старшего сына правителя Ногайской Орды князя Юсуфа, князем в Казань «на мангытское место». Ради достижения своей цели он даже выразил готовность признать вассальную зависимость от Ногайской Орды. «По твоему дей жалованью только Казань возму. Яз дей в твоей воле учиню», – заверял он князя Юсуфа. Наконец, ему удалось убедить князя и мурз дать ему войско. Перед этим хан принес присягу в верности своих слов. Примечательно, что Сафа-Гирей обещал не проводить репрессий против казанской знати: «А убью дей человека или

дву, а боле деи того не убью. А опричь деи того, никому никоторого убытка не учиню»².

Однако возвращение изгнанного полгода назад хана устраивало далеко не всех. Только после восьми дней боев Сафа-Гирей смог войти в город³. Но и после этого потребовалось еще некоторое время для подавления сопротивления. Князю Хосрову удалось даже собрать отряд, с помощью которого он попытался ворваться в Казань, однако соотношение сил было неравным. Ногайцам удалось рассеять его отряд⁴. Став ханом в третий раз, Сафа-Гирей (1546–1549) решил навсегда покончить с какой-либо оппозицией своей власти. Физическому истреблению подверглись все, кто открыто не встал на его сторону. Среди погибших были князья Баубек и Кадыш и даже глава мусульман сеит, посмевавшийся осуждать Сафа-Гирея. Столь массовые репрессии вызвали порицание даже в союзной ему Ногайской Орде. Князь Юсуф с возмущением писал Ивану IV, что Сафа-Гирей, «что было лутчих людей казанских, то всех побил»⁵. Оставшиеся в живых поспешно эмигрировали в Россию и Ногайскую Орду. Летописи фиксируют прибытие в Москву в сентябре 1546 г. 76 казанцев, среди которых находились кня-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2014. – № 1, № 2, № 3, № 4.

зья Кулуш, Тереул, Бурнаш и братья Чюры Нарыкова⁶. Казанские эмигранты были приняты на русскую службу и использовались в дальнейшем в борьбе против Казани. Сафа-Гирею удалось разгромить оппозицию, однако в канун возобновления военных действий с русскими это значительно обескровило и ослабило Казанское ханство и в то же время предоставило правительству Ивана IV дополнительные основания для вмешательства во внутренние дела страны и сотни опытных татарских воинов.

Добившись с помощью ногайских сабель возвращения на ханский престол, Сафа-Гирей не выполнил ни одного обещания, данного ногайским феодалам. Обманутые ногайцы из союзников превратились в противников и начали совершать нападения на казанские пределы. Мурзе Юнусу весной 1548 г. удалось даже подойти к Казани. Понеся большие потери, он вынужден был отступить⁷. Авантюризм Сафа-Гирея поставил Казанское ханство на грань войны сразу на два фронта: на западе – с Россией и на юго-востоке – с Ногайской Ордой.

События, произошедшие в Казани, имели самые серьезные последствия для нетатарского населения ханства. Особенно внимательно за происходящим наблюдали жители Горной стороны. Возвращение Сафа-Гирея и разгром оппозиции неотвратимо должны были вызвать возобновление войны с Россией и новое разорение Горной стороны, которая в русско-казанских конфликтах оказывалась между «молотом и наковальней». В.Д.Димитриев допускает, что намерения Сафа-Гирея передать Горную сторону под власть ногайцев могли стать известны горным людям, что не сулило им ничего хорошего⁸. В данной ситуации народы Горной стороны не хотели больше оставаться безучастными наблюдателями и послушными исполнителями

безрассудных приказов казанского правителя. Необходимо было срочно действовать. О том, как происходил поиск нужного решения, рассказывается в уникальном горномарийском предании об Акпарсе, записанном в XIX веке.

Старейшины и гадатели – «мужаны» сошлись на «великое собрание». Они хорошо понимали, что возобновившаяся война не обойдет стороной их селения и что их жилища будут сожжены, имущество разграблено, посеы вытоптаны, а население, не успевшее укрыться, захвачено в плен или перебито. После долгих размышлений и споров «великое собрание» решило направить в Казань и Москву разведчиков, именуемых в предании как «глаза и уши». Им было поручено собрать как можно больше информации о каждой из сторон и доложить затем старейшинам. «Глаза и уши» отлично справились с заданием. По их возвращении вновь было созвано «великое собрание». Первыми выступили прибывшие из Москвы. Они доложили: «Царь московский крепко сидит на престоле, подданных слуг и войска у него много и все почитают его за земного бога; казною богат, закон у них один и закон соблюдается». Разведчики, побывавшие в Казани, сказали: «На казанском престоле сидит царь не крепко; царей в Казани часто меняют, происходят там бунты, закон у них не соблюдается... плохо там... А главное то, что им против Москвы не устоять. Скоро опять между Москвой и Казанью начнется война». «Великое собрание» постановило искать покровительство у России и направило для этого в Москву специальное посольство⁹. На выбор горных марийцев не могло не повлиять массовое бегство казанских феодалов, оппозиционных режиму Сафа-Гирея.

Известия о посольстве горных людей в Москву зафиксированы не-

сколькими письменными источниками. Они имеются в Никоновской и Львовской летописях, «Летописце начала царства», в «Продолжении хронографа редакции 1512 г.», в Царственной и разрядной книгах. Из них мы узнаем, что 6 и 7 декабря 1546 г. «прислали к великому князю бити челом горная черемиса Тугай с товарищи дву черемисинов, чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служить хотят»¹⁰. Разрядная книга добавляет, что посольство было послано горной черемисой и сотником Атачиком «с товарищи». Далее запись в разрядной книге раскрывает цель прибытия посольства горных людей: «...оне похотели государю и великому князю служить и великого князя воевод встретить за Василем городом и с воеводами итить х Казани»¹¹. Еще более проясняет характер обращения горных людей «Продолжение хронографа редакции 1512 г.», где говорится о том, что «просила горная черемиса царя Шигалея, а хотели итти х Казани и царя с Казани сослати»¹².

Горные люди могли вести переговоры с приказными дьяками и боярами, сам же Иван IV в это время совершал поездку по монастырям и в Москве отсутствовал. Постниковский летописец 60-х гг. XVI в. сообщает, что Иван IV «пригнал на Москву на подводах декабря в 10 день в третьем часу ночи с субботы на неделю безвестно. От Пречистые от Тихвинские к Москве в пол-4 дни перегнал для того, что чаяли по полоняниковым вестем крымского царя или царевичев к Москве. Да и того для, что ис Казани Кадыш князь и вся земля прислали к великому князю к Москве трех татариннов с тем, что оне царя казанского Сафа-Кирея в городе в Казани осадили, только у него его людей 70 человек. И князь великий прислал бы к ним своих людей. А велит им князь

велики поймав царя к себе прислати, и оне пришлют. А велит его в Казани убита, и они его убьют»¹³.

Прибытие в Москву горномарийско-чувацкого «посольства» совпало с массовым притоком туда казанских беженцев. Интересы казанских эмигрантов и горных людей совпали. И те, и другие рассчитывали при поддержке русских войск свергнуть Сафа-Гирея и посадить на ханский престол московского ставленника Шах-Али. Успешная реализация задуманного привела бы к возобновлению российского протектората над Казанским ханством, неизбежно сняла бы напряженность между сторонами, создала благоприятные условия для длительного мира и взаимовыгодного экономического сотрудничества, т.е. дала бы народам Горной стороны то, чего они больше всего желали.

Очевидно, русское правительство не спешило проникнуться доверием к горным марийцам и чувашам, ранее воевавшим против России. Этим можно объяснить тот факт, что предложение горных людей, несмотря на всю очевидную выгоду, полностью русским правительством принято не было.

В феврале 1547 года русское войско перешло Суру. Однако оно не было большим и имело ограниченную разведывательную задачу: «...казанских мест воевати луговые стороны, а к городу ходити не велели...». Русское войско продвинулось только до р. Свяга, не дойдя до Казани 30 верст. В соответствии с указанием, воеводы не разоряли селений горных людей, а наносили удары по Луговой стороне. Как и было обещано, русские нигде на Горной стороне не встретили противодействия. Более того, отряды горных людей, в соответствии с договоренностью, хотели даже присоединиться к русским: «Черемиса горная стороны пришла было многая к воеводам»,

однако «разведав то, что с воеводами царя Шигалея нет, и оне поворотились назад, а иную черемису воеводы у себя оставили и к Москве привели»¹⁴.

Таким образом, можно заключить, что горные люди искренне хотели присоединиться к русским войскам, но, поняв, что они не собираются предпринимать серьезных действий против Казани, сразу же потеряли всякий интерес и не приняли участия в походе, ибо Москва не выполнила условий договоренности, а открытая поддержка русских войск вызвала бы сразу же после их ухода жестокие репрессии со стороны Казани. В то же время русским не было оказано никакого сопротивления.

На окончательное определение политической ориентации народов Горной стороны повлиял удачный для России ход войны. В сентябре 1548 года русские пресекли попытку татар опустошить костромские места, в марте следующего 1549 года отразили последний набег казанских татар на Муром, после чего военная инициатива полностью перешла к России. Этому благоприятствовала неожиданная смерть Сафа-Гирея, наступившая в результате несчастного случая в начале марта¹⁵.

Со смертью Сафа-Гирея в Казани произошел династический кризис. Взрослые сыновья почившего хана Мубарек и Булюк находились в Крыму, в Казани были двухлетний сын Сююмбике Утемыш-Гирей и 12-летний сын от русской пленницы. Ни тот, ни другой не подходили на роль казанского хана. Один был мал, второго браковали за его русское происхождение, впрочем, совершенно напрасно, в 1550 г., защищая город, он погиб на крепостной стене¹⁶. Чтобы пригласить одного из царевичей, в Крым направили специальное посольство, однако по дороге его перехватили касимовцы. Ханом вынуждены были провозгла-

сить младенца Утемыш-Гирея (1549–1551) при регентстве Сююмбеки.

Смерть Сафа-Гирея означала для Казани конец единства, достигнутого путем жестоких казней. Казанский летописец сообщает, что «по смерти царева воста брань велика в Казани, в велможех его крамола и губителство зло: не хотят бо казанцы меншии больших слушати и покарятися им, коим царьство приказано бысть брещи; и вси бо творяхуся велики, и властвовати в Казани хотяще, за сие друг друга убиваше...»¹⁷. Все осознавали пагубность продолжения войны с Русским государством, однако выход из ситуации понимали по-разному. Одни уповали на помощь мусульманских стран и допускали возможность мирных переговоров с Россией только с тактической целью, чтобы избежать русского наступления. По сути, это была линия на продолжение войны. Другие видели выход в заключении мира с Россией и готовы были пойти на компромисс и принять ханом ставленника Москвы. Обсуждая создавшееся положение, они говорили: «Нам деи без Москвы нельзя быти, а Москве деи без Казани. Крымцы деи бы деи вышли и поехали прочь»¹⁸. Провосточные настроения оказались сильнее. Странники оппозиции вынуждены были бежать из Казани в Россию и Ногайскую Орду. Казанский летописец сообщает, что многие татары «ис Казани убежаху к Москве, на имя самодержцово, служити ему»¹⁹. Царь с радостью принимал эмигрантов, назначал их на службу и давал большое жалованье. Это стимулировало дальнейшую эмиграцию. Русское правительство было заинтересовано в привлечении на службу казанской знати. В Ногайскую Орду посылались письма к находившимся там представителям казанской знати с приглашением на службу. Например, в феврале 1549 г. такие письма были

направлены с послом И.Б. Федцовым Бейурган сеиду, Илеману князю и бакшею Абдуле. «А что есте к нам писали в своей грамоте, что вам в Нагаех жити истомно, и вы б поехали к нам с нашим послом с Ываном. А как приедете к нам, и мы вас пожалуем своим великим жалованьем и устроим вас, как вам мочно у нас жити доколе ождат Бог нам, и Казанской юрт устроитца», – писал Иван IV беженцам²⁰. Результат не заставил себя ждать: в 1551 г. в Москве находилось уже более 500 казанских князей, мурз и казаков²¹. В 1552 году численность казанских беженцев в России, с учетом членов семей и слуг, приблизилась к 10 000²². От них в 1549 г. поступило челобитье царю с просьбой о посылке на ханское место в Казань Шах-Али. Иван IV внимательно следил за происходящим в Казани, узнавая, что после смерти Сафа-Гирея «в велможях его и во всех казанцах возмущение, и брань, и самоволие велико...»²³. Он решил незамедлительно воспользоваться ослаблением ханства и начавшимся брожением в Казани для нанесения удара, чтобы посадить на трон Шах-Али и восстановить протекторат. Многочисленные эмигранты, по замыслу царя, должны были составить опору московскому ставленнику²⁴. В июле состоялось заседание Боярской думы, на котором присутствовал митрополит Макарий. Обсуждался вопрос о продолжении войны с Казанью. Решено было идти в поход «по первому зимнему пути» самому Ивану IV²⁵.

23 января 1550 года 60-тысячное русское войско двинулись к Казани. По пути они «многие места по Горной стороне воевали и по Арской и по Луговой стороне воевали много и полону имали»²⁶. Однако зимний поход 1549/50 г. не принес победы. Правительство в Казани возглавил крымский улан Кошак, который сумел организовать оборону города. Русские

источники по-разному объясняют причины ухода войск из-под Казани. Некоторые летописи указывали на оттепение²⁷. Сам Иван IV в письме ногайскому князю Юсуфу писал: «А сее зимы казанскую землю воевали есмя сами, и в городе есмя в Казани многих людей побили, а иных есмя казанских людей многих в полон взяли. А пошли есмя от города в борзе потому, что пришла тепль великая, и река Казань прошла. И для теплоты города Казани достовати было нельзе»²⁸. Резкое потепление действительно было, об этом сообщают многие летописи²⁹. Однако не только плохой погодой объясняется отступление русских войск от Казани. Ряд летописей и А.М. Курбский кратко констатируют, что во время неудачного приступа русские «града не взяша, а множество много людей на обе страны побито»³⁰. Принимавший участие в обороне Казани астраханец Ходжа Тархани Шерифи свидетельствует о значительных потерях как среди казанцев, особенно страдавших от русской артиллерии, так и о неисчислимых потерях среди русских. По его словам, «два войска, утонув в железе, одинаково дрались и воевали один против другого... Это было такое сражение – будто судный день, мир заполнился звуками кинжалов, в городе Казани кровь текла рекой». Победа досталась казанцам. «Грешные неверные, погибнув таким образом, на двух равнинах крепости лежали пищей для собак, куском для волков и гиен. Не было места, куда можно было бы ступить ногой», – пишет Шерифи³¹.

Неудача похода показала: 1) зимой успешность действий русских войск во многом зависит от капризов погоды; 2) отрицательно сказывалась оторванность от баз; 3) русские смогли еще раз убедиться, что казанцы, несмотря на внутренние неурядицы и слабость ханской власти, обладают достаточным военным и материаль-

ным потенциалом и волей к сопротивлению. Все эти обстоятельства препятствовали русским в достижении решительной победы. В то же время казанцы понесли столь существенные потери, что стала очевидна неизбежность падения города при менее благоприятном стечении обстоятельств. На это указывает и чисто оборонительная тактика казанцев. Они уже были не в состоянии давать полевые сражения и преследовать отступающего неприятеля.

Готовиться к новой кампании против Казани Иван IV начал еще по дороге в Москву. Было ясно, что русским необходима база вблизи Казани. Царь принял решение воздвигнуть такую на Горной стороне. Построение крепости в непосредственной близости от Казани позволяло, по словам Ивана IV, «тесноту бы учинити казаньской земле»³². Царь обсудил этот вопрос с воеводами, Шах-Али и казанскими князьями-эмигрантами. Идея строительства крепости была одобрена всеми. Казанские князья и Шах-Али даже указали Ивану IV удобное для строительства крепости место в устье Свяги на Круглой горе³³.

В течение зимы 1550/51 г. в угличских лесах под руководством талантливого инженера дьяка И.Г. Выродкова был заготовлен необходимый для возведения крепости материал. Предполагалось срубленные заранее крепостные стены и дома разобрать и на судах спустить Волгой до нужного места и возвести крепость под носом у противника.

К апрелю 1551 г. все было готово к проведению новой кампании против Казани. Ключевым моментом в ней должна была стать не осада Казани, как это было прежде, а построение крепости на Свяге. Для прикрытия строительных работ сформировали несколько войсковых групп. Судовая рать под командованием П.С. Сереб-

ряного должна была выступить первой и занять место будущего строительства, а затем атаковать Казань и тем самым связать силы ханства. Вслед должны были двигаться суда с разобранными срубами. Охрану судов и строительство крепости поручалось осуществлять полкам под формальным командованием Шах-Али и Ю.М. Булгакова. В составе войска двигался отряд из 500 казанских эмигрантов. Летописец замечает, что «много бо их тогда бяше у государя». С юга от возможного нападения крымцев и ногайцев строительство прикрывало выдвинутое в степь войско Д.И. Хилкова. Вятку и Каму брали под контроль вятчане во главе с Бахтеяром Зюзиным. Переправы на Волге поручалось занять казакам, «чтобы воинские люди ис Казани и в Казань не ездили»³⁴. Войскам было приказано «казанския улусы пленити и воевати, и не щадити ни жен, ни детей, ни старых, ни юных, но всех под меч клонити»³⁵. Таким образом, одновременно со строительством крепости предполагалось осуществить отвлекающие удары и блокаду центра ханства для деморализации противника.

Наступление началось 16 мая 1551 г. и развивалось успешно. Уже к вечеру следующего дня русские вышли к Круглой горе на Свяге, а утром 18 мая, под прикрытием густого тумана, незаметно приблизились к Казани и удачно атаковали посад. Появление П.С. Серебряного под городом было полной неожиданностью для татар. «А на посад пришел безвестно и божиею милостью побил многих людей; и живых поимали, и полону русского много отполонили, а князей и мурз великих болши ста побили, и многих мелких людей и жен и робят побили», — повествует летописец³⁶.

Подверглись атакам и улусы ханства. Казанский летописец сообщает, что русские воеводы «распустиша воя

по улусом казанским воевати, и пленити горния черемиса и нижния»³⁷. Этим была обеспечена возможность прибывшим 24 мая строителям беспрепятственно заниматься своим делом. Уже через четыре недели после начала работ были возведены крепостные стены, а к 30 июля завершено строительство города, названного Ивангородом на Свияге. Однако название не закрепилось и город стали именовать по реке Свияжском.

Столь неожиданное и быстрое возведение русской крепости вблизи центра Казанского ханства произвело ошеломляющее впечатление на современников. В Казани долго не могли поверить в этот факт, полагая, что русские поставили лишь гуляй-город. «Егда же истину уведаша казанцы, что поставлен бысть великий град, и почаша тужити и тосковати», – сообщает Казанский летописец³⁸. Причины для переживаний были весьма серьезные, казанцы хорошо представляли, какие преимущества получают русские для ведения войны с построением базы недалеко от Казани. В татарской летописи говорится, что «иноверцы русские у устья реки Свияги поставили крепость: в ней сложили свои пушки, деньги и крепостные запасы»³⁹.

Возведение крепости подняло дух русского воинства: «И от сего прияша вся воя руская известно дерзновение на враги своя казанцы и на всю черемису их»⁴⁰.

Политическая обстановка на Горной стороне, несомненно, принималась в расчет при разработке плана кампании лета 1551 года. В целом она была благоприятна для России. С 1547 года население Горной стороны находилось перед выбором и занимало выжидательную, нейтральную позицию, формально сохраняло покорность казанскому хану, и в то же время уклонялось от участия в войне против русских. На окончательное

определение политической ориентации народов Горной стороны повлиял удачный для России ход войны. Возведение на Свияге крепости с многочисленным гарнизоном и начало нового опустошения Горной стороны русскими войсками окончательно склонили настроения основной массы местного населения в пользу России. Этому благоприятствовало и то, что татарские феодалы, жившие на Горной стороне, поспешили убежать в Казань и не могли оказывать влияние на колеблющуюся часть населения. «Горние же люди, видев то, что город царя православного стал в их земле, и почаша ко царю⁴¹ и воеводам приезжати, и бити челом, чтобы их государь пожаловал гнев свой отдал; а велел бы им быти у Свияжского города, и воевати их не велел»⁴². Казанский летописец добавляет, что «старейшины и сотники горния черемисы» пришли с челобитьем на третий день после начала строительства, т.е. 26 мая⁴³. В Степенной книге сообщается, что жившие в окрестностях строящегося города «горнии люди начаша присягати и град делати помагаху, хлеб же и мед и скот и всякую потребу во град привожаху»⁴⁴.

Сообщение об удачных действиях русских войск, возведении новой крепости и челобитье горных людей («а горние люди государю хотят служити»), было направлено в Москву с касимовским князем Шабасом Шамовым и боярином И.Ф. Шишкиным. Вскоре горные люди от «всее Горнее стороны» снова били челом боярам и Шах-Али, прося разрешения на поездку их делегации в Москву. При очевидной неизбежности включения Горной стороны в состав России местные старейшины посчитали необходимым обговорить с русским царем условия этого акта. Разрешение было получено, и их делегация во главе с Магметом Бозубовым и Ахкубеком Тогаевым

выехала в Москву. В Москве «Магмет с товарищи государю били челом ото всея Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемися и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свяжьского города быти; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детем неотступным быти и к Казани от Свяжскаго города никак не отложитися; и пожаловал бы их государь, в ясакех полегчил и дал бы им жаловалную свою грамоту, как им вперед быть». «Государь их пожаловал, гнев свой им отдал и воевати их не велел и взял их к своему Свяжскому городу; и дал им грамоту жаловалную з золотою печатию, а ясаки им отдал на три годы; да Магмета с таварыщи пожаловал великим жалованием, шубами и деньгами». Но и Иван IV, в свою очередь, потребовал от горных людей «государю царю и великому князю служить и хотети во всем добра, и от города от Свяжского неотступным быти, и дани и оброки черным людем всякие платить, как их государь пожалует и как прежним царем платили, а полону им руского никак у себя не держать, весь освобожати». На этих условиях в июне 1551 г. «воеводы горных людей, князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашу и черемису и мордву и можаров и тарханов, привели к правде»⁴⁵. Таким образом, в июне 1551 г. произошло мирное присоединение Горной стороны к Российскому государству.

Судя по летописным известиям, инициаторами челобитья были горные маришцы и чуваша, присягу же принимали также мордва и местные татары. Среди последних было немало тех, кто оппозиционно относился к правившему в Казани режиму. В одном из чувашских преданий рассказывается, что еще в декабре 1546 г. во время переговоров в Москве сотник

Анчик уверял русских бояр в том, что «и татары будут рады русским, потому что и между ними есть много недовольных ханом за то, что его слуги, богатыри-воины, разбойничают над всеми»⁴⁶. Это предание реально отражает существовавшие среди казанских татар антикрымские настроения.

Однако в Москве имели богатый и разнообразный опыт взаимоотношений с народами Среднего Поволжья и опасались коварного предательства. Необходимо было принять меры к укреплению новых подданных за русским государем. Решили испытать горных людей на верность. Им было заявлено: «Правду есте государю учинили, пойдите же, покажите свою правду государю, воуйте его недруга». Горные маришцы и чуваша вооружились и атаковали Казань. С военной точки зрения операция была неудачна. Когда отряд подошел к городу, «вышли к ним все казанские люди крымцы и казанцы; да с ними билися крепко, и от обоих падоша. Казанцы ж вывезли на них из города пушки, и пищали, да учили на них стреляти; и горние люди чуваша и черемиса дрогнули и побежали; и убили у них казанцы человек со сто, а с пятьдесят живых поймали»⁴⁷. Однако поход продемонстрировал искренность народов Горной стороны в принятии российского подданства.

Следующей мерой, призванной закрепить население Горной стороны за Россией, стало одаривание или подкуп местной знати. Это было одно из традиционных средств, используемых русским правительством в отношениях с татарскими государствами. Летопись об этом повествует так: «Горние же люди ездили ко государю во все лето человек по пяти сот и по шти сот; а государь их пожаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом. Князей и мурз и сотных казаков жаловал шубами с бархаты; а иным

чуваше и черемисе камчаты и отласныя; а молодым однорядки, и сукна, и шубы белы; а всех государь пожаловал доспехи, и коньми, и деньгами». Такая небывалая царская щедрость вызвала всеобщее удивление среди московского люда. Даже летописец не удержался от восклицания: «А государево жалование к ним не оскудевает, но паче государь прибавливает: многое множество роздаваше, паче же своих воинов жалуючи. В прежних бо летописцах таковых расходов не пишет, каково государь жалование к своим, и ко всем приходящим покажет». Действия русского правительства скоро принесли свои положительные результаты. Горные люди «прямить почали; и служить правдою и на Луговую сторону ходити воевати, и языков добывати»⁴⁸.

Присоединение Горной стороны к России было сложным и противоречивым событием. Давнишние связи с Россией и ослабление контактов с Казанью создали социально-экономические и политические предпосылки для мирного вхождения этой части ханства в состав Русского государства. Но отторжение части территории от единого государства не могло произойти безболезненно. Население воспринимало происходящее неоднозначно, были сторонники и противники присоединения, основная же масса, очевидно, колебалась и пребывала в нерешительности. В условиях затянувшейся войны горные люди наиболее страдали от ее последствий и не получали при этом действенной защиты из Казани. Как только обозначился явный перевес сил в пользу России, основная масса населения склонилась в сторону России. Присоединение Горной стороны к России произошло хотя и мирно, но отнюдь не добровольно, а вынужденно, под воздействием внешних обстоятельств. Челобитье горных людей с просьбой

о принятии их в подданство последовало лишь после введения на Горную сторону значительного контингента русских войск и начала строительства Свяжской крепости. На мирный и одновременно сложный характер присоединения народов Горной стороны указывал и А.М. Курбский, подчеркивая, что горные люди «хотяще и не хотяще, покоришася» русскому царю⁴⁹. Аналогичным образом можно истолковать и слова русских дипломатов на начавшихся вскоре в Казани мирных переговорах, где они заявляли, что Горную сторону государь «божиим милосердием да саблею взял до их челобития»⁵⁰. Тем не менее вооруженного завоевания Горной стороны не было, активные действия русских лишь ускорили наметившийся процесс мирного вхождения местных народов в состав России. В «Летописчике» Игнатия Зайцева, составленном в 1555/56 г., отмечается, что «горняя черемиса мирна заложила за великого князя в лето 7059 (1551) июня, как поставили город на Свяге»⁵¹. Присоединение Горной стороны к Российскому государству предопределило дальнейшую судьбу Казанского ханства и положило начало вхождению всего Поволжья и Приуралья в состав России.

Успешные действия русских войск во время кампании 1551 г. наглядно продемонстрировали, что правительство крымского улана Кошак и царицы Сююмбике не в состоянии обеспечить безопасность и единство страны, вследствие чего противоречия между казанцами и крымцами заметно обострились: «...начаша рознити казанцы с крымцы». Среди казанцев началось брожение, нарастали настроения в пользу начала мирных переговоров с царем Иваном. Дошло до того, что «чуваша арская» пришла «з боем на крымцов, о чем де не биют челом государю». Мятежников удалось рас-

сеять, однако казанцы больше не хотели подчиняться крымцам. Многие князья и мурзы уезжали на службу к русскому государю⁵². Потеряв всякую надежду удержаться в Казани и опасаясь переворота, 300 крымцев во главе с уланом Кошаком, бросив свои казанские семьи и слуг, попытались покинуть страну, однако при переправе через Вятку были перехвачены русской заставой, частью перебиты, а частью взяты в плен и отправлены в Москву и там, после отказа креститься, казнены⁵³.

Бегство из Казани крымцев создало условия для начала мирных переговоров. Чтобы избежать полного поражения в войне, казанцы вынуждены были пойти на существенные уступки. Русские дипломаты настояли на том, чтобы пятилетний хан Утемыш-Гирей и его мать – регентша Сююмбике – были смещены и депортированы в Россию. Ханом уже в третий раз объявили русского ставленника Шах-Али (1551–1552). По условиям договора казанцы обязывались выдать также всех оставшихся в ханстве крымцев и освободить русских пленных. Неожиданным для казанцев стало объявление Горной стороны российской территорией, что вызвало особое неудовольствие. Условия мирного договора, продиктованные российской стороной, оказались весьма жесткими. Казанская знать, а под ее давлением и сам хан Шах-Али, стали настоятельно требовать возвращения отторгнутой территории: «И они все стали о Горней стороне говорить, что тово им учинити не мощно, что земля разделить». На что бояре «по государеву приказу отмовили, что тому делу инако не быть, что государю бог дал, то ся ему не поступить»⁵⁴. Так и не добившись никаких уступок, казанцы с большой неохотой вынуждены были принять условия мирного договора. Летописец замечает, что «к

правде пошли все люди казанские, по сту человек и по двесте и по триста, а не вдруг»⁵⁵. В сентябре 1551 года казанская знать вновь возвратилась к этому вопросу, попытавшись склонить русское правительство к компромиссу. Соглашаясь признать переход Горной стороны под власть русского государя, они просили, чтобы он хотя бы им «придал ясаков з Горние стороны»⁵⁶. Однако и на этот раз последовал решительный отказ. Иван IV рассчитывал не только оставить за Россией стратегически важный плацдарм, позволявший держать под контролем все Поволжье, но и ослабить этим Казанское ханство экономически, лишив его основных поступлений ясака. Это неизбежно усилило бы зависимость ханства от России. Казанским послам было категорично заявлено, что государю с «Горние стороны х Казани ни одной денги не отдаивати...»⁵⁷.

Неуступчивость российского правительства заметно ухудшила межгосударственные отношения. Марионеточный правитель Шах-Али не мог отстаивать интересы казанцев и поэтому быстро утратил и без того низкий авторитет. Его распоряжения саботировались, казанцы не торопились освобождать русских пленных. Даже касимовские татары из окружения хана стали обзаводиться русскими рабами. Из-за опасения восстания хан не был в состоянии выполнять все требования русских, что вызывало раздражение в Москве. Неустойчивостью положения Шах-Али поспешили воспользоваться сторонники восточной партии, начавшие активную работу, направленную против русского присутствия и неугодного хана. Многие казанские князья, мурзы и уланы выехали в Ногайскую Орду, где подбивали ногайцев к нападению на Россию. В самой Казани полным ходом шла подготовка к государственному перевороту. Пытаясь

упредить своих недругов, Шах-Али перешел к репрессиям, действуя по привычному для него коварному сценарию. Пригласив своих противников на пир, он приказал их перебить: «...кои были в ызбе, царевы князи порезали их, а многих на цареве дворе побии стрелцы великого князя, а иных велел стрелцом по подворием побить...». Всего убили 70 князей, мурз и уланов. Однако избиение знати лишь накалило атмосферу, после чего падение режима Шах-Али стало неизбежным. В декабре 1551 года он с отчаянием говорил русским боярам: «Прожить де мне в Казани не мощно, загрузил есми казанцом добре»⁵⁸. Хану предложили укрепить власть посредством русских людей. Шах-Али возразил: «Бусурман де есми, не хочю на свою веру стати, а государю своему царю великому князю изменить не хочю же...»⁵⁹. Шах-Али

оказался в сложном противоречивом положении и осознал, что не в состоянии разрешить ситуацию.

В январе 1552 года промосковски настроенной частью казанской знати – князьями Нур Али Ширином, Хосровым и Алемердином азеем было выдвинуто предложение сместить хана Шах-Али и принять Казанское ханство в подданство России с назначением наместником в Казани русского боярина. При этом Казань должна была сохранять определенную автономию⁶⁰. Не исключено, что обращение казанской знати к Ивану IV было инспирировано правящими кругами России. Такое мнение высказывается некоторыми историками⁶¹. С.Х.Алишев допускает инициативу принятия такого решения самими казанцами, желающими спасти Казань от завоевания «путем добровольного, но терпимого подданства»⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеются в виду ногайцы.
- ² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 293; ПДРВ. – Ч. 8. – С. 272–274.
- ³ ПДРВ. – Ч. 8. – С. 143, 271–272.
- ⁴ Там же. – С. 163.
- ⁵ Там же. – С. 144.
- ⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 148, 449–450; Т. XX. Ч. 2. – С. 467–468; Т. XXIX. – С. 49.
- ⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 294, 304, 318; ПДРВ. – Ч. 8. – С. 274–275.
- ⁸ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). – Чебоксары, 1986. – С. 34.
- ⁹ *Айплатов Г.Н.* Указ. соч. – С. 88–90.
- ¹⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 150, 450; Т. XX. Ч. 2. – С. 468; Т. XXIX. – С. 49; ЦК. – С. 126.
- ¹¹ РК. 1475 – 1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 330.
- ¹² ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 526.
- ¹³ ПСРЛ. – Т. XXXIV. – С. 28.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 459; Т. XXII. Ч. 1. – С. 529; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 296.
- ¹⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 461.
- ¹⁷ КИ. – С. 83.
- ¹⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 301–302, 321, 323.
- ¹⁹ КИ. – С. 83.
- ²⁰ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 276, 297, 301–303.

- ²¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 163, 465; Т. XXXIV. – С. 398; ЦК. – С. 164.
- ²² КИ. – С. 83.
- ²³ КИ. – С. 85.
- ²⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 301–302.
- ²⁵ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 363–364; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 168.
- ²⁶ ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 531; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 299.
- ²⁷ *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 169.
- ²⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 327.
- ²⁹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 159, 461; Т. XX. Ч. 2. – С. 477; Т. XXIX. – С. 58; КИ. – С. 85.
- ³⁰ ПСРЛ. – Т. IV. – С. 621; Т. XIII. – С. 158, 461; Т. XX. Ч. 2. – С. 477; Т. XXII. Ч. 1. – С. 531; Т. XXIX. – С. 58; ЦК. – С. 158; КИ. – С. 85; Сказания князя Курбского. – Ч. 1. – С. 14; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 377–378; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 299.
- ³¹ *Шерифи Х.Т.* Указ. соч. – С. 92.
- ³² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 159, 461; Т. XX. Ч. 2. – С. 477; Т. XXIX. – С. 59; ЦК. – С. 158–159.
- ³³ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 59; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 169–170; КИ. – С. 85.
- ³⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 163–164, 464–465; ЦК. – С. 165; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 397–399; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 172–173.
- ³⁵ КИ. – С. 86–87.
- ³⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 164, 465.
- ³⁷ КИ. – С. 87.
- ³⁸ КИ. – С. 92.
- ³⁹ *Катанов Н.Ф., Покровский И.М.* Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве. – Казань, 1905. – С. 7, 11, 16, 21.
- ⁴⁰ КИ. – С. 88.
- ⁴¹ В данном случае речь идет о Шах-Али, формально возглавлявшем воинскую группировку, занимавшуюся строительством Свяжска. Очевидно, пребывание Шах-Али в составе войск сыграло не последнюю роль в решении горных людей принять русское подданство.
- ⁴² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 164, 466; Т. XXIX. – С. 61–62; ЦК. – С. 170.
- ⁴³ КИ. – С. 88.
- ⁴⁴ ПСРЛ. – Т. XXI. – С. 641.
- ⁴⁵ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 164–165, 466.
- ⁴⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. – Чебоксары, 1983. – Ч. 1. – С. 62.
- ⁴⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 165, 466; Т. XXIX. – С. 62; ЦК. – С. 174.
- ⁴⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 165–166, 466–467; Т. XXIX. – С. 63; ЦК. – С. 174–175.
- ⁴⁹ Сказания князя Курбского. – Ч. 1. – С. 19.
- ⁵⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 167, 468.
- ⁵¹ *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. – М.-Л., 1950. – Т. 5. – С. 18.
- ⁵² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 166; Т. XXIX. – С. 63; ЦК. – С. 175; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 175.
- ⁵³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 166, 468; КИ. – С. 94.
- ⁵⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 167, 468–469.
- ⁵⁵ Там же. – С. 169.
- ⁵⁶ Там же. – С. 171.
- ⁵⁷ Там же. – С. 172, 472.
- ⁵⁸ Там же. – С. 167–173, 472.
- ⁵⁹ Там же. – С. 173.
- ⁶⁰ Там же. – С. 173–174, 473; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 181.

⁶¹ *Фахрутдинов Р.Г.* История татарского народа и Татарстана.– Казань, 1995. – Ч. 1. – С. 229; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. – М., 1999. – С. 39.

⁶² *Алишев С.Х.* Казань и Москва. – С. 108–109.

Аннотация

В статье рассмотрена политическая история Казанского ханства. Указывается, что во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с ближайшими соседями, так и отдаленными государствами. Скрупулезно исследованы и по возможности объективно изложены взаимоотношения Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского и Тюменского ханств, а также Московии и Ногайской Орды в XV – первой половине XVI в.

Ключевые слова: политическая история, Среднее Поволжье, Казанское ханство, Московское государство, татары, русские, мари́йцы, мусульмане, христиане.

Summary

The article discusses the political history of the Kazan Khanate. Indicates that foreign policy of Khanate had diplomatic, economic and cultural relations and military conflicts with both immediate neighbors and distant countries. Meticulously researched and as possible objectively presented relationships of Kazan, Crimea, Kasimov, Tyumen, Astrakhan Khanates, Muscovy and the Nogai Horde in the XV – the first half of the XVI centuries.

Keywords: Political History, Middle Volga Region, Kazan Khanate, Moscow State, Tatars, Russians, Mari, Muslims, Christians.

УДК 001-057.4

МУСТАФА КЕМАЛЬ АТАТЮРК И САДРИ МАКСУДИ

М.Р. Гайнанова, кандидат исторических наук

Ататюрк и С.Максуди – личности, оставившие глубокий яркий след в истории своих народов. Этих двух патриотов объединяет любовь к своей нации, истории и вера в лучшее будущее. В период жизни в Казанской губернии С.Максуди вел активную деятельность в национально-освободительном движении татар-мусульман. Однако диктаторский коммунистический режим жестко подавлял все формы национального движения. С.Максуди был вынужден эмигрировать.

Мустафа Кемаль появился на арене истории в момент крушения и распада Османской империи, и сумел создать новое турецкое государство с упором на идею главенства нации. Большая заслуга Ататюрка в том, что им была создана определенная политическая доктрина, которая впоследствии получила название кемализма.

В общем смысле это была своеобразная интерпретация Ататюрком тюркизма (идеи консолидации всех тюрков мира). Он отказался от этой идеи и вместо тюркизма предложил идею туркизма, т.е. опору на турецкий национализм как одну из важнейших составляющих идеологии кемализма.

С.Максуди уважал первого президента Турции Ататюрка за его националистические идеи, за возглавляемое им освободительное движение, и после приезда в новообразованную республику ученый начинает кропотливую работу во благо расцвета и развития Турции, считая татар и турков

близкими по духу, религии и общей тюркской истории народами.

А.Айда пишет, что кончина в 1935 г. Ю.Акчуры – друга и земляка С.Максуди и кончина в 1938 г. глубоко уважаемого им Ататюрка стали для ученого огромным потрясением¹. С.Максуди поддерживал идеи и реформы Ататюрка. Больше всего его привлекала приверженность Гази (настоящее имя Ататюрка) тюркской идее: С.Максуди как будто видел себя в личности Гази, – так пишет А.Айда². Несомненно, Ататюрк поддерживал идею тюркского единства, он также создал комиссию по изучению истории тюркских народов.

Ататюрк останется в истории создателем нового турецкого государства – Турецкой республики – с ее установкой на модернизацию и приобщение к достижениям современной цивилизации в области экономики, политики и культуры³.

Первый президент Турции приблизил к себе представителей казанских татар – Ю.Акчуру и С.Максуди. Эти два друга считались советниками Ататюрка в его преобразованиях. Президент приглашает их к себе в резиденцию – дворец Чанкая – на вечерние застолья, на которых не столько велись общие беседы, сколько решались важные внутренние и внешние политические дела республики. По мнению Ильхана Сельчука, сотрудничавшего с газетой «Республика» («Cumhuriyet»), С.Максуди был приглашен во дворец Чанкая 105 раз⁴. Самым активным пе-

риодом посещений резиденции считаются 1928–1932 гг. До 1932 г. списки приглашенных на застолье к Ататюрку не составлялись. Лишь с начала 1932 г. дежурные адъютанты стали составлять списки приглашенных. В 1955 г. Институтом истории турецкой революции была издана книга «Дежурная тетрадь Ататюрка». Согласно этой книге, С.Максуди приглашали на такие мероприятия до 1937 года. В 1937 году, с 13 марта по 23 ноября, он 8 раз посетил резиденцию, т.е. до случая с «Денизбанком».

Первая размолвка между Максуди с Ататюрком произошла в 1935 г. по поводу теории Солнце–Язык. Теория Солнце–Язык была выдвинута лингвистом Х.Квергичем, согласно которой первые люди на переходном от животного состояния этапе начали разговаривать именно по-тюркски, а все остальные языки произошли от тюркских языков. С.Максуди не поддерживал эту теорию, несмотря на то, что она была одобрена самим Ататюрком.

Второй случай связан с названием банка. Несмотря на свою успешную общественную, политическую, научную карьеру, в 1937 г. С.Максуди становится предметом критики политиков и прессы из-за того, что посмел возразить Ататюрку, а именно: он заявил, что название, данное Ататюрком банку – «Denizbank» («Денизбанк») – не соответствует турецкой грамматике, поскольку в турецком языке нет слова «банк», любое образование с этим словом будет чужеродным. Он предложил утвердить название для нового банка в форме «Deniz Bankası» («Дениз банкасы»)⁵. С.Максуди был обвинен в невежестве. Но, как пишет в книге А.Айда, Ататюрк не одобрил такую критику в адрес Максуди и запретил дальнейшие нападки на него. Однако этот эпизод продемонстрировал сильный характер и прямоту С.Максуди.

Спустя 15 лет, в 1952 г. на собрании ВНСТ (Великое национальное собрание Турции) вновь был поднят вопрос о «Denizbank», и на этот раз депутаты единогласно приняли предложение о переименования банка на «Denizcilik Bankası». В своей статье о С.Максуди Арсале Зияддин Фахри Фыкдыкоглу писал: «Отказавшись от «Denizbank» и согласившись на «Denizcilik Bankası», Демократическая партия показала, что она на стороне профессора»⁶.

Следует отметить, что вместе с С.Максуди в 1920-е годы в Турцию эмигрировал целый ряд татарских интеллигентов. Начало организационному оформлению тюрко-татарской политической эмиграции в Турции было положено прибывшими в страну в начале двадцатых годов Гаязом Исаковым, Фоадом Туктаровым, Бари Батталом, Садри Максудовым, Заки Валиди и рядом других крупных представителей татарской национальной интеллигенции, известных своим неприятием советского режима⁷. Большая волна эмигрантов хлынула в Турцию, так как турки были ближе татарскому народу по крови и религии. Известно, что в надежде начать новую жизнь татары переезжали в Османскую империю с конца XIX века. Этот факт упоминается и в произведениях татарских писателей. Например, известный татарский писатель Махмут Галяу (1887–1938) в своем романе «Муть» («Болганчык еллар») пишет о массовом отъезде татарских крестьян в 1897 г. в Турцию за поиском счастья и новой жизни⁸. Переселение татарского населения из деревень Поволжья и Приуралья было вызвано насильственной христианизацией мусульман после поражения России в Крымской войне. В 1890 г. вышло постановление министерства иностранных дел России о возможности эмиграции мусульманского населения Повол-

жья и Приуралья за границу по религиозным мотивам. В 1892 г. было получено согласие турецкого султана Абдулхамида II о переселении в страну нескольких тысяч мусульман из России, и уже в начале 1893 г. до трех тысяч тюрко-татар устремились из регионов Волги и Урала в Турцию. Будучи приверженцами ислама, имея значительное лингво- и этносоциокультурное сходство, тюрко-татары были гостеприимно встречены турецкими властями; правительство выделило им земли, материалы, пособия⁹.

Известный татарский писатель, политик Гаяз Исхаки в своем докладе на тему «Настоящее положение тюрко-татарских эмигрантов в Европе и их взгляды на будущее», прочитанном им в Мусульманской Общине в 1934 году, пишет, что тюрко-татары, прибывшие в Турцию до революции, почти все жили вместе, организовав одно большое поселение и совершенно не утратили своего национального быта, и все они – турецкие подданные. Наши соотечественники имели большой вес и в научной, культурной жизни Турции. В турецких университетах читали лекции много профессоров тюрко-татар, некоторые из них даже занимали ректорские посты, и все они пользовались большим уважением в научном мире. В прессе тюрко-татарские журналисты также занимали значимое положение. Так, например, редактором политического отдела самой распространенной в Турции правительственной газеты «Республика» («Cumhuriyet») работал наш соотечественник Файзи¹⁰. Надо отметить, что С.Максуди многие свои статьи печатал именно здесь.

Справедливости ради следует сказать, что татары имели все основания считать «второй родиной» те страны, в развитие истории, культуры, науки которых они внесли

достаточно весомый вклад¹¹. Татарская интеллигенция, эмигрировавшая после Октябрьской революции, обустроилась в Турции по-разному. В частности, современная турецкая общественность отмечает большое значение в культурном развитии Турции таких деятелей, как Ю. Акчура, З.Валиди, С.Максуди¹². Несколько лидеров мусульманских народов империи – А.Агаев, А.Гусейн-заде и А.Ибрагимов, оказавшись после первой русской революции за границей, организовали в 1915 г. специальный Комитет для защиты прав тюрко-татар в России. Цель этого Комитета состояла в том, чтобы поднять вопрос о национальных правах, включая самоопределение мусульман-тюрок в Российской империи, на международной арене¹³.

Личности, которые эмигрировали в Турцию и работали на ее благо, занимали определенные влиятельные посты в новой республике. Вот некоторые из таких деятелей: Юсуф Акчура (1876–1935) – юрист, социолог, философ, историк, экономист; выпускник Школы политических наук при Сорбонне, депутат турецкого парламента, советник Кемаля Ататюрка, политик, политолог, ученый-историк, внес свой вклад в создание национальной идеологии Турции, и в формирование турецкой нации как таковой; Гаяз Исхаки (1878–1954) – своими произведениями, политической деятельностью способствовал укреплению культурных и общественных связей между татарами и турками; Рашит Рахмати Арат (1900–1964) – ученый-лингвист, поднявший турецкую лингвистику на уровень европейской науки; Габдельбари Баттал-Таймас (1883–1960) – крупный историк, внесший большой вклад в историческую науку Турции. Автор книг «Казанские тюрки» («Kazan Türkleri»), «Братья Максудовы» («İki Maksudiler»),

«Воспоминания о русской революции» («Rus ihtilalinden hatıralar»)¹⁴; Габдерашит Ибрагимов (1857–1944) – крупный татарский общественный и политический деятель, издатель, публицист, глашатай общетюркского сотрудничества и союза, не только первым установивший культурные и общественные связи между татарами и турками, но и воплотивший в жизнь некоторые конкретные дела, базировавшиеся на идеологии общетюркского единства; Акдес Нигмати Курат (1903–1971) – выдающийся специалист как по турецкой, так и по общетюркской истории. С 1994 г. профессор Анкарского университета, автор трудов по истории тюркских народов Восточной Европы.

Безусловно, все эти вышеуказанные личности внесли определенный вклад в развитие турецкой общественной и политической жизни. Среди них особое место занимает С.Максуди, поскольку сразу после приезда в новую республику он начал вести кропотливую работу в разных областях деятельности. Значительной в турецкий период была работа Максуди по изучению древней тюркской истории, истории тюркского права, что стало причиной его блестящей карьеры в политической жизни Турецкой республики. Анализ статей, посвященных общеисторической тематике, позволяет отнести Максуди к числу немногих исследователей, начавших изучение древней тюркской истории в турецкой историографии в первой половине XX века.

Известно, что Ататюрк лично пригласил С.Максуди работать на благо новой республики. Для татарского деятеля слова освободителя турецкого народа были вдохновением, веянием новой жизни. В начале XX века целая плеяда татарских деятелей боролась за свою государственность, за права татарского народа, но после Октябрь-

ской революции часть из них была вынуждена эмигрировать, часть была подвергнута репрессиям. Образование Турецкой республики, борьба за турецкую национальную идентичность вдохновила ряд татарских интеллигентов, так как считалось, что турки и татары одной веры, имеют одну общую тюркскую историю.

В июле 1929 г. в газете «Национальность» («Milliyet») выходит большая статья Максуди под названием «Какое самое великое творение Ататюрка?» («Gazinin en büyük eseri nedir?»). С.Максуди отмечает большую роль Гази Мустафы Кемалю в жизни турков. «Появление такой личности на арене турецкой истории останется загадкой и чудом. В столь короткое время он сумел провести достойную культурную, политическую революцию во всех областях. Каждая великая личность – это загадка, секрет»¹⁵. Великим произведением Ататюрка, по мнению С.Максуди, является создание независимого турецкого государства, в котором нация играет важную роль.

Зять С.Максуди Решид Мазхар Айда написал о случае, связанном с посещением дома Ататюрка на Чанкае, который демонстрировал характер дружеских отношений между С.Максуди и Ататюрком. Во время танцев С.Максуди сидел в стороне. Ататюрк, остановившись, спросил у него:

– Максуди, почему ты сидишь?

– Паша, не обращай на меня внимания, вся моя сила ушла в голову, поэтому сил в ногах не осталась, – ответил ему Максуди¹⁶.

Этот маленький диалог характеризует добрые, уважительные отношения между Ататюрком и С.Максуди.

Необходимо отметить, что среди татар, эмигрировавших после Октябрьской революции, Садри Максуди смог добиться достаточно высоких достижений: профессор, советник

президента, член парламента, кандидат в президенты республики. Он достиг высоких званий, был членом Исторической комиссии, трижды избирался в парламент Турции, являлся одним из действующих лиц в Лиге наций, его кандидатура была в списке кандидатов в президенты Турции в 1950 г. Это говорит о высокой оценке турецким обществом его деятельности и человеческих качеств, глубоких знаниях, трудолюбии, а также о том,

что С.Максуди был искренним сторонником корпоративной природы турецкого государства.

С.Максуди, выходец из деревни, позднее эмигрант, нашедший свое место на новой родине и ставший советником, человеком из ближайшего круга Ататюрка, принимавший участие в важных реформах республики, заслуживает поистине глубокого уважения, как со стороны турецкого, так и татарского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Айда А. Садри Максуди Арсал. – М., 1996. – С. 194.

² Там же. – С. 192.

³ Хаков Дж. М.К. Ататюрк и система региональной безопасности // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – С. 129.

⁴ Айда А. Садри Максуди Арсал. – М., 1996. – С. 194.

⁵ Стенограмма выступления С.Максуди на собрании ВНСТ 24 декабря 1937 г. – № 1: 20. 24–12. – 1937. С.1. – S.95–98.

⁶ Findıkoğlu Z.F. Profesör Sadri Maksudi'den bize kalan meseleler // Türk Yurdu. – 1957. – Sayı: 266. – Mart.

⁷ Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. – Набережные Челны: Камский издательский дом, 1997. – С. 46.

⁸ Галәү М. Болганчык еллар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – Б. 216.

⁹ Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. – Набережные Челны: Камский издательский дом, 1997. – С. 50.

¹⁰ НА РТ. Ф. Р – 2461. Оп. 1. Д. 44.

¹¹ Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. – Набережные Челны: Камский издательский дом, 1997. – С. 49–50.

¹² Там же. – С. 50.

¹³ Исхаков С.М. (S. Iskhakov). Европа и мусульмане из России: первый опыт сотрудничества в начале XX века // Европа (Варшава). Журнал польского института международных отношений. – 2003. – № 3. – С. 111–112.

¹⁴ Battal-Taymas A. İki Maksudiler. – İstanbul, 1959. – 71 s.; Ego же. Kazan Türkleri. – Ankara, 1966. – 239 s.; Ego же. Rus ihtilalinden hatıralar. – İstanbul: Ötüken, 1968. – 264 s.

¹⁵ Maksudi S. Gazinin en büyük eseri nedir? // Milliyet. – 1929. – 9 temmuz (июль).

¹⁶ Ayda Reşid Vazhar. Sadri Maksudi ve dans // Türk Kültürü. – 1967. – Mart. – S. 338.

Аннотация

В статье рассматривается общественно-политическая деятельность Садри Максуди в Турции и его взаимоотношения с Ататюрком.

Ключевые слова: Садри Максуди, татарские интеллектуалы, Турция, Ататюрк.

Summary

This article deals with the social and political activity of Sadri Maksudi in Turkey and his relations with Ataturk.

Keywords: Sadri Maksudi, Tatar intellectuals, Turkey, Atat.

УДК 94"04/14"

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ЕГО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Я.В. Пилипчук, кандидат исторических наук (Украина)

Одним из интереснейших аспектов истории Восточной Европы являются взаимоотношения между Крымским ханством и Швецией и Речью Посполитой. Участие крымских татар в Ливонской войне не особо отображено в исследованиях. По отношению Швеции с крымцами есть статья В. Возгринна и книга К. Зетерштеена [Возгрин, 2010; Zettersteen, 1945]. Вскользь об участии Крымского ханства в Ливонской войне писали Л.Подхородецкий и Д.Колодзейчик [Podhorodecki, 1987; Kolodziejczyk, 2011]. Задачей данного исследования является анализ взаимоотношений Крымского ханства с Великим Княжеством Литовским, Речью Посполитой и Швецией в эпоху Ливонской войны.

Хронологические рамки данного исследования ограничиваются временем Ливонской войны, поскольку без учета этого фактора многое остается неясным. Великое княжество в 1559 г. вступило в войну против Московии в качестве союзников ливонцев. Война на протяжении многих лет оттягивала литовские силы на запад и север, что позволяло крымцам совершать нападения на литовское пограничье. Крымское ханство в эпоху Ливонской войны продолжало быть важным фактором политики в Восточной Европе. Гирей не оставляли надежд отвоевать Хаджи-Тархан и Казань, а также воссоздать Великий Улус. В эпоху Ливонской войны крымцами управляли харизматичные ханы Девлет-Гирей

и Мехмед-Гирей II, которые вели активную внешнюю политику и при этом не были марионетками Османов. Они были достойными продолжателями дела Сахиб-Гирея. Отсутствие конфликтов внутри Крымского ханства давало возможность чувствовать себя более уверенно и не отвлекаться на усобицы. Поэтому задачей номер один, как и прежде, было восстановление Великого Улуса. Обыденными были набеги на соседей. Позиция Гиреев в эпоху Ливонской войны не была ни прорусской, ни пролитовской, а осуществлялась в своих интересах. Когда сосед ослабевал, крымцы совершали походы за ясырем. Крымские ханы декларировали, что добиваются от русского царя уступки Хаджи-Тархана и Казани. Однако к реальному отвоеванию земель это не привело.

На протяжении многих десятилетий Ягеллоны и Гирей вели дипломатическую переписку с намерением стабилизировать границу и заключить союз против Московского государства. Договоренности между ними не прекратили набегов крымцев на литовское и польское пограничье. Крымцы отметились набегами на польско-литовские владения в 1561, 1563, 1564, 1566, 1568, 1569 гг. Почти все из них были направлены на Подолье. По сведениям М. Бельского, в 1562 г. крымцы в набеге на Подолье и Галичину принесли большие опустошения. Он также сообщал о больших

опустошениях в Галичине и Польше в 1566 г. Гетман и воевода Н.Синявский был окружен в Меджибожском замке. В 1566 г. крымцы действовали в союзе с молдаванами, которые напали на Покутье. А.Гванини сообщал, что в 1566 г. татары опустошили Русь (Галичину) и Подолье. Воевода Синявский был окружен в Меджибоже [Гваньіні, 2009, с. 174; Дзира, 1971, с. 99; Bielski, 1856, p. 1141–1142, 1166; Podhorodecki, 1987, p. 117]. В Острожском летописце сказано, что татары осадили Меджибож в 1564 г. [Бевзо, 1971]. В Львовской летописи сообщается, что в 1567 г. татары были на Подолье. Этот поход является походом 1566 г., который описали М.Бельский и А.Гванини. В ходе этого похода на Подолье крымцы опустошили много сел и городков [Бевзо, 1971]. Нужно отметить, что главные силы литовцев и поляков были сосредоточены против русских в Ливонии и землях Великого Княжества Литовского. Необходимо отметить, что начавшаяся Ливонская война серьезно ограничила возможности Великого Княжества Литовского противостоять нападениям крымцев.

В эпоху Ливонской войны активизировалась дипломатия Крымского ханства. Гирей искали себе союзников в Европе. Ливонский хронист Б. Руссов (Рюссов) знал, что в 1559 г. в Ливонию прибыл посол от крымского хана, который обещал немцам помощь против русских. Крымские татары требовали у магистра даров для заключения союза [Рюссов, 1879. Часть 2, Глава 73]. Еще до Ливонской войной в 1556 г. крымцы предлагали помощь шведам против Москвы. В 1579 г. в Стокгольм прибыло посольство Мехмед-Гирея II с предложением союза против Ивана Грозного. Это было зафиксировано в «Хронике провинции Ливония» Б.Руссова. Юхан III был заинтересован в союзе с Крымс-

ким ханством [Возгрин, 2010; Sweden, The Ottoman Empire and The Crimean Tatars, с. 1580–1714; Swedish-Tatar military alliance]. Это было связано с тем, что Швеция вела войну против Московского государства.

Походы крымцев в 60-х гг. на польское Подолье были средними по размеру, и наверняка их осуществляли пограничные беи. В 1568–1569 гг. литовским и польским пограничным войскам удалось отбить у татар ясырь. По данным М.Бельского, в 1568 г. Ольбрехт Ласки разгромил под Очаковым крымцев. О его подвигах сообщал и Ш.Старовольский. Острожский летописец сообщал, что Ласки ходил на татар в Очаков и загнал их в море в 1568 г. Нужно отметить, что поводом для жалоб султану, а также хану, были нападения 20–30 тысяч человек, на нападения 2–3 тысяч великий князь литовский и король польский даже не реагировал. Были и микро-нападения нескольких сот кочевников, которые происходили до 20 раз в год. С этим Сигизмунд II Август был просто вынужден мириться в свете Ливонской войны с Московским государством. Под 1562 годом король и великий князь писал киевскому воеводе М.Вишневецкому: если русские войска двинутся на Киев, чтобы просил помощи у крымского хана и ждал помощи от волынцев. До Ливонской войны с миссией в Крым был направлен Ю.Быковский, который должен был добиться того, чтобы Девлет-Гирей подтвердил делами свои обещания. По данным Сигизмунда II Августа, крымцы уже в мае 1562 г. были на русских границах, а основные силы должны были подойти позднее. Также киевскому воеводе в союзе с татарами предписывалось не допустить строительства на Днепре русской крепости. Основные силы литовцев и поляков сражались намного севернее. В 1564 г. литовцы разбили русские войска при

Уле и Орше, а литовская дипломатия, признавая за шведами Северную Эстонию, начала создание антирусской коалиции. В 1568 г. литовцы выбили русские отряды из Улы и на некоторое время овладели Изборском. Для более успешного ведения войны против Русского государства и крымских татар была заключена политическая Люблинская уния 1569 г., по которой украинские земли Великого Княжества Литовского перешли в состав Польского Королевства [Метрыка Вялікаго княжества Литоўскаго, 2001, с. 33–35; Bielski, 1856, s. 1166; Бевзо, 1971; Корлюк, 1947, 61; Starovolscii, 1631, s. 185–186].

Ш. Старовольский, описывая украинские земли, указывал, что Подолье и Киевщина граничат с татарами и опустошаются ими. Отмечалось, что жители этих регионов воинственны. Польский хронист и географ называл жителей Киевщины казаками и считал, что казаков было до 40 тыс. (такая численность скорее соответствует XVII в.) [Вирський, 2008, с. 136–137, 168–169]. Б. де Виженер сообщал похожие данные, говоря о том, что Подолье могло бы процветать, однако постоянные набеги татар и отсутствие природных преград против них делали край не таким богатым [Виженер, 1890].

Необходимо отметить, что крымцев, кроме польских и литовских земель, беспокоили и русские границы. В 1561 г. Девлет-Гирей совершил поход на Мценск. Мехмед-Гирей и Адиль-Гирей осадили город, а потом подошел и сам хан. Дивей-мирза отправил войска к Болхову и Белеву. Крымцев в этом походе было 15 тысяч. Не сумев взять город и услышав о приближении русских отрядов, хан решил отступить. За этот поход, однако, Сигизмунд II Август вознаграждал хана. Русский посол отправил к хану свое посольство, дабы во время Ли-

вонской войны обеспечить нейтралитет Крымского ханства. Нужно отметить, что до того силами Д.Адашева в 1559 г. был совершен Крымский поход, а Д.Вишневецкий, пребывая на русской службе, в 1558–1561 гг. беспокоил крымские границы. В 1556 г. инициатива войны принадлежала Ивану Грозному, так что Девлет-Гирей имел полное право говорить, что он мстит за походы против Крыма. Кроме того, стержневым в политике крымцев был вопрос о Казани и Хаджи-Тархане как о ханствах, где должны были воцариться Гирейи. В 1563 г. 10 тысяч крымцев пришли к Михайлову, а татарские чамбулы доходили до окрестностей Дедилова, Пронска и Рязани. В 1564 г. Девлет-Гирей совершил новый поход на русские владения и вышел к Рязани и Пронску, а его авангард проник до Оки. В походе принимали участие Девлет-Гирей, Мехмед-Гирей и Адиль-Гирей, а их войско насчитывало 60 тысяч. После того как с ходу взять города не удалось, хан решил отступить. В 1565 г. крымский хан приходил в район Болхова, но не взял город сразу и по привычке отступил. В 1566 г. Девлет-Гирей отказался от похода на русские земли и в 1569 г. саботировал поход турков на Хаджи-Тархан. В 1568 г. на русское пограничье приходили с походом Алп-Гирей, Адиль-Гирей и Гази-Гирей. Отряды мирзы из рода Сулеш пришли к одоевским и белевским окраинам [Волков, 2004; Пенской, 2012, 59–120, 129–172; Волков, 2004].

Позиция Крымского ханства была двоякой. С одной стороны, крымцы продолжали активно нападать на земли Великого Княжества Литовского. С другой стороны, в 50–60-х гг. крымцы совершали набеги на русские владения, которые по масштабам превосходили нападения на литовские и польские земли. В 70-х гг. XVI в. это стало особенно явственно. В 1571 г.

Девлет-Гирей сжег Москву, а в 1572 г. крымский хан совершил новый поход, который, однако, завершился поражением у Молодей. Также 1571–1572 гг. ознаменовались большим восстанием в Волго-Уральском регионе, которое больше известно как Вторая Черемисская война. В 1573–1574 гг. набеги на русские территории совершали отдельные мирзы небольшими отрядами [Пенской, 2012, с. 130–153, 156–167, 169–190, 234–261; Bielski, 1856, s. 1180–1184; Стрийковский, 2011, с. 942; Волков, 2004].

В 1572 г. умер король Речи Посполитой Сигизмунд II Август. Состоялся сейм, на котором при поддержке французов и турок королем был избран Генрих Валуа. Этот правитель ничем не запомнился, кроме того, что подписал «Генриковы артикулы», по которым существенно расширились права магнатов и шляхты. Генрих Валуа бежал из Польши и стал французским королем. В Речи Посполитой наступило «бескорольевье», которым воспользовались крымцы для своего набега. В 1576 г. польско-литовская знать выбрала королем Стефана Батория. Необходимо отметить, что поляки выбирали между австрийским императором Максимилианом и протурецким кандидатом Иштваном Батори (Стефаном Баторием) из Трансильванского княжества. В 1575 г., по сведениям М.Стрийковского, татары совершили большой поход на Русь (Галичину), Волынь и Подолье. Указано, что в ясырь было уведено 55 тыс. человек. Польский хронист сообщал о том, что самих крымских татар участвовало около 70 тыс., 22 тыс. буджакских татар и черкесы. Сообщалось, что войска Речи Посполитой нападали на вражеский арьергард, но давать бой крымцам боялись. А.Гванини сообщал, поляки знали, что крымцы собираются ударить по Подолью. Казаки около Чер-

ного леса у переправы через Днепр зафиксировали передвижение крымцев. Волынский воевода К.Острожский возглавил войска воеводства, подольский воевода Н.Мелецкий двинулся к Синяве. Казаки из Черкас, Киева и Канева ударили по татарам, напад на их авангард. Когда крымцы дошли до Синявы, их чамбулы напали на город и чуть его не взяли, пока на них не обрушились войска поляков Я. и Е.Струсей. Шляхта и казаки победили врага и разошлись, но по Подолью ударил другой отряд татар, который пришел из Молдавии и взял из Подолья в плен более 55 тыс. человек. Когда крымцы отступали, поляки, не вступая в сражения, преследовали их до Молдавии. Польский хронист считает, что молдавский господарь Петрило был в доле с татарами. В Речи Посполитой была такая паника, что многие бежали аж до Кракова. В то же время, казаки Б.Ружинского совершили нападение на Крым, вторгшись за Перекоп. М.Бельский сообщал, что казаки дали знать о походе татар и атаковали их стражу. К.Острожский назван воеводой киевским. Также указывалось, что татары неожиданно пришли к Синяве со стороны Молдавии, захватили в плен более чем 55 тыс. людей. Сведения польских хроник дают основание полагать, что в польское «межкорольевье» татары совершили такой значительный поход, подобного которому давно не было, по крайней мере, что-то похожее было еще во времена Сигизмунда I Старого и Мехмед-Гирея I. В походе, кроме сил самого Крымского ханства, участвовали и буджакские татары и черкесы. Сообщалось о панике и бегстве под Краков. В то же время было указано, что казаки приняли участие в войне Ивони в Молдавии [Стрийковский, 2011, с. 944–945; Гваньіні, 2009, с. 219–222; Bielski, 1856, T. 3, s. 1365–1367; Kolodziejczyk, 2011, p. 101].

Наиболее подробное описание вторжения зафиксировано у Б. Папроцкого в стихотворной форме. Говорится, что татары вторгались в Подолье и Русь (Галичину) и уводили в большом количестве людей в ясырь. Через Подолье они проходили быстро и избегали встречи с огланами (ханскими сыновьями), потому как главной целью была Галичина. Фронт вторжения составлял около 40 миль.

Н.Синявский в 1575 г. получил информацию о возможности татарского вторжения. Он информировал других шляхтичей. Б.Ружинский, который возглавлял казаков, доносил о количестве вражеской армии. Девлет-Гирей отправил в поход своих сыновей, а также Бакая и Сёзу (предводителей буджакских и очаковских татар). Поляки и литовцы эвакуировали мирное население. Войско Речи Посполитой возглавляли И.Синявский, С.Данилович, К.Васичинский, П.Кирдей, братья Копичинские, Скарбки, Золендзы, Чолганские, Завиши. Были в войсках и другие именитые полководцы, такие как С.Влодек, Н.Гербурт с братьями Струсями и Лянцкоронскими. Они собрали войско около Проскурова (Хмельницкий) и встали лагерем, ожидая подхода войск гетмана Н.Синявского. В это время они получили известие, что враг в тридцати милях от них. Оттуда войско выступило в район Меджибожа, получив от него просьбу помочь против татар. В войске литовцев и поляков были и казаки. Татары находились на Черном шляхе и были многочисленны.

Столкновение польско-литовского войска с татарским авангардом произошло у Синявы, которая была взята в осаду. Татарские чамбулы брали в ясырь местное население. Используя фактор неожиданности, польско-литовские войска разбили вражеский авангард, им помогали также казаки. После этого на помощь авангарду

пришли Алби-Гирей, Гази-Гирей, Бакай и Сёза. Войско киевского воеводы преследовало врага от города Острополя до Бесарабского брода. Войско Волынского воеводства уничтожило 2 тыс. крымцев. В этой битве отметился Темрюк Шимкевич. Н.Синявский приказал войскам стать лагерем у города Синява. К.Острожский стал у Бесарабского брода и там трижды громил отдельные отряды крымцев. В кампании принял участие и староста Подолья Н.Мелецкий. Войска крымцев рассеялись по Волыни и Подолью, чтобы захватывать ясырь, и поэтому не могли быстро отступать. Войска Речи Посполитой могли их преследовать и догонять. Однако у Збаража отряд Претвича и Радецкого, напавший на татар, был разбит.

Еще одно войско крымцев, которое успешно воевало на Киевщине, пришло на Подолье. Его маршрут проходил от Белой Церкви до Хмельника и через Хмельник, Синяву, Красилово, Уланов, Грушку. Татарское войско рассеялось по Подолью фронтом в 30 миль и дошло до Тернополя и Львова. Население и войско укрывались в замках. Сам гетман отступал через Меджибож, Проскуров к поселению Базар на границах Волыни и Киевщины. Н.Синявский в районе Базара два раза побеждал крымцев. В.Каменецкий около замка в Заложцах победил отряд крымцев Ак-Булата. На Радищевской дамбе люди Войцеха победили татар, в отместку за это крымцы сожгли 48 сел. Татары, вторгшиеся в Галичину, хотели взять Рогатин и опустошить села вокруг, но против них выступил отряд С.Даниловича и А.Тарновского. Польский хронист сообщал о 110 тыс. татар (это, естественно, очень большое преувеличение).

Среди участников похода со стороны татар упомянуты Адли-Гирей (Адиль-Гирей), Мурад-Гирей, Кази-Гирей (Гази-Гирей), Сала-

мат (Селямет)-Гирей, Буврат-Гирей (Бахт-Гирей), Садиб (Сахиб)-Гирей, Алб-Гирей (Алп-Гирей). Во главе татарского войска находились Алп и Гази Гирей, а также Бакай и Сёза. В крымском войске упомянуты сами крымцы, ногайцы, а также буджакцы и очаковцы. Крымцы опустошили села, принадлежащие братьям Струсям, и совершили рейд к Баворову. Отдельный татарский отряд сражался около Бучача с паном Куропатвой. Шляхтич Жыдачевский сражался с татарами у городка Куропатник. Польский ротмистр Чапка сражался с татарами у Чемеровцев. В то время крымцы вели переговоры с молдавским господарем, чтобы он пропустил их назад. Полякам же господарь сообщил, что не пропустит татар. Крымцы переправлялись в Молдавию несколько дней, а польские полководцы не решились преследовать крымцев на молдавской территории. В конце своего исторического произведения «Жалобной Истории» Б.Папроцкий упоминал, что Б.Ружинский напал на владения крымцев [Вирьский, 2008 а, с. 250–287; Вирьский, 2008 б, с. 230–273].

По сведениям Р.Гейденштейна, татарских отрядов в авангарде было два. Один из них находился в районе Синявы, а второй в районе Бессарабского брода. Он упоминает только об одном бое Струсей с крымцами. Они сражались вместе с отрядом С.Влодки. А.М.Фредро считал, что крымцы пришли с войском в 80 тысяч и захватили в плен 11 тысяч человек и много скота. Крымцы из-под Теревовли совершили рейд на Кременец, где местные жители были разбиты ханским войском. Д.Вырский считает, что более реальна цифра в 30 тысяч крымцев-воинов. Павел Пясецкий указывал, что Стефан Баторий укрепил границу в районе Бара, Брацлава. Отмечалось, что его люди нападали на Тягинь и

Кочубей (Хаджибей). Эти его люди назывались казаками. Вторжение крымцев в 1575 г. подстегнуло знать Речи Посполитой наконец-то выбрать себе короля [Вирьский, 2008 а, с. 261, 285, 281, 285, 288–292; Hejdenstejn, 1857; Piasecii, 1648, s. 44–48; Fredro, 1855].

О кампании 1575 г. сохранились сведения в украинских и белорусско-литовских летописях. Согласно Львовской летописи, вторжение крымцев состоялось на праздник Покрова в 1575 г. Острожский летописец сообщал, что татары пришли на Покрову и были около Львова, а Б. Ружинский вторгся за Перекоп и многие убытки нанес татарам. В Киевской летописи было сказано, что татары воевали на Подолье и Волыни по самую Иловлю и Сокаль. Вся Польша боялась их. Г.Грабянка писал, что в 1575 г. казаки по приказу киевского воеводы спустились на лодках в нижнее течение Днепра и грабили татарские орды. Сообщалось, что татары во главе с тремя султанами и семью ханскими сыновьями опустошили Подолье, а Богданко (Б.Ружинский) со своими казаками прошел Перекоп и много вреда сделал крымцам. Согласно «Хронике Литовской и Жмойтской», в 1576 г. татары причинили немалые опустошения Подолью и Волыни. В Лизогубовской летописи сказано, что в 1576 г. гетман Богданко (Б.Ружинский) повоевал чуть не весь Крым [Бевзо, 1971; Киевская летопись 1989; Грабянка, 1992; Лизогубівський літопис, 1878; Хроника Литовска и Жмойтска 1975].

Вступив на польский престол, Стефан Баторий начал активную переписку с Крымским ханством. В материалах дипломатической переписки зафиксировано, что зимой 1576–1577 гг. казаки кошевого запорожского атамана Шаха ограбили крымского посла, направлявшегося к русским. Мехмед-Гирей II оправдывал

свой набег 1575 г. тем, что на его владения напали казаки. Однако это была лишь дипломатическая уловка. Крымцы своими набегами продолжали прощупывать границы Речи Посполитой. По сведениям М. Бельского и А. Гванини, в 1577 г. крымцы напали на Волынь. Передовой отряд войск К.Острожского во главе с паном Гоглицким и черкесом Сологоном (так в польских источниках) нанес потери передовым отрядам крымцев, но потом был разбит подтянувшимися вражескими силами. Крымцы в 1577 г. подошли под Дубно. Сын Константина Януш храбро отбивал приступы врага, совершая дерзкие вылазки. Отряд Гербурта из Дзедзилова и С.Лянцкоронского столкнулся с врагами, нанесшими им ощутимые потери, но они и сами понесли значительные потери. Битва состоялась у Сквородок в миле от Староконстантинова, и несколько десятков крымцев погибли. В 1577 г. в Крым отправилось посольство Е.Тарановского. Он предлагал ежегодную плату крымцам в 20 тыс. талеров, а в 1577 г. 24 тыс. талеров. В 1578 г. М.Броневицкий был отправлен с миссией в Крым. Вместе с ним был Е.Тарановский, а также польский ренегат И.Белецкий. Они приподнесли хану дары. В 1579 г. Стефан Баторий продолжал отправлять дары в Бахчисарай. В 1581 г. А.Хоранжич отправился в Крым. В 1582 г. крымцы отправили посольство в ответ. При помощи дипломатических миссий и уплаты значительной суммы денег литовцы и поляки добились союза с крымцами [Гваньїні, 2009, с. 229–231; Bielski, 1856, Т. 3, s. 1405–1407, 1429; Грушевський, Т. 7, 1995, Раздел 3; Грабянка, 1992; Kolodziejczyk 2011, 102–105].

Острожский летописец сообщал, что в 1577 г. татары пробовали взять Дубно, около 2 ноября они были под Заславлем (Изяславлем). Стефан Ба-

торий нанес поражение татарам под Заславлем. Татары прошли с огнем и мечом через Южную Волынь, но атамана Шаха так и не нашли. В 1578 г. крымцы совершили малый набег на Украину. Они взяли в осаду Острог, но Константин-Василий Острожский сумел найти с ними общий язык. Посол от хана в Речи Посполитой желал удаления казаков из крымского пограничья. Османский султан жаловался Стефану Баторию на казаков и их нападения на Крым, а также вмешательство в молдавские дела. По сведениям Б.Рюссова, в 1578 г. крымцы обещали Стефану Баторию тревожить Москву. В 1579 г. крымцы прибыли в Кенигсберг через Литву. Оттуда они пошли в Швецию. Подарив королю коня и двух верблюдов, они попросили, чтобы он не заключал мира с русскими. С королем Юханом III тогда переписывался Мехмед-Гирей II [Рюссов, 1879, Часть 4, Глава 24; Бевзо, 1971; Грушевський, Т. 7, 1995, Раздел 3; Konung Johan den III, 1745, s. 76; Sweden, The Ottoman Empire and The Crimean Tatars, с. 1580–1714; Swedish-Tatar military alliance].

В 1577 г. Стефан Баторий примирился с Османами, а крымцы были отвлечены от границ Речи Посполитой участием Гази-Гирея в походе на Ширван в 1578 г. во время персидско-османской войны. Необходимо отметить, что Стефан Баторий вынудил крымцев двигаться в фарватере своей политики. Удачные военные действия поляков и литовцев, а также набеги казаков показали бесперспективность нападений на Киевщину, Подолье и Галичину. Кроме того, король хорошо использовал дипломатию. С 1578 по 1583 гг. Крымское ханство занимало выразительную антирусскую позицию, но цель отвоевать Казань и Хаджи-Тархан оставалась недостижимой. А.Тарановский в июле 1578 г. доставил упоминки (выплаты от литов-

ских и польских правителей крымским ханам и его окружению) в Черкасс. В том же году русские дипломаты разработали проект военного союза Крымского ханства и Русского государства против Речи Посполитой, но он так и не был реализован. Стефан Баторий с 1578 г. заключил с Гиреями антирусский союз и своими делами сделал невозможным русско-крымский альянс. И без того сложные русско-крымские отношения еще больше обострились. В 1573, 1574, 1576, 1581, 1582 гг. крымцы совершали нападения на русские владения, что оберегало от их набегов границу Речи Посполитой. В 1582 г. против Московского государства выступили ногайцы. Находясь в кольце врагов, Иван IV Грозный пошел на заключение Ям-Запольского мира с Речью Посполитой, по которому Стефан Баторий получал власть над большинством территорий Ливонского Ордена, за исключением Северной Эстонии, принадлежащей Швеции. Курляндия стала частью Речи Посполитой, а Пруссия в XVI в. оставалась вассалом поляков. Также Стефан Баторий постарался ввести казачество в рамки закона, обеспечив им реестр, и решил направить их энергию против Московского государства, однако казаки и далее нападали на татар. В 1582 г. они ограбили крымского посла, а в 1583 г. взяли Ягорлык и Тягинь. Стефан Баторий наказал виновников вмешательства в молдавские дела в 1583 г. В 1585 г. запорожцы Оришовского два раза нападали на татарские улусы и один раз на Очаков. В 1586 г. казаки не позволили крымскому хану переправиться через Днепр [Негри, 1844; Podhorodecki, 1987, s. 116–117; Kolodziejczyk, 2011, p. 102–107; Брехуненко, 2013, с. 12; Яворницький, 1991, Т.2, с. 61–66; Грушевський, Т.7, 1995, Раздел 3; Филюшкин, 2009; Волков, 2004; Starovolscii, 1631, s. 194–198].

Пока поляки и литовцы воевали с крымцами, русские могли добиваться существенных успехов, когда же татары стали союзниками Речи Посполитой все изменилось. Иван Грозный попытался провозгласить герцога Магнуса ливонским правителем и заключить союз с Данией против поляков и шведов. В 1571 г. русские войска при осаде Ревеля (Таллина) потерпели неудачу, однако в 1573 г. взяли Вейсенштейн (Пайде), а в 1575 и Пярну. Расчет Ивана Грозного на союз с датчанами не оправдался. В 1576–1577 гг. русские отряды предприняли очередную неудачную попытку овладеть Таллином. Благодаря наступлению в 1577 г. во власти Ивана Грозного оказалась почти вся территория бывшего Ливонского Ордена за исключением хорошо укрепленных Таллина и Риги. Заключив соглашение с крымцами в 1578 г., Стефан Баторий начал большой поход против Ивана Грозного. Польско-литовское войско овладело рядом городов, включая Венден (Цесис), а шведы захватили Нарву. Замирение с крымцами в 1578 г. было очень своевременным для Стефана Батория [Королюк 1947, с. 73–100; Волков 2004]. В 1579 г. московские войска нанесли поражение шведам, однако польские и литовские войска отвоевали Полоцк. После него была взята крепость Сокол. Польско-литовские войска совершили нападения на Смоленщину и Черниговщину. В 1580 г. Стефан Баторий овладел Велижом и Усвятом и затем после осады овладел Великими Луками. В 1581 г. польско-литовский правитель осаждал Псков, но не смог взять город. Шведы в том же году взяли Нарву. В ноябре 1581 г. был взят Вейсенштейн. В 1582–1583 гг. Иван Грозный заключил мирные договоры с поляками, литовцами и шведами [Королюк, 1947, с. 100–103; Волков, 2004].

Также на капитуляцию русских войск в Ливонской войне повлияли и иные факторы. В 1573 г. яицкие казаки разгромили столицу Ногайской Орды город Сарайчик, что обострило отношения Москвы с бывшими до того нейтральными ногайцами. Усложнилась ситуация и в Среднем Поволжье. Марийцы снова подняли восстание и начали Вторую Черемисскую войну. И хотя в 1573 г. марийцы капитулировали перед русскими войсками, ситуация все равно оставалась сложной. Русских не устраивало то, что ногайцы поддержали Мамич-Бердея в Первой Черемисской войне и отправили к нему ногайского мирзу, хотя именно нейтралитет ногайцев обеспечил русским успешное взятие Казани и Хаджи-Тархана. В 1581 г. во время Третьей Черемисской войны ногайцы отправили на помощь восставшим марийцам значительное войско. Полыхающая в Волго-Уральском регионе война была одним из факторов, которые вынудили Ивана IV Грозного пойти на территориальные уступки Речи Посполитой и Швеции. Русское государство в результате экспедиции Ермака было втянуто в войну против Сибирского ханства. Нужно отметить, что некоторое время Кучум и его сыновья находили пристанище у ногайцев. То, что ногайцы стали врагами Московского государства, было главным фактором свертывания русской экспансии на западе. Учитывая, что у Речи Посполитой и Швеции было полно ресурсов для продолжения войны, для Московского правительства продолжать войну на два фронта было опасно. Поход Арслан-мирзы в 1584 г. только подтверждает правомерность этого вывода, поскольку в этом походе крымцы прорвались за Оку, опустошили земли бывших Верховских княжеств и Смоленщины. От масштабных вторжений крымцев Московское государство было спасе-

но политическим кризисом 80–90-х гг. XVI вв. в Крымском ханстве [Волков, 2004; Виноградов, 2010; Бахтин, 1998, с. 139–175].

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы. Стабильное положение Девлет-Гирея I и Мехмед-Гирея II позволяло крымцам не расплывать свои силы в усобицах, а совершать набеги на оседлых соседей – литовцев, поляков, русских. В Ливонской войне крымцы не принимали четко позицию какой-либо из сторон. Крымское ханство преследовало исключительно свои интересы и вступало в войну только когда это было ему выгодно. Они были совершенно независимы от соседей. В эпоху Ливонской войны Гиреи декларативно провозглашали своей целью отвоевание Казани и Хаджи-Тархана, но практически эти цели оказались недостижимыми. Мирзы и огланы нападали то на владения Великого Княжества Литовского, то на владения Русского государства. Существенно не изменилась ситуация и после образования Речи Посполитой. Поляки и литовцы не были готовы к отражению большого похода крымцев в 1575 г. Стефан Баторий, вступив на трон, подготовил страну к татарским вторжениям и отразил набеги 1577–1578 гг. силами войск пограничных регионов. Он использовал казаков для войн с крымцами и, обещая в дипломатических документах при переписке с Османами и Гиреями наказать казаков, реально ничего не предпринимал. Не имея возможности добиться успеха в походах против Речи Посполитой, крымцы перенесли всю тяжесть удара на Русское государство. Поводом для установления контактов со Швецией было создание антирусской коалиции. Союз Крымского ханства с Речью Посполитой и Швецией против Москвы в 1579–1582 гг. был реальностью. Именно в

эти годы политика Крымского ханства находилась в фарватере политики Стефана Батория. Фактически в последние года Ливонской войны сложилась коалиция Швеции, Речи Посполитой и Крымского ханства против Московского государства.

Попытки Крымского ханства установить контакты с Пруссией и Ливонским Орденом были неудачны, поскольку крымцы требовали от их правителей упоминков, аналогичных тем, что платили литовцы, поляки и русские.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. – 192 с.
2. *Бевзо О.А.* Львівський літопис і Острозький літописець. – К., 1971. 200 с. <http://litopys.org.ua/ostrog/ostro1.htm>
<http://litopys.org.ua/ostrog/ostro2.htm>
3. *Виженер Блез де.* Описание Польского Королевства // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI в.). – К., 1890. <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Vizhener/text.phtml?id=395>
4. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения в 1570–1590-х в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. – С. 274–299.
5. *Вирський Д.І.* Річпосполитинська історіографія України (XVI – перша половина XVII ст.). Ч. 1. – К.: Інститут історії України, 2008. – 502 с.
6. *Вирський Д.І.* Річпосполитинська історіографія України (XVI – перша половина XVII ст.). Ч. 2. – К., Інститут історії України, 2008. – 466 с.
7. *Вирський Д.І.* Битва під Білою Церквою та реляція правдива Яна Доброцького // Український історичний журнал. К.: Інститут історії України. – 2010. – №6 (495). – С. 150–160.
8. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. – М.: Эксмо, 2004. – 572 с. http://militera.lib.ru/h/0/pdf/volkov_va01.pdf
9. *Возгрин В.Е.* Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и османским султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения – 2008: Этнографические и культурно исторические аспекты. – СПб., МАЭ РАН, 2010. – С. 97–117 http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_11.pdf
10. *Гайворонский Л.* Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – К.: Мастерня книги – Бахчисарай: Бахчисарайский музей-заповедник, 2010. – 400 с.
11. Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. – К.: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2009. – 1008 с.
12. *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. – СПб., 1889. <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Geidenstein/text6.phtml?id=319>
13. Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. К., Знання, 1992. – 192 с. <http://litopys.org.ua/grab/hrab.htm>
14. *Грушевський М.С.* Історія України-Русі. Т. 7. – К.: Наукова думка, 1995. – 628 с. <http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70304.htm>
<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70307.htm>
<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70403.htm>
<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70602.htm>
<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70805.htm>
<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur70807.htm>
15. *Дзира І.* Татаро-турецькі напади на Україну XIII–XVI ст. за хроніками Бельських та Стрийковського // Український історично-географічний збірник. Вип. 1. – К.: Наукова думка, 1971. – С. 83–102.

16. История Румынии. – М.: Издательство «Весь Мир», 2005.
17. *Королюк В.Д.* Ливонская война. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KOROLYUK_Vladimir_Dorofeevich/_Korolyuk_V.D..html#002
18. Літопис Панцирного та Аверки // Полное собрание русских летописей. Т. 35. – М., 1980. <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov12.htm>
19. Лизогубівський літопис // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. – К.: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1878. <http://litopys.org.ua/sborlet/sborlet02.htm>
20. Межигірський літопис // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. – К.: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1878. <http://litopys.org.ua/sborlet/sborlet04.htm>
21. Метрыка Вялікаго княства Литоўскаго. Кн. 44. Книга запісаў (1559–1566). – Менск: Арты-Фэкс, 2001. – 229 с.
http://shron.chtyvo.org.ua/Lytovska_metryka/Lytovskaia_metryka_Knyha_N_044_1559-1566.pdf
22. *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т.1. – Одесса, 1844.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430
23. Очерки внешнеполитической истории Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1987. – 465 с.
24. *Грушевський М.С.* Історія України-Русі. Т.8. – К.: Наукова думка, 1995. – 856 с.
<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur8.htm>
25. *Пенской В.В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – №2. – С. 56–66.
26. *Пенской В.В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей. – М.: Вече, 2012. – 320 с.
27. *Пенской В.В.* Ливонская война 1558–1561 гг. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч.1. – СПб., 2014. – С. 134–217
http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Penskoy_25.pdf
28. *Руссов Б.* Ливонская история // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т.2. – Рига, 1879.
<http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Russow/text26.phtml?id=1292>
<http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Russow/text27.phtml?id=1293>
29. *Стрийковський Мацей.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. – Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011, XII. – 1084 с.
30. *Ульяновський І., Яковенко Н.* Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний Журнал. – К., 1989. – № 2. – С.107–120; – № 5. – С. 103–114. <http://litopys.org.ua/kyl/kyl.htm>
31. *Филлюшкин А.И.* Проекты русско-крымского союза в годы Ливонской войны // В кратких словесах многой разум замыкающе... (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т.II. – СПб.: СПбГУ, 2009.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Proekt_voen_sojuz/frametext.htm
32. Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма. – Симферополь, 2004.
http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/9.phtml?id=12929
33. Хроника Литовска и Жмойтска // Полное собрание русских летописей. Т. 32. – М., 1975. <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov07.htm>
34. Черниговская летопись // Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Т. 1. – К., 1856. – С. 11–44.
<http://litopys.org.ua/chernlet/chern.htm>
35. *Яворницький Д.І.* Історія запорізьких козаків. Т. 2. – К.: Наукова думка, 1990. – 560 с.
36. Kronika Polska Marcina Bielskiego. T.2. Ksiega IV–V. Sanok: Naklad i druk Karola Polaka, 1856. – S. 701–1222.

37. Jędrzeja Maksymiliana Fredro Dzieje narodu polskiego pod Henrykiem Walezyszem królem polskim a potem francuzkim. – Mohylew – Sankt-Petersburg, 1855.

<http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=69826&from=publication>

38. Rajnolda Hejdenstejna sekretarza krolewskiego Dzieje Polski od smierci Zygmunta Augusta do roku 1594. T. 1. Ksiąg 12. – Sankt-Petersburg, 1857. <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=87077&from=publication>

39. *Kolodziejczyk D.* The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th -18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011, XXXVI, 1109 p.

40. Konung Johan den III: des Chronica. – Stockholm: Lorenz Ludwig Grefing, 1745.

http://books.google.com.ua/books?id=0zkVAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

41. Piasecii 1648 – Pauli Piasecii. Chronica gestorum in Europa singularium ...: Accurate ac fideliter conscripta ad Annum Christi, MDCXLVIII. – Cracoviae: Typis expressa, 1648.

http://books.google.com.ua/books?id=KeZKAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

42. Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska. – Warszawa: Książka i wiedza, 1987. – 359 s.

43. Podhrodecki L. Chocim, 1621. – Warszawa: Bellona, 1988.

44. Podhorodecki L. Tatarzy: Od Czyngis-chana do XX wieku. – Warszawa: Bellona, 2010. – 246, [2] s.

45. Starovolsci 1631 – Simonis Starovolsci. Sarmatiae bellatores. Colloniae Agripinae: Henricus Critius, 1631.

https://books.google.com.ua/books?id=YjkVAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

46. Sweden, The Ottoman Empire and The Crimean Tatars, c. 1580–1714. The Realpolitik of Christian Kingdom.

<https://varldsinsbordeskriget.wordpress.com/2011/02/14/sweden-the-ottoman-empire-and-the-crimean-tartars-c-1580-%E2%80%931714-%E2%80%93the-realpolitik-of-a-christian-kingdom/>

47. Swedish-Tatar military alliance against Russia.

<http://www.forumbiodiversity.com/showthread.php/2351-Swedish-Tatar-Military-Alliance-against-Russia>

48. *Zettersteen K.W.* Turkische, tatarische und persiche Urkunden im schwedischen Reichsarchiv. Uppsala: Almqvist och Wiksells boktryckeri, 1945. XV, 132 s.

Аннотация

Данная статья посвящена отношениям Крымского ханства с Речью Посполитой и Швецией в эпоху Ливонской войны. Крымские татары в 1558–1582 гг. делали набеги на владения Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и Русского государства. Но их позиция не была ни антирусской, ни антипольской. Стабильное положение Девлет-Гирея I и Мехмед-Гирея II позволяло крымцам не расплывать свои силы в усобицах, а совершать набеги на оседлых соседей – литовцев, поляков, русских. В Ливонской войне крымцы не принимали четко чью-либо сторону. Крымское ханство преследовало только свои интересы, и вступало в войну только когда это было выгодно крымцам. Крымцы совершали походы в основном ради ясыря. Только в некоторых походах они ставили действительно важные цели. Гиреи заняли выразительно антирусскую позицию только после поражений, нанесенных им поляками в 1577–1578 гг. Крымцы только в 1575 г. совершили большой удачный набег на Речь Посполитую, в котором принимало участие большинство огланов. Союз Швеции, Речи Посполитой и Крымского ханства против русских стал реальностью в 1579–1582 гг. Попытка установить дипломатические отношения с Пруссией и Ливонским Орденом была неудачной вследствие нежелания немцев платить крымским татарам упоминки. Провозглашенная цель – отвоевание Казани и Хаджи-Гархана оставалась практически недостижимой.

Ключевые слова: Крымское ханство, Речь Посполитая, Швеция, Ливонская война, крымцы, Русское государство.

Summary

This paper is devoted to the relations of the Crimean Khanate with Rzeczpospolita and Sweden in the epoch of the Livonian War. Crimean Tatars in 1558–1582 raided the possession of Grand Duchy of Lithuania, Rzeczpospolita and the Russian state. But their position was neither anti-Russian nor anti-Polish. Stable position Devlet Giray and Mehmed Giray II enables Crimeans to not disperse its forces in the internecine wars and make raiding to the sedentary neighbors - Lithuanians, Poles, Russian. In the Livonian War Crimeans clearly did not take any side of the parties. Crimean Khanate pursues only their own interests and engages in war only when it was beneficial to the Crimeans. Crimeans make military campaigns primarily for yasir (captives). Just in some campaigns they put really important goals. Girays took expressively anti-Russian position only after the defeats inflicted by the Poles in the 1577–1578. Crimean made a big successful campaign against the Rzeczpospolita only in 1575, which was attended mostly by oglans. Alliance of Sweden, Rzeczpospolita and the Crimean Khanate against Russian state has become a reality in 1579–1582. Tries of Crimean Tatars to establish diplomatic relations with Prussia and Livonian Order was unsuccessful, because the Germans did not want to pay tribute to the Crimean Tatars. The declared purpose of reconquering of Kazan and Haji-Tarkhan remained virtually unattainable.

Keywords: Crimean Khanate, Rzeczpospolita, Sweden, Livonian War, Crimeans, Russian state.

УДК 821.512.145

ФОРМИРОВАНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОГО СТИЛЯ В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1960–1980-х гг. (на примере творчества М. Магдеева)*

Д. Ф. Загидуллина, академик, главный ученый секретарь АН РТ

Со второй половины XX века в татарской литературе начинают активизироваться лирическая проза и ее синтетические формы. Ряд писателей – Ф. Хусни, Р. Тухватуллин, А. Баянов, М. Юнус и др., движимые желанием пробудить в душе читателя активное сопереживание, а также наиболее полно и точно донести до него свои философские, социокультурные и иные взгляды и оценки, начинают активно использовать форму лирических дополнений, психологических и философских отступлений. Иначе говоря, в их творчестве наблюдается усиление лирико-эмоционального пласта, свидетельствующего о появлении новых литературных форм. Их произведения, синтезировавшие в себе биографические, конкретно-исторические события с авторскими размышлениями о судьбах и проблемах нации и народа, обладали особой степенью воздействия на читателя и давали возможность вести с ним прямой разговор. В то же время наблюдается стремление татарских писателей к традиционному для восточной прозы лиризму, обращению к ритмическим повторам лирических отступлений и дополнений, к построению сложных образов, к использованию риторических восклицаний. Прозаический текст начинает подчиняться отдельным законам поэтической речи. В

литературоведении подобный стиль, возникший в лоне модернизма и характерный для символизма и авангарда, называют “орнаментализмом”. По мнению В. Шмида, «в орнаментальной прозе модернизма и повествовательный текст, и изображаемый мир подвергаются воздействию поэтических структур, отображающих строй мифического мышления»¹.

Вместе с тем, важно помнить, что «не нужно путать орнаментальные произведения с метризованной прозой, верлибром, свободным стихом и другими явлениями в литературе, более близкими к поэзии. Несмотря на тяготение к поэтическому тексту, тип художественного слова в орнаментальном стиле остается прозаическим»².

В. Шмид дает следующее определение данному явлению: «Орнаментальная проза – это не поддающийся исторической фиксации результат воздействия поэтических начал на нарративно-прозаический текст. В принципе, симптомы поэтической обработки нарративных текстов можно найти во все периоды истории литературы, но это явление заметно усиливается в те эпохи, когда преобладают поэтическое начало и лежащее в его основе мифическое мышление»³.

Ученые рассматривают орнаментализм как одну из характерных особен-

* Статья написана при поддержке гранта РФНФ. № 14-14-16002.

ностей средневековой литературы; общеизвестны слова Д.С.Лихачева о «словесном орнаменте» и «плетении словес» в древнерусской литературе⁴. В русском литературоведении выделение орнаментализма как самостоятельной художественно-стилевой единицы связывается с расцветом модернизма.

Возникает вопрос: почему же этот стиль не появился в татарской литературе в начале XX века, в период расцвета модернизма? По нашему мнению, активное распространение жанра «нэсер» несколько отсрочило возникновение орнаментализма, и как самостоятельный стиль он смог оформиться только в рамках авангарда 1960–1970-х годов. И хотя он явно обозначился в творчестве ряда писателей, несомненно, что именно творчество М.Магдеева выдвинуло этот стиль как новое явление в татарской литературе. Потому что особенности формы были подчинены задаче передать народный дух, особенности повседневной жизни и национальной ментальности. Как справедливо писал А.Гилязов о творчестве М.Магдеева, «его особенность состояла в том, что в нашу литературу пришел татарский писатель, умеющий думать и описывать по-татарски, обладающий татарским духом, понимающий душу татарского народа»⁵. При помощи литературных приемов, до того активно не использовавшихся в татарской литературе, М.Магдеев сумел создать некий единый образ татарского мироустройства.

Наличие повествователя с его романтически-сентиментальным характером придает произведениям прозаика черты романтизма, но точное определение в них места и особенно времени позволяет детерминировать события и ситуации реалистически: их первопричина – в эпохе, обществе, господствующей идеологии. Благода-

ря обогащению реализма присущими романтизму приемами М.Магдеев воссоздает единую модель («супер-образ») советской эпохи, давая возможность оценить данный отрезок времени с точки зрения основных ценностей прошлого и настоящего, и проследить судьбы множества людей, простых жителей татарской деревни.

Повествователь, или автор, не остается сторонним наблюдателем и приобретает черты героя произведения. Рядом с создателем произведения – автором-писателем в ткани произведения возникает еще один образ – образ автора. Мысли, которые автор-писатель может выразить посредством положительного героя, он передает через образ автора. Образ автора обладает всеми чертами, характерными для положительного героя и предстает перед читателем как человек, способный оценивать события, дела и поступки людей справедливо, с пониманием и доброжелательно, как человек наблюдательный и трудолюбивый, любящий родную землю и свой народ и тяжело переживающий их невзгоды и горести. Отождествление повествователя с автором придает его размышлениям субъективность и дает возможность вести разговор с читателем на доверительно-дружеской волне. Такая манера повествования, являясь прямой противоположностью стилю произведений соцреализма, по сути, позволяет услышать голос из народа, то есть, то, как по-своему татарин воспринимает ситуацию и события в стране, и как он к ним относится.

М.Магдеев пришел в татарскую литературу в тот период, когда в ней формировалось направление деревенского реализма. Взяв деревенскую тему в центр внимания, деревенский реализм, в отличие от соцреализма, очернявшего прошлое и мифологизировавшего будущее, рассматривал настоящее – как эпоху потерь, а про-

шлое – как время накопления общечеловеческих ценностей. На этом фоне творчество М.Магдеева подняло философию тоски по прошлому татарской деревни на уровень утверждения важности и значимости национальных ценностей в истории татарского народа и его повседневной жизни. А сентиментальность, проявляющаяся в форме выражения авторской мысли, его позиции, становится действенным средством для усиления степени воздействия произведения.

Эту особенность В.Шмид определяет как «иконичность»: «Принципиальная иконичность, которую проза приобретает в наследство от трансформирующей ее поэзии, соответствует магическому началу слова в мифе, где связь между словом-именем и вещью лишена какой бы то ни было условности и даже отношения репрезентации»⁶.

Признаки этого нового для национальной литературы стиля довольно отчетливо начали проявляться в творчестве М.Магдеева уже в его первой повести «Без – кырык беренче ел балалары» («Мы – дети сорок первого года», 1968). Если в литературе соцреализма, особенно в жанрах повести и романа, традиционно был представлен один центральный герой, а раскрытию его характера служили события из жизни еще 2–3 вспомогательных героев, то в первой повести М.Магдеева бросается в глаза явное отсутствие такой градации. Название произведения и эпиграф, представляющий собой строку из народной песни, вступительная часть «От автора» – все это подчеркивает, что «главный герой» повести – дети военного времени. В формировании образа этого «главного героя» участвуют более десяти героев произведения. Автор сам акцентирует на этом внимание читателя: «У нас было то, что определило те наши годы: это – война, весь

ужас этой священной войны, желание приблизить день Великой победы, ненависть к фашизму, безграничная любовь к нашей героической Армии. Оказалось, что именно эти чувства сформировали наше мировоззрение»⁷.

Произведение, посвященное жизни подростков военного лихолетья, прежде всего, поражает специфичностью образа повествователя, воспринимаемого нами как один из этих ребят. События повести начинаются 1 октября, произведение строится как жизнеописание мальчишек и девочек, оторванных от колхозных полей и приехавших на учебу в педагогическое училище. Повествование от имени «мы» с первых же страниц повести стирает разницу между повествователем и его героями. Каждая оценка, каждая мысль воспринимается как мнение поколения «детей сорок первого»: «В мозгу есть лишь две-три извилины. Одна из них – о войне, кровопролитной войне. Фронту нужен хлеб. Мы – непослушные сорванцы, оставшиеся без отцов, – должны собрать этот хлеб с полей и отправить в заготзерно. Мы каждое лето это делаем. Вторая извилина – о еде. Если где-то есть что-либо съедобное, мы должны это съесть, проглотить...»⁸. Или: «В ту же секунду открылась дверь, и мы увидели в проеме два круглых стеклышка. Мозги судорожно заработали. Но почему? Что же мы, людей, что ли, не видели? Это мы-то? Ведь мы для родины хлеб растим...»⁹. Изображая разнообразными красками и оценивая события и героев повести, автор «заражает» и читателя своим настроением: то смехом, то гневом, то радостью, то тревогой, то иронией. Именно манера повествования скрепляет рассыпанные, словно мозаичные узоры, события и картины из жизни героев, соединенных вместе лишь единством времени и места, даже прочнее, чем сюжетная нить с одним

напряженным конфликтом. «Даже когда один эпизод сменяет другой, между ними не обрывается и продолжается увлекающая, заинтересовывающая нить. Уже своим первым произведением М.Магдеев зарекомендовал себя как мастер слова, умеющий видеть, чувствовать, понимать и принимать действительность в очень широком диапазоне»¹⁰.

Отсутствие в произведении какой-то определенной сюжетной линии, разбросанность картин, установка на «ящичную» композицию дают возможность увеличить количество героев второго, по сравнению с главным героем-повествователем, плана. В результате в небольшом по объему произведении автор предлагает целую галерею самых различных типов. Аркаша, Альтафи, Баязитова, Нина Комиссарова, Гизатуллин, Зарифуллин, Халил Фатхиевич, Сабир-абзый, Иван Георгиевич, Исмагил-агай и др. – каждый из них в качестве участника разных событий и эпизодов вносит свою лепту в создание общей картины жизни училища. И форма повествования, и изображенные события, и мысли героев продуманы автором так, чтобы показать те изменения, которые происходят в героях повести. «Недисциплинированные» поначалу дети, собравшиеся под сени педучилища из разных деревень, к концу повести, к 1946 году, становятся молодыми людьми, готовыми стать учителями. Несмотря на то, что преподавателей, ушедших на войну, заменили люди, не имевшие специального образования, училище достойно выполнило свою основную задачу – дало знания и подготовило образованных людей, учителей и будущих руководителей, готовых взять на себя ответственность в этой жизни. Эту мысль подтверждает и то, что в эпилоге рассказчик упоминает о дальнейшей судьбе своих героев спустя 20 лет: «Гизатуллин и

Зарифуллин уже много лет преподают русский язык в средней школе. Да и Аркаша превратился в Аркадия Павловича. Как оказалось, работает в райцентре директором школы. И только Альтафи почему-то оставил работу учителя. Он сейчас – председатель райпотребсоюза»¹¹.

Но у эпилога есть и другие важные задачи. Именно в этой части повествователь превращается во взрослого человека, грустящего по ушедшей юности. Его грусть звучит в описаниях картин природы и душевных переживаний от первого лица. «... Я открываю дверь машины и ступаю на тропинку, по которой с книгами в руках ходил много лет назад. На том месте, где прежде стояло училище, теперь машинный парк. Короткий осенний день грустно клонится к вечеру. (...) Вдоль мощеного тракта стоят, словно пугала, заледеневшие рассыпавшиеся пни берез, которые, как мы верили, были посажены по приказу Екатерины II. Местами земля покрыта снегом. На горизонте, где раньше стояли стога, выстроились молодые сосны»¹². Словосочетания «рассыпавшиеся пни берез» и «молодые сосны» в контексте произведения приобретают значение старшего и молодого подрастающего поколения. Причина экзистенции повествователя, наряду с осознанием быстротечности молодости, кроется и в осознании смысла жизни, определении того, что каждый человек оставил в этой жизни после себя. И разве не дают обобщенную оценку смысла жизни поколения детей войны следующие строки: «Есть ли что-нибудь, сохранившее наши следы? Седая история! Остался ли на твоих страницах след от нас? Глядя на эти березы, на эти столбы, мы набирались знаний, здесь зашевелились наши застывшие мозги, и мы узнали, что кроме быков, которых мы умели запрягать, в мире есть еще любовь Та-

тьяны, мы влюблялись в Бэлу, восхищались Левинсоном и Метелицей»¹³. В этой же небольшой по объему заключительной части писатель дает и главную оценку поколению «мальчишек сорок первого года»: «Пройдены тяжелые, суровые дороги. Как мы смогли, откуда взялись силы? Да, да, я помню. Почему Левинсон смог шагать вперед? Не потерял надежды, даже когда его отряд был разгромлен. Выйдя из темноты леса, он увидел перед собой светлый мир. Увидел людей. И он перестал плакать. «Нужно было жить и исполнять свои обязанности». Именно так. Вот и нам нужно было жить и исполнять свои обязанности»¹⁴.

Таким образом, в повести «Мы – дети сорок первого года» М.Магдеев рассказал о том, как с честью выполнили свой долг в тяжелые годы войны те, кто остался в тылу, и подрастающая молодежь. Экзистенциальное описание этих тяжелых для страны и для каждого в отдельности лет переплетается с лейтмотивом повести – «грустью по прошлому», который становится лейтмотивом всего творчества М.Магдеева. В этом лейтмотиве звучит грусть и беспокойство о судьбе того прекрасного и важного, которое есть в человеческой жизни и которое может быть потеряно навсегда: доброта, теплота, соучастие; красота природы и человеческих отношений, национальные обычаи; надежность и трудолюбие, сила и стойкость; мелочи повседневности, которые окрашивают жизнь в разные цвета; народная музыка, праздники, нравственные нормы, юмор... А такие авторские приемы, как изображение с позиции воспринимающего сознания, взгляд на события с точки зрения отдельных героев, создание многозначного подтекста, усиление суггестивной функции слова, автобиографизм и др., позволяют изменить масштаб описания и

подняться на уровень общечеловеческой философии.

В повести М.Магдеева «Торналар төшкән жирдә» («Там, где садятся журавли», 1978) элементы экзистенциализма и сентиментализма усиливаются еще более. Это произведение вновь возвращает повествователя в юность. Описанные события, охватывающие длительный временной промежуток, воссоздают будни татарской деревни, ее нравственные устои, нравы и характеры людей, их мировоззрение. Многочисленные герои повести – Марфугатти, Гайшатти и Газзатти, соседи Асхадулла, Сафый-абзый, Насыбулла-абзый, старушки Гильмениса, тетушка Камэр, Хадича и др. – люди, воплотившие в себе суть татарской деревни, ее нравственный и национальный облик. В прологе повести писатель оговаривает, что в образе жизни, быту его односельчан издавна есть многое из того, что он увидел во время поездок за границу – во Францию, на Кипр и т.д., иначе говоря, автор рассматривает жизнь татарской деревни в контексте общечеловеческой истории. Об этом говорят заключительные слова «вступительной части»: «Значит, у нас есть общие со всеми народами мира обычаи, привычки. Значит, уже при самом рождении мы своим характером, мышлением, привычками оказались связанными с другими народами мира. Это произведение – о людях, когда-то живших в нашей деревне и оставивших нынешнему поколению лучшие нравственные принципы и нормы... Это произведение – о нашей молодости, которая пришла на пятидесятые годы...»¹⁵. Таким образом, писатель уточняет цель, которой он руководствовался при написании повести: вспомнить обычаи и традиции татарской деревни и передать их грядущим поколениям. Описание Сабантуя, вечерних игрищ, девичьих посиделок ярко воссоздают

систему татарских народных обычаев и обрядов. Вечерние игры молодежи предстают перед нами как часть духовного наследия народа, как место, где молодой человек или девушка проходят этап духовного становления, развития, учатся правильно оценивать себя и других. В повести в идеализированной форме предстают деревенское гостеприимство, взаимная забота, взаимопомощь, гармония с природой. Описания деревенских ремесел, конкретных человеческих взаимоотношений, судеб отдельных людей выстраиваются в форме исторической памяти.

Таким образом, изображенный в повести мир реалистически вещественен, однако различные виды повторов, эмоциональная насыщенность текста побуждают читателя реагировать и на скрытую авторскую мотивацию. Использование эпиграфов к произведению и отдельным главам, названия глав настраивают читателя на волну грустных размышлений. Любовь к родной земле и ностальгия по уходящей деревне, осознание неизбежности постепенной утраты праздников, народных обычаев, традиций, лучших человеческих качеств вызывают боль в душе.

Как и в первой повести, взрослый повествователь, рассказывая от первого лица, уделяет много места описанию грустных картин природы. Смена этих образов также создает движение во времени и пространстве, указывает на изменение внутреннего мира повествователя. Мгновения прошлого воссозданы столь точно, словно они происходят в настоящем. Ориентир на репрезентацию переживаний, причиной которых является происходящее в режиме «здесь» и «сейчас», свидетельствует о мастерстве писателя и приближает текст к поэзии.

Орнаментальные приемы позволяют добиться наибольшей выразительности и силы воздействия

произведения. Сильная позиция – название произведения – также настраивает читателя на сентиментальный лад. «Место, где садятся журавли» – «поле Масры» – «родная деревня» на протяжении произведения синтезируются в многозначный символ. С одной стороны, это «место вечного возвращения» – пространство с сакральным содержанием: это не только место, куда возвращаются повзрослевшие герои, охваченные ностальгией по родине, но и место, где возможно возрождение вечных ценностей. Поэтому повествователь на протяжении всего произведения повторяет «это – моя родимая земля». Во-вторых, постоянно констатируется, что родная земля для каждого человека – это центр вселенной, и «где садятся журавли», там и формируется его стремление к возвышенному и светлому: «И тогда журавли что-то унесли из моей жизни. Я остался стоять с раскрытым ртом, с сожалением глядя в небо. Эх, ну почему я поторопился? Почему я не стоял спокойно? Однако по прошествии лет, чем старше я становился, тем более я осознавал, что та моя торопливость была не случайной, а особенностью, данной мне природой. Я сформировался как человек, который ко многим вещам подступал спешно, не подумав, а потому в конце всегда оставался ни с чем. И все же то поле, на которое когда-то опустились журавли, осталось в моей памяти как источник вечной красоты и поэзии»¹⁶. В этих строках также звучит мысль о том, что инстинктивное влечение человека к «журавлям», иначе говоря, к красоте и величию, – это и есть качество, делающее его человеком.

А образ журавлей – часть природы, уже ушедшая от нас, в авторской интерпретации превращается в символ утраченной красоты, истины, духовных ценностей, горечи от осознания этой утраты, но дающий толчок к по-

ниманию истинного смысла бытия: «На поле Масры тихо, очень тихо. Так тихо, что слышно, как звенит вселенная, вселенная источает терпение и разум, красный шар уже почти скрылся, земля вращается, а я стою один в центре этой величественной тишины, в том месте, где садятся журавли. Это – моя родина»¹⁷.

Таким образом, помимо структурообразующей функции, лейтмотив ностальгии по ушедшему выступает в повести как некий художественный код, выявляющий авторское мироощущение. Мотив ухода из дома в поисках лучшей доли, сожаление по утраченной молодости и «утраченной эпохе», осознание невозможности возвращения к прошлому переплетается с воссозданием при помощи художественного слова того ценного, что было в нем: на страницах произведений М.Магдеева прошлое становится настоящим и живет благодаря воспоминаниям автора, напоминая о тех ценностях, которые должны быть сохранены во благо нации.

Для писателя важно, что человек оставляет после себя на этом свете. Продолжая тему прощания с прошлым, в повести «Кеше китэ – жыры кала» («Человек уходит – песня остается», 1978) автор рассматривает именно эту проблему. Произведение сохраняет конструкции орнаментальной прозы, хотя в нем уже более четко просматривается единый сюжет. Он выстраивается вокруг «рода Шаяхмета», объединившего три поколения, однако судьба Шаяхмета, Хакимуллы и Наримана дает возможность охватить жизнь многих других героев повести. Эта широкоохватность позволяет воссоздать во всех мельчайших подробностях повседневную жизнь татарской деревни предвоенных, военных и послевоенных лет. Война становится испытанием, делящим людей на два противоположных лагеря: тех,

кто думает только о себе, и тех, кто живет общими заботами и нуждами. Последние оставляют после себя свет в памяти людей, они – опора жизни, хранители ее гармонии.

Лиризм и философичность во многом достигается в повести за счет монтажного повествования, особого ритма, основанного на многоплановом повторении. Повторяются отдельные слова, мотивы, судьбы героев, образуя пересекающиеся или контрастирующие орнаментальные поля. Орнаментальным является само название, указывающее на главный лейтмотив и соответствующее внутреннему мироощущению прозаика.

В созданных в последующие годы объемных произведениях («Каз канатлары» – «Гусиные крылья», 1975; «Ут чэчэг» – «Купальница», 1980; «Исәнме, Кэшфи абзый!» – «Здравствуй, Кашфи-абый», 1982) писатель строит сюжет на развитии одного главного конфликта и взаимоотношений нескольких героев. Однако вскоре вновь возвращается к нюансовости и орнаментальному стилю.

Этот стиль достигает высоты совершенства в повести «Бэхилләшү» («Прощание», 1985). Автор показывает самоотверженность, щедрость, доброту, чувство юмора простых сельских жителей, тяжесть проблем, вызванных войной, культом личности, эпохой; светлые картины, обычаи повседневной деревенской жизни. Скажем, в первой главе рассказывается об Исламгали-абзый, совершившем героические поступки на фронте (в деревне два ордена только у него!), вернувшемся с войны без обеих рук и вечерами рассказывающем возле ворот разные невероятные истории о войне, – что это, если не попытка уйти от горькой действительности? Но разве то, что Исламгали, ночи напролет мучающийся от боли и кошмарных снов, не загружает других своими

страшными воспоминаниями, а рассказывает людям сказки, которые их смешат, не свидетельствует о его силе и мужестве?.. История Исламгали перетекает в историю его сына Габдельхамита, и писатель незаметно переключает читателя на размышления о том, что человек, отрываясь от деревенского быта, теряет язык, традиции воспитания и пр. И письмо Хамита, не соответствующее правилам ни татарского, ни русского языка, и выходки его младшего сына, получившего “японское воспитание” и, не чувствуя никаких ограничений, сломавшего дедушкин телевизор и сжегшего баню, включены в произведение не только ради того, чтобы рассмешить читателя. Они свидетельствуют о том, что новое поколение отошло от деревенских народных традиций. Через размышления Исламгали по поводу этих событий автор заводит разговор о том, что люди начали сильно отдаляться друг от друга в материальном и духовном плане. Писатель подчеркивает, что эти две категории людей «ни за что не смогут понять»¹⁸ друг друга. Эти принесенные эпохой, рожденные советской идеологией явления, картины заставляют автора тревожиться и страдать.

Деформация межличностных взаимоотношений, повседневного образа жизни, мировоззрения, утеря народных традиций и морали, с одной стороны, имеют социальную подоплеку. Историческая интерпретация происходящих перемен предлагается во второй главе. То, что безотказный, но и бестолковый («за работу не ждет денег, за еду не благодарит¹⁹») Самигулла, взяв на себя чужую «вину», согласен жить среди односельчан с клеймом преступника, – иначе говоря, потерю мужских качеств, в данном случае – сочувствия, великодушия («гибель дубов») автор связывает с войной: «Леса – точно как люди. Ви-

димо, народ душой чувствовал это. Мужчин всегда сравнивали с корнями дуба. Мужчины подрастали, а войны их уничтожали. Посмотрите только за последние сто, двести лет: русско-французская, крымская, русско-японская, первая империалистическая, гражданская, финская, Великая Отечественная, война с Японией – сколько мужчин, сколько парней было истреблено! Словно мужчин специально для уничтожения выращивают в парниках, теплицах. Здесь действует какая-то злая закономерность...»²⁰. Сетования Самигуллы в конце главы насчет того, что теперь «не найти дуба для бочки», созвучны с мыслями автора об утраченных людьми сильных качествах.

Третья глава вновь обращается к социальным проблемам общества. Причину пьянства и безделья молодого поколения писатель видит в культуре личности, в советской идеологии, говорившей одно, а делавшей другое. Вспоминая 1937–1938-е годы, писатель пишет о том, как разоблачали «врагов народа», сжигали книги, стояли в хлебных очередях, как, будучи голодными, выкрикивали лозунги о счастливой жизни, как сносили минареты мечетей и др. Деревня, пережившая все это, по мнению автора, стала «бездуховной, искалеченной». Однако в то же время писатель смотрит на эти потери и с философской точки зрения, как на результат естественных процессов в жизни. Такое ощущение создает уже само название произведения. Понятие «прощание» писатель обыгрывает в нескольких значениях. С одной стороны, говоря словами А.Гилязова, «это прощание определенной эпохи, времени, в котором мы жили, с неопределенным будущим, которое еще только нарождается, словно летний рассвет, за горизонтом»²¹. Кроме того, это понятие в ткани произведения прочитывается

и как прощание автора с деревней, в которой прошли его детство и юность, с народными обычаями, обрядами и традициями и, наконец, с такими искони присущими татарам нравственными качествами, как искренняя любовь к родной земле, родному очагу, родному языку, несгибаемость перед трудностями, уважение к старшим, взаимопомощь. Как пишет М.Валиев: «От одного только названия произведения – «Прощание» одна из струн в самой глубине души издает звук, похожий на пронзительный, бердящий душу голос скрипки, – словно стонет... Да, да – именно стонет... Ибо прощание означает последнюю встречу. Проститься, чтобы больше никогда не встретиться. Это расставание навсегда, навеки... Короче говоря, это слово – превращение всего счастья и радостей, что были пережиты нашим народом на протяжении своей истории, в горе расставания и скорбь прощания... Одно, но такое точное слово...»²².

В отдельных главах автор пишет о том, что из повседневной жизни исчезают народные песни, забывается история края, меняется отношение к природе, утрачиваются обычаи и обряды. Он стремится передать первоизданную красоту татарского мира, уделяя внимание мельчайшим деталям и оттенкам, фиксируя не только зрительные, но и вкусовые, слуховые, осязательные впечатления. Предметом изображения становится не столько реальность, сколько воспринимающее эту реальность сознание.

Завершая истории некоторых своих героев, писатель оговаривает, что эти ценности живут где-то в глубинах человеческой души, и люди все равно однажды к ним вернуться. Свидетельство тому – например, приезд дочери Энже на могилу Самигуллы, или то, как Фаляхетдин перед смертью «вспомнил» татарский язык. Так

писатель оставляет в душе читателя хотя бы небольшую надежду на то, что когда-нибудь национальный дух, самосознание возродятся. Но завершающие предложения повести («Лепешки, блины испечены; родная земля, источающая под мелким осенним дождем запах хлеба, моя бывшая деревня, сегодня обновляющая свою кровь, прощайте!»²³) отчетливо показывают личное отношение автора к этому вопросу.

«Прощание» – экзистенциальное произведение, в котором доминируют ноты грусти, печали, лирико-эмоциональное начало. Каждая его деталь, литературные приемы, используемые автором, завершение событий и эпизодов умозаключениями и размышлениями автора-повествователя настраивают душу читателя на эту трагедийно-экзистенциальную волну. События повести, каждое из которых напоминает самостоятельную новеллу, объединяет в одну точку герой-повествователь – человек сентиментальный по характеру, который окончательно формируется в нашем представлении как образ автора, дающего свою оценку событиям из жизни современников, искренне любит родину, родную землю, тревожится за ее будущее, печалится и грустит о прошлом.

Повесть – «переживание» отличается изысканной усложненной формой повествования, так как передает течение мыслей и эмоций героя, получающее многостороннее развитие за счет неожиданных ассоциаций. Во всем произведении, а не только в эмоциональных «вставках», используются поэтические фигуры: анафоры, эпифоры, повторы, инверсии и пр., они приближают текст к музыкальной, поэтической стихии, придавая тексту ритмичность и плавность. Самые важные для автора места, самые лиричные фрагменты обладают осо-

бым ритмом, за счет чего расширяется семантическая емкость текста.

Таким образом, по нашему мнению, создание М.Магдеевым в 1970–1980-е годах нового стиля в татарской литературе достойно быть оценено как явление авангарда. С одной стороны, корни этого стиля восходят к нюансовости²⁴, являющейся одной из главных особенностей татарского творческого мышления, и к явлению синтетизма²⁵, активно используемого в национальной литературе. Поэтому усиление в прозе лирического начала, приближение ее к поэзии – для татарского читателя процесс традиционный и понятный. С другой стороны, вариант этого стиля, возникший в творчестве М.Магдеева, владеющего всеми богатствами, всеми тонкостями, всем вкусом родного языка, приобретает у него оттенок «целенаправленной словесной игры»²⁶. И цель эта – мифологизация татарского мира, татарской деревни, татарского мировоззрения, характера, традиций и обычаев. Повторы, метафоры, система ассоциаций делают повествующий текст многозначным и многослойным, автор ис-

пользует для создания смысла и звучание, и повторы звуков. В-третьих, по определению А.Баянова, «сила, объединяющая мозаику, – не образы и не развитие событий, и даже не настроение сожаления и грусти, а умение вызвать улыбку, занимательность информации и прозрачный, доходчивый, красноречивый язык и юмор. Самое важное – это обаяние людей, правдивость судеб»²⁷. Иначе говоря, индивидуальное мироощущение писателя носит экзистенциальный характер. А эстетические особенности стиля Магдеева определяются его близостью к импрессионизму. В свою очередь, стиль, объединивший эти черты, получился таким долгожданным и национальным, что, не ограничиваясь рамками творчества одного писателя, он начал оказывать влияние в целом на татарскую прозу и менять ее. В орнаментализме татарские прозаики нашли столь необходимую для совершенствования мастерства особенность, как пересечение разных способов художественного освоения действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 263.

² Егнинова Н.Е. Рассказы Ю.П.Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы. Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. – Улан-Удэ, 2006. – С. 5.

³ Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 264.

⁴ Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России (1960) // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1987. – С. 46.

⁵ Гыйләҗев А. Сайланьп чыккан сүзләр... // Мәһдиев М. Бәхилләшү: повестьлар. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1990. – Б. 634.

⁶ Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 265.

⁷ Мәһдиев М. Без – кырык беренче ел балалары // Мәһдиев М. Сайланма әсәрләр. 3 томда. 1 том: повестьлар. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1995. – Б. 7–8.

⁸ Мәһдиев М. Без – кырык беренче ел балалары ... – Б. 8

⁹ Мәһдиев М. Без – кырык беренче ел балалары ... – Б. 9.

¹⁰ Вәлиев М. Халыкчанлык // М.Вәлиев. Каһарманнар кирәк. Тормыштагы һәм әдәбияттагы уйланырлык күренешләр. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1990. – Б.104.

¹¹ Мәһдиев М. Без – кырык беренче ел балалары ... – Б.132.

¹² Мәһдиев М. Без – кырык беренче ел балалары ... – Б.133.

¹³ Мәһдиев М. Без – кырык беренче ел балалары ... – Б.133.

- ¹⁴ *Мәһдиев М.* Без – кырык беренче ел балалары ... – Б.134.
- ¹⁵ *Мәһдиев М.* Торналар төшкән жирдә // Мәһдиев М. Сайланма әсәрләр. 3 томда. I том: повестьлар. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1995. – Б.142.
- ¹⁶ *Мәһдиев М.* Торналар төшкән жирдә ... – Б.354.
- ¹⁷ *Мәһдиев М.* Торналар төшкән жирдә ... – Б.358.
- ¹⁸ *Мәһдиев М.* Бәхилләшү: повестьлар... – Б. 394.
- ¹⁹ *Мәһдиев М.* Бәхилләшү: повестьлар... – Б. 396.
- ²⁰ *Мәһдиев М.* Бәхилләшү: повестьлар... – Б. 404–405.
- ²¹ *Гыйләҗев А.* Сайланып чыккан сүзләр... // Мәһдиев М. Бәхилләшү: повестьлар. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1990. – Б. 636.
- ²² *Вәлиев М.* Халыкчанлык // М.Вәлиев. Каһарманнар кирәк. Тормыштагы һәм әдәбияттагы уйланырлык күренешләр. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1990. – Б. 112.
- ²³ *Мәһдиев М.* Бәхилләшү: повестьлар... – Б. 632.
- ²⁴ См.: *Нигматуллина Ю. Г.* Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 212 с.
- ²⁵ *Загидуллина Д. Ф.* Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2013. – С. 18–39.
- ²⁶ *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 264.
- ²⁷ *Баянов Ә.* Төрлелеккә таба // Баянов Ә. Заман сурәтләре: Лирик язмалар, мәкаләләр, очерктар. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1985. – Б.261.

Аннотация

Данная статья посвящена определению национального своеобразия нереалистических художественных систем, в частности, выявлению эстетической природы орнаментальной прозы. В ней рассматриваются механизмы сближения поэзии и прозы. Основоположителем орнаментального стиля в татарской литературе 1960–1980-х гг. XX века стал М.С.Магдеев. На материале анализа его повестей констатируется наличие в его произведениях таких орнаментальных черт, как экзистенциальность авторского мироощущения, многозначность и предельная эмоциональность слова, музыкальность, ритм, лейтмотивность, монтаж, «суперобразность», сложный синтаксис и др.

Ключевые слова: авангард, татарская проза 1960–1980 гг., орнаментальный стиль, культурные традиции, эстетическое своеобразие авангарда.

Summary

This article is devoted to the definition of national identity of unrealistic art systems, in particular, the identification of aesthetic nature of ornamental prose. It discusses the mechanisms of rapprochement of poetry and prose. M.S. Magdeev was the founder of the ornamental style in Tatar literature of 1960-1980-ies of XX century. On a analysis material of his novels ascertain the presence in his works such ornamental features, as an existentiality of the author world perception, the ambiguity and ultimate word emotionality, musicality, rhythm, leitmotivity, installation, «super imagery», complex syntax, and others.

Key words: vanguard, Tatar prose of 1960-1980, ornamental style, cultural traditions, aesthetic originality of the vanguard.

УДК 82(091)

ТАТАРСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

Х.Ю. Миннегулов, доктор филологических наук, профессор

Тюрко-татарская литература имеет более чем тысячелетнюю (точнее, полуторатысячелетнюю) историю. Уже в раннем Средневековье – в 1069 году – создается гениальное сочинение Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), состоящее почти из 14 тысяч стихотворных строк.

В науке принято говорить, что «золотой век» истории русской литературы – это пушкинский период, а «серебряный век» – начало двадцатого столетия. Если оперировать этими современными научными понятиями (терминами), то «серебряный век» в истории татарского словесного искусства – это XIV столетие, т.е. золотоордынский период, когда творили такие талантливые мастера пера, как Кутб, Хорезми, Махмуд Булгари, Хисам Кятиб, Саиф Сараи и др. А самый развитый этап в истории татарской литературы – «золотой век» – приходится на начало XX столетия; это синтез восточных и западных начал, это творчество Гаяза Исхаки, Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова, Дэрдмента, Маджита Гафури и многих других известных писателей и поэтов.

К великому сожалению, по объективным социально-политическим причинам (отсутствие своей государственности, колониальный гнет

и т.д.), богатое интеллектуально-духовное наследие татарского народа на протяжении многих десятилетий, даже веков, оставалось неизученным, разбросанным. Учитывая такую ситуацию и общественные потребности, Казанский университет (который был открыт в 1804 году) с первых же десятилетий своего существования включился в исследование, изучение языка, литературы, истории, этнографии татарского и некоторых других народов Евразии.

Как известно, «по именному (царскому) указу» от 24 января 1803 года Российская империя была разделена на шесть учебных округов: Виленский, Дерптский, Московский, Казанский, Петербургский и Харьковский, во главе которых должны были стоять университеты, обязанные направлять, опекать, контролировать учебные заведения, входящие в состав округа; обеспечивать их высококвалифицированными кадрами. «Громадный по размерам Казанский учебный округ составляли школы, расположенные в Казанской, Вятской, Пермской, Нижегородской, Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Астраханской, Кавказской, Оренбургской, Симбирской, Тобольской, Томской, Енисейской губерниях (с 1823 г.) и в Грузии. Территория округа была одной из на-

* Текст доклада, прочитанного на торжественном мероприятии, посвященном открытию «Года литературы» и празднику «Татьянин день» (26 января 2015 г., Актовый зал Института филологии и межкультурных коммуникаций К(П)ФУ).

ибо более обширных, и в течение первой половины XIX в. она не раз подвергалась значительным изменениям» [1: 11–12]. Таким образом, Казанский университет (КУ) уже по своему первоначальному назначению, наряду с другими функциями, должен был заниматься вопросами гуманитарно-духовного мира евразийских народов. Хотя университет возник не на пустом месте, а на базе Казанской первой мужской гимназии, его становление, развитие шло медленно, с колебаниями. Это видно и по количественному составу студентов и факультетов: в 1807 году – 52 человека, в 1809–1812 гг. – от 33 до 44 человека, в 1819 г. – 169, в 1840–1850 гг. – 300–380, в 1863 г. – 600, в 1884 г. – 900, в 1910 г. – 3 тысячи человек» [1: 39; 2: 115]. В первые десятилетия в КУ было четыре отделения: нравственно-политических наук, физико-математических, врачебных и словесных наук. В 30-е годы они преобразуются в три факультета: философский (со словесным и физико-математическим отделениями), юридический и медицинский. По Уставу 1863 года КУ состоял из юридического, медицинского, физико-математического и историко-филологического факультетов [2: 115]. В 1835 году в составе словесного отделения создается Восточный разряд, который в 1855 году был переведен в Петербургский университет.

Изучение тюрко-татарской словесности, подготовка специалистов по тюркологии (в том числе и по татароведению) в первой половине XIX века велись в рамках ориенталистики. Руководство университета, особенно ректоры Карл Фукс (1823–1827), Н. Лобачевский (1827–1846) всячески поддерживали так называемые «востоковедческие разыскания». Мы признательны, что исследованием тюрко-татарских гуманитарных проблем занимались такие ведущие про-

фессора КУ, как русский Илья Березин (1818–1896), немец Карл Фукс (1776–1846), азербайджанец Мирза Казембек (1802–1870) и др.

Татарская словесность (преимущественно язык) в КУ преподавалась на словесном отделении, особенно в Восточном разряде. До 1829 г. ее вел Ибрагим Хальфин (1778–1829), затем – братья Казембеки, а в 1846–1855 гг. – И. Березин. Курс татарской каллиграфии в 1842–1855 гг. вел Мухаммадгали Махмудов (1824–1891).

20–50-е годы XIX столетия – это время наивысшего развития, можно сказать, расцвета ориенталистики, в том числе и татароведения в КУ. Кроме подготовки кадров, создавались учебники, словари, научные труды, было собрано множество рукописей, манускриптов, установлены широкие международные связи. В частности, учебные пособия по татарскому языку, хрестоматии [Эхвале Чыңгыз хан вә Аксак Тимер... – К., 1822 (1819) И. Хальфина, книги И. Березина, братьев Казембеков [Абдулсаттара (1816–1888) и Мирзы Касимовичей] и некоторых других и поныне считаются ценным источником по татароведению.

Перевод Восточного разряда и некоторых его преподавателей в столицу России отрицательно сказалось на состоянии ориенталистики в Казанском университете: почти прекращается подготовка кадров по тюркологии, преподавание татарской словесности. Правда, Н. Ильминский в 1862–1872 гг., Н. Катанов в 90-е годы вели занятия по татарскому языку, но они преследовали лишь практические, лингвистические цели, татарская литература осталась почти за бортом учебного процесса. Но несмотря на это в XIX веке Казанский университет оставил заметный след в изучении татарской словесности, в подготовке кадров по тюркологии. Огромное количество книг, напечатанных в

университетской типографии, распространялось не только среди тюркоязычных читателей, но и во всем исламском мире, а также среди ориенталистов Евразии. Мне лично приходилось видеть казанские издания в крупных библиотеках Санкт-Петербурга, Хельсинки, Турку, Стамбула, Анкары, Ташкента, Душанбе и других городов.

За первые сто лет существования Казанского университета в нем получило образование более 13 тысяч студентов, вольнослушателей и слушателей [3: I том: 4]. Хотя значительную часть населения огромного Казанского учебного округа, особенно Поволжья и Приуралья, составляли татары, но официально им не разрешалось учиться в университетах России. За это время, по приблизительным подсчетам, в Казанском университете училось лишь около 30 татар мусульманского вероисповедания. Кроме них, конечно, были и обрусевшие, крещеные татары (количество их мне неизвестно). Например, в 1837 году закончил словесное отделение КУ Лев Ибрагимов (1816–1867). Он известен своими песнями, особенно популярна его песня «Ты душа ль моя, красна девица» (музыка Н.И.Бахметьева). Между прочим, он сын – преподавателя русской словесности КУ, поэта, автора знаменитых русских песен «Во поле берёзонька стояла», «Вечерком красна девица» Николая Михайловича (Нигмата Мисаиловича) Ибрагимова (1778–1818). Вообще, жизнь и творческая деятельность многих известных писателей связаны с Казанским университетом (С. Аксаков, Л. Толстой, П. Мельников-Печерский, В. Панаев и др.). Но, к сожалению, в первые 100 лет существования КУ не выпустил почти ни одного татарского поэта или писателя.

Татары-мусульмане, которые учились в КУ, в основном были из семей

дворян, мурз, военных. Например, Шабгазирей Ахмеров (1853–1900, из Чистопольского уезда), Абусугуд Ахтямов (1843–1918, из Белебеевского уезда), Сеитгирей Алкин (1867–1919, из Мамадышского уезда), Халиулла Шарипов (1818–?) – воспитанник Оренбургского Неплюевского военного училища), Ибрагим Терегулов (1852–1921, из Уфы) и др. Многие из них обучались на юридическом, медицинском факультетах, впоследствии стали известными специалистами, общественными деятелями, депутатами Государственной Думы. Салихжан Кукляшев (1811–1864) вначале был студентом медицинского факультета, затем перешел в Восточный разряд. Закончив университет в 1836 году, работал в Оренбурге: преподавал в Неплюевском военном училище, обучал в «Киргизской школе» тюрко-татарскому и персидскому языкам, стал статским советником, что соответствовало званию генерала. Известен своей «Татарской хрестоматией» (1859) и другими трудами. Вошел в историю как педагог, просветитель [Подробнее о С. Кукляшеве: 4: 201–240].

После революции 1905–1907 гг. количество студентов из татар, по сравнению с XIX веком, немного увеличилось: ежегодно поступало по 10 человек [2: 119]. Среди них есть такие известные люди, как революционер Хусаин Ямашев (1882–1912), литературовед, писатель, историк Газиз Губайдуллин (1887–1931), общественный деятель, журналист Фуат Туктаров (1880–1938) и др.

* * *

В последние десятилетия стало модным критиковать, ругать Советский Союз, нашу историю этого периода. Но справедливости ради необходимо отметить, что татароведение по-настоящему развивалось именно в советское время. Одним из крупных

очагов подготовки кадров и научных исследований по татарскому языку и литературе был Казанский пединститут, впоследствии (в 2010 году) вошедший в состав Казанского федерального университета.

Как известно, Казанский пединститут был создан в 1918 году на базе Учительского института, существовавшего с 1876 года. В 1919 году он был переименован в Высший институт народного образования с включением в его состав части педагогического персонала и студентов историко-филологического и физико-математического факультетов КУ и Казанских высших женских курсов. В 1921 году это учебное заведение опять переименовано в пединститут, а в 1922 году преобразовано в Восточно-педагогический институт. (Его часто называли Восточным институтом), предназначенный для подготовки педагогических кадров для республик Поволжья. В 1931 г. в связи с открытием в городах Чебоксары, Йошкар-Оле, Ижевске педагогических вузов он был переименован в Татарский пединститут с упразднением марийского, удмуртского, чувашского отделений. С 1934 года – Казанский пединститут, с 1994 года – Казанский педуниверситет [2, 3 том: 103]. А в 2005 году переименован в Татарский гуманитарно-педагогический университет. В этом же году в его состав был введен Татарский гуманитарный институт.

В Казанском пединституте подготовка кадров по татарской филологии начинается в 1922 году на восточном отделении. В 1927 году создается самостоятельное татарское отделение. С 1932 года оно функционировало в составе филологического, с 1955 года – историко-филологического факультетов. В 1965 году кафедра татарской филологии была разделена на две самостоятельные кафедры: татарского языка и татарской лите-

ратуры [2, 3 том: 104]. Заведующими кафедрой татарской литературы работали А. Сайганов, Ф.Хатипов (1972–1991), Э.Галиева, А.Ахмадуллин, Ф.Галимуллин. В 1995 году был организован самостоятельный факультет татарской филологии.

Как мы уже сказали, после перевода в 1855 году Восточного разряда в Петербург в Казанском университете в течение почти 90 лет не готовились специалисты по татароведению. В 1924–1925 учебном году изучение татарского языка для татар стало обязательным на рабфаке, а в 1930 году – для всех студентов КУ. С 1933 года татарский язык стал факультативной дисциплиной. Для обеспечения учебного процесса в эти годы действовала кафедра татарского языка (которой заведовал профессор М.Курбангалиев (1873–1941)).

В 1944 году в составе вновь восстановленного в 1940 году историко-филологического факультета открывается татарское отделение. Кафедру татарского языка и литературы возглавляет Р. Хакимова, а с 1951 по 1975 гг. – Х.Усманов. В 1960 году кафедра делится на кафедры татарского языка и татарской литературы. В 1989 году татарское отделение преобразуется в факультет татарской филологии, истории и восточных языков (Деканы – Т. Галиуллин, И. Гилязов). В 2000 году на базе кафедры восточных языков татфака организуется Институт Востоковедения. Заведующими кафедрой татарской литературы в КУ в разные годы были Х.Усманов, А.Яхин (1975–1991), А.Ахмадуллин (1989–1999), Х. Миннегулов (1909–2009), Т. Гилязов (2009–2011), а кафедрой методики преподавания татарской литературы (с 1989 г.) – Т. Галиуллин (1989–2008), Д. Загидуллина (2008–2011).

В 2011 году, в связи с образованием Казанского федерального университета, татарские факультеты КГУ и

педуниверситета вошли в состав Института филологии и искусств.

За прошедший период после Октябрьской революции в Казанском университете, в том числе и в пединституте, подготовкой кадров по татарской филологии, научно-исследовательской работой по татароведению занимались многие известные ученые, педагоги, литературоведы-критики. В частности, уже в 20–30-е годы в пединституте преподавали Г.Сагди, Г.Нигмати, Дж. Валиди, Н.Хаким и др. В государственном университете читали лекции ученые – лауреаты Государственной премии имени Г.Тукая Н. Юзеев, И.Нуруллин, М.Магдеев.

Следует подчеркнуть, что татарские отделения (факультеты) университета и пединститута, а также Татарского гуманитарного института (1992–2005) и до объединения были тесно взаимосвязаны друг с другом. В частности, значительное число их профессорско-преподавательского состава или училось, или работало в университете или пединституте. Например, Х. Усманов, М. Гайнуллин, Г. Кашшаф и др. закончили пединститут, преподавали в обоих учебных заведениях. Выпускники КГУ М.Закиев и Р.Юсупов долгие годы возглавляли пединститут (1967–1986, 1986–2001).

Казанский университет (в том числе педагогический и гуманитарный институты) уже в течение последнего столетия стал ведущим и основным центром подготовки кадров для татарской науки, культуры, системы образования. Большинство учителей татарской филологии, работающих в школах, средних и высших учебных заведениях (в том числе и Башкортостана, Тюмени, Тобольска, Елабуги, Набережных Челнов, Альметьевска и др.), а также ученых ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ – это выпускники КУ.

Некоторые его бывшие студенты работают в вузах Москвы, Турции, Германии, Англии. Более трех четвертей татарских писателей и поэтов заканчивали КУ. Среди них такие выдающиеся мастера пера, как С.Хаким, Н.Фаттах, А. Гилязов и др. Более двух десятков преподавателей кафедр татарской литературы – члены Союза писателей РТ. Профессор Ф. Галимуллин в 1999–2005 гг. возглавлял Союз писателей Татарстана. Вообще, в КУ уделяется большое внимание подбору и подготовке молодых литературных сил. Функционируют творческие кружки, в тесной связи с Союзом писателей проводятся различные мероприятия.

Многие выпускники КУ работают в редакциях газет и журналов, в издательствах, на радио и телевидении, в театрах, а также в других сферах. Булат Гиззатуллин был министром культуры, Мансур Хасанов – заместителем председателя Совета Министров Татарстана, Анас Исхаков – главой Азнакаевского района, Илдус Гилязов – председателем колхоза, Саитджан Хакимзянов – заместителем министра связи РТ, Фалис Валеев – начальником сельхозуправления Заинского района, Дамир Шакиров – директор Татарского книжного издательства, Равиль Ахметшин – генерал-майор милиции в отставке, полномочный представитель РТ в РФ.

Авторами многих учебников, учебных пособий по татарскому языку и литературе, изданных для школ, учебных заведений, а также научных трудов, монографий являются наши бывшие студенты. Значительная часть научных трудов по татароведению создается непосредственно или при участии профессорско-преподавательского состава КУ. Таковы, например, шеститомная История татарской литературы (1984–1999), словари литературоведческих терминов (1990,

2007), шеститомная «Татарская энциклопедия» на русском и татарском языках (2002–2014) и др. В настоящее время в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова готовится к изданию восьмитомная история татарской литературы, в которой наши преподаватели принимают участие в качестве авторов, научных редакторов. Отрадно, что к началу 2015 года уже вышло два тома, посвященные истории тюрко-татарской литературы, охватывающей период с древнейших времен до XIX века. Наши преподаватели принимают участие в реализации различных республиканских, отечественных и международных проектов. Как известно, на стыке XX и XXI столетий в Анкаре увидело свет 33-х томное издание истории тюркоязычных литератур, в котором имеются разделы по татарскому словесному искусству, подготовленные членами кафедр татарской литературы КУ.

90-е годы прошлого столетия – первые десятилетия этого века – это период наивысшего развития, расцвета татарской филологической науки и образования в Казанском университете. Татфак госуниверситета, например, стал одним из крупных факультетов КГУ, в котором обучалось более 800 студентов. Прием только на дневное отделение превышал 100 человек. На факультете по татарской литературе функционировали две кафедры, на которых работало около 20 преподавателей. Почти аналогичная ситуация была и в Казанском педагогическом и Татарском гуманитарном институтах. Кроме того, татарских филологов готовили в Елабужском, Набережночелнинском, Бирском, Стерлитамакском, Башкирском, Тобольском педвузах, Альметьевском, Нижнекамском муниципальных институтах, а также в Башкирском, Чувашском, Удмуртском, Тюменском, Самарском университетах. В них велись и научные ис-

следования по татароведению. Но, к сожалению, в последние годы в большинстве этих вузов подготовка специалистов по татарской филологии была прекращена. В Татарстане, например, практически единственным центром остался Институт филологии и искусств, созданный на основе татарских факультетов трех вузов (КГУ, КГПИ и Татарского гуманитарного института). Количество студентов в них значительно сократилось (менее 800), это, в свою очередь, привело к значительному сокращению преподавательского состава. Если раньше в этих трех вузах было четыре кафедры по татарской словесности, где работало более 40 преподавателей, то в настоящее время осталась одна кафедра татарской литературы (зав. – проф. Ф.С. Сайфуллина), на которой числится 15 человек вместе с профессорами, работающими на 0,1–0,25 ставки. Число аспирантов по татарской литературе также сократилось в несколько раз.

Такое положение, конечно, вызывает серьезную озабоченность не только за татарскую филологию, татарскую литературу, но и за национальную систему образования, татарский язык и судьбу нации в целом.

Как известно, в более чем в пятистах вузов России готовятся кадры по русской филологии, функционируют кафедры русской литературы (в некоторых – кафедры русского языка и литературы), на которых работает, наверное, не менее 10 тысяч преподавателей. Кроме того, имеются кафедры русской словесности и в бывших республиках СССР, а также научные центры. А на семимиллионное татарское население, на изучение тысячелетней богатой истории татарского словесного искусства не то что в России, а во всем мире действует лишь одна кафедра татарской литературы с 10–14 профессорами и преподавателями.

* * *

Сегодняшнее мероприятие посвящено не только открытию года литературы в России, но и празднику «Татьянин день»... Откровенно говоря, в сути этого праздника я плохо разбираюсь. Но он мне приятен. Спросите почему? Когда я учился в VI–VII классах, с нами учились крещеные

татарки, которых звали Татьянами. Я симпатизировал им, в одну из них даже был влюблен. Затем наши пути разошлись. Прошло уже более 60 лет со дня окончания семилетней школы, но школьные годы, одноклассники все еще не забываются. Поэтому, когда я слышу имя «Татьяна», мне становится как-то приятно и празднично.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Казанского университета. 1804–2004 / Главный редактор – проф. И.П. Ермаев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 656 с.
2. Татарская энциклопедия. Т.3. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2006. – 664 с.
3. Казанский университет. 1804–2004. Библиографический словарь / Главный редактор – профессор Р.Н.Вульфсон. В 3-х томах. – Казань: Изд-во Казанского университета, Т.1 (1804–1904, А-М.), 2002. – 808 с.; Т.2 (1905–2004, А-М.), 2004. – 880 с.; Т.3 (1905–2004, Н-Я), 2004. – 768 с.
4. *Хатип Миннегулов*. Татарская литература и Восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). – Казань: Изд-во КГУ, 1993. – 384 с.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы изучения и преподавания татарской словесности в Казанском университете и Казанском пединституте, вошедших в 2010 году в состав Казанского федерального университета; приводятся также сведения о преподавателях, кафедрах, отделениях и факультетах татарской филологии.

Ключевые слова: Казанский университет, «Восточный разряд», тюркология, татарская словесность, Казанский пединститут, кафедры, отделения, факультеты татарской филологии, выпускники – ученые-литературоведы, учителя, писатели, журналисты, судьба кафедры татарской литературы в КФУ.

Summary

The article of Prof. Minnegulov discusses the study and teaching of Tatar Literature at Kazan University and Kazan Pedagogical Institute which were included in Kazan Federal University in 2010. Article also contains information about the teachers, departments, divisions and Faculty of Tatar Philology.

Key words: Kazan University, «East rank», turkology, Tatar Literature, Kazan Pedagogical Institute, faculty, department, Faculty of Tatar Philology graduates – scientists and literary scholars, teachers, writers, journalists, and the fate of the Tatar Literature Department in KFU.

УДК 821(091)

Джавад Алмаз

«ДАСТАН-И ДЖУМДЖУМА»
(Антифеодальная поэма XIV в.)

Поэма Хусам Катиба «Дастан-и Джумджума», написанная в 1376 г., является бесценным памятником татарской литературы золотоордынского периода. В течение последующих 500–600 лет она переписывалась татарскими каллиграфами. А начиная с 1872 года несколько раз была издана благодаря усилиям татарских издателей, которые пытались распространить ее среди казахов и узбеков, однако у этих народов поэма популярностью не пользовалась. Даже в османской Турции поэма известна лишь в одном списке. Между тем, по свидетельству татарского ученого-языковеда и текстолога Джавада Алмаза (1916–1979), турецкая версия поэмы является ее древнейшим списком. Как известно, сохранившиеся татарские рукописи поэмы датированы XVIII–XIX веками. Анализируя татарские списки дастана, Джавад Алмаз установил, что при копировании каллиграфы делали сокращения, вырезая многие строки и фрагменты исходя из идеологических и религиозных соображений. Прежде всего это относилось к тем эпизодам, где звучала критика в адрес правителей и духовных лиц.

Д.Алмаз проанализировал сюжет поэмы «Дастан-и Джумджума» также в сопоставительном плане. Интересны его сравнения татарской поэмы с произведением итальянского поэта XIV века Данте «Божественная комедия». Исследователь даже допустил возможность личного знакомства татарского и итальянского поэтов, так как в XIV веке Золотая Орда поддерживала тесные экономические и политические связи с итальянскими колониями в Крыму.

Результаты своих исследований поэмы Д. Алмаз изложил в объемном литературоведческом труде. Он был завершен в 1961 году, однако к тому времени по отношению к нему сложилось негативное отношение властных структур и публикация оказалась невозможной. Автору этих строк посчастливилось в 1981 году познакомиться с личным архивом талантливого ученого, который хранился в Ташкенте у его близких родственников, с которыми ученый жил в 1961–1979 годах (вплоть до своей смерти). Его старшая сестра Мугаззама ханум (которой тогда было около 70 лет) любезно согласилась встретиться со мной, чтобы обсудить дальнейшую судьбу личного архива брата. И в скором времени ценнейший архив Джавада Алмаза был перевезен в Казань.

Тогда же, в 1981 году, Мугаззама ханум подарила мне копии нескольких трудов своего брата. Предлагаемый труд Джавада Алмаза, несмотря на определенные издержки, связанные с эпохой и временем его написания, безусловно, углубит наши представления об идейно-эстетическом потенциале средневековой татарской литературы в контексте мировой культуры.

М.И. Ахметзянов, доктор
филологических наук, профессор

Смысл ленинского учения об отношении к культурному наследию прошлого заключается в том, что культура сегодняшнего дня, корни которой уходят в глубины веков, не может пышно цвести и развиваться, если она лишена исторической связи с предшествующими этапами, обеспечивающими ее естественное и закономерное развитие... Следовательно, задача специалиста заключается в том, чтобы изучением культуры прошлого помочь развитию культуры сегодняшнего дня, заботясь о ее корнях так же, как хороший садовник поливает и подкармливает корни дерева с целью получить сочные, зрелые плоды.

[...]

Именно одним из таких памятников следует считать... поэму «Дастан-и Джумджума» («Сказание о Джумджума»), написанную в 1370 (по другим данным – в 1377) годах Хусамом Катибом.

О существовании этой поэмы в науке было известно и раньше: в 1925 году в Турции было высказано буквально в двух словах мнение о том, что эта поэма кыпчакская, а не турецкая.

Советские ученые А.Н.Самойлович¹, Е.Э.Бертельс², Л.В.Дмитриева³ посвятили поэме по несколько строк⁴, в которых констатировался факт ее существования, но специальным изучением поэмы никто до сего дня не занимался.

В 1961 году мною был составлен сводный текст поэмы путем сличения пяти существующих ее списков (ленинградских и казанских) и привлечения текста казанского издания 1872 года. Был составлен критический, вернее, реставрированный текст, снабженный полным словарем, анализом языковых особенностей поэмы, подстрочным переводом ее на русский и поэтическим переводом на современный татарский языки.

Вся эта предварительная работа дала возможность подвергнуть поэму более или менее тщательному анализу сравнительного и историко-литературного характера и сделать о ней соответствующие выводы.

Сюжет поэмы «Дастан-и Джумджума» взят из восточной мифологии. [...] Миф одной своей ... стороной связан с религиозным воззрением, а другой, более существенной, отражает, так или иначе, реальную действительность. Именно это имел в виду Карл Маркс, когда писал, что мифология представляет «природу и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией»⁵.

[...]

История мировой литературы знает немало произведений, созданных на мифологической основе, и проповедующих прогрессивные, гуманные... идеи. Такими произведениями являются, например, «Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гете, «Потерянный рай» Джона Мильтона, «Каин» Байрона и другие.

К числу этих произведений должна быть причислена и поэма «Дастан-и Джумджума»⁶ Хусам Катиба, весьма близкая, главным образом, к «Божественной комедии», как по времени создания, так и по своему содержанию и духу.

Восточная легенда о Джумджума, воскрешенном Исой (Иисусом Христом) и рассказывающем ему о себе и о загробной жизни, известна нам из творчества суфийского поэта Фериддина Атгара (1080–1140).

Однако этот миф приобретает совершенно иной характер в поэме «Дастан-и Джумджума» Хусам Катиба. Дело в том, что эту поэму «причислить к религиозным произведениям в тесном смысле слова нельзя, и интерес она представляет весьма значительный»⁷.

Более внимательное изучение поэмы позволяет говорить не только о светском, но и антифеодальном характере этой поэмы. Она доводит до сознания читателя идею об абсурдности теории, согласно которой люди якобы разделены богом на «белую кость» и «черную кость», и которая служит «божественным» оправданием жестокой эксплуатации народа [...].

Правда, поэт подходит к разоблачению этой теории, по вполне понятным причинам, весьма осторожно: сначала он выражениями, напоминающими мотивы Омара Хайяма, описывает нарцисс и гиацинт, первый из которых напоминает глаза влюбленных, а второй – волосы царей. Эти сходства не случайны, ибо цветы выросли из земли, в которой лежат тела усопших людей. А среди них кого только нет! Вот ветер развеял их прах; раскрылись тлеющие кости. Но чьи они? Невозможно определить:

Знатный он иль из черни,
по ним не разобрать,
Эмир был иль нищий?
Богач или раб?

Как видно, в этих строках нет прямого выпада против теории о «белой» и «черной» костях. Развенчание этого тезиса глубоко спрятано поэтом под образные выражения. Несмотря на это, ... позиция автора вполне очевидна, ибо «чем больше скрыты взгляды автора, тем это лучше для произведения искусства»⁸. Надо полагать, для современников поэта идея поэмы была еще более ясна и понятна.

[...]

Безусловно, автор поэмы субъективно не отрицает феодализма в целом. Однако мысль была брошена. И она, помимо воли высказавшего ее, продолжала активизирующе действовать на сознание [...]. Тем более, что в поэме намек на современную поэту действительность весьма сильный. В этом плане характерно то, что в по-

эме Чингис-хан поставлен рядом с Бухтаннасаром (Навуходоносором. – *Ред.*), образ которого в мусульманской мифологии символизирует жестокого тирана. Поэт писал:

Где же Чингис? Где (он)?
Он тоже лег прахом,
(Подобно) коварному язычнику,
царю Бухтаннасару!

В этом повторении вопроса «где?» слышится радость по поводу того, что лег прахом сам Чингис-хан, причинявший людям так много горя и зла, следовательно, не вечен и любой тиран, любая тирания! Такой вывод, который легко мог сделать любой читатель, исходя из логики стиха, касался прежде всего чингизидов той эпохи, когда была создана поэма.

Не случайно здесь и выражение «коварный язычник», относящееся по смыслу стиха скорее к Чингис-хану, чем мифическому Бухтаннасару.

Подчеркивание того, что Чингис-хан был язычником, должно было быть особенно оскорбительным для чингизидов потому, что они в эпоху поэмы стали уже мусульманами, а потому в период Золотой Орды вопрос о язычестве Чингис-хана мусульманским духовенством обходился и затушевывался так, что Чингис-хан выглядел почти мусульманским святым.

Таким образом, весьма непочтительное воспоминание о Чингис-хане касается в поэме прежде всего его здравствующих потомков – правящей династии чингизидов, при которых жил автор поэмы, и показывает его сугубо отрицательное отношение к представителям этой династии. Этим, надо полагать, объясняется и то, что поэма, вопреки обычаю того времени, не только не посвящена хану или какому-нибудь влиятельному придворному лицу, но и не могла быть посвящена им в силу того, что она насквозь пропитана ненавистью к ним.

В этом отношении поэма представляет полную противоположность тем поэтическим произведениям, где придворные поэты до небес возносили личности ханов, которым они посвящали свои творения, доходя в своих сладкоречивых восхвалениях до противной приторности и самоунижения, подчеркивая при этом силу и могущество ханов и внушая тем самым читателю мысль о незыблемости существующих порядков.

В противовес этому, Хусам Катиб не только не восхвалял ханов, но и не упускал случая подчеркнуть непрочность могущества хана и его временный характер. Показательно в этом плане и то, что поэма начинается с провозглашения известной религиозной догмы о том, что мир – не вечен. Однако эта мысль так и осталась просто лозунгом. Объявив ее громко, во всеуслышание, [...] поэт ловко обыгрывает ее, чтобы заявить: не вечны правители-тираны. Более чем веселая картина сытного пиршества при ханском дворце кончается описанием гибели Джумджума, устами которого поэт заявляет:

Моя слава на весь мир
воссияла вот так!
Но нагрянула смерть, – и королю
был поставлен мат!

Сказано коротко, но зато как это соотвечало чаяниям народа, метко и точно отвечая, как эхо, желанию «черных костей», жаждавших поставить мат хану-тирану, а заодно и всему ненавистному им феодальному режиму.

Вот еще несколько строк, где автор поэмы, говоря об известных восточных тиранах, приходит к следующему заключению:

А ведь каждый из них державно
владел миром!
Теперь послушай, что с ними
случилось потом:
С облитыми собственной
кровью телами

Все легли прахом, завернутые
в кусок бязи – в саван,
Оставив несметное богатство,
изобилие еды,
Полное счастье: и царство, и трон.
Ибо (таков закон): пришел в этот
мир – нужно и уйти...

Как видно, неумолимо реальная и необратимо печальная картина! Однако (что может показаться на первый взгляд удивительным) на общем фоне поэмы данная картина ничуть не наводит читателя на грустные размышления: ни тени пессимизма! Причина этого заключается, отчасти, в том, что гибель касается в поэме только ханов – тиранов и их приближенных, только феодальной верхушки, а не широких слоев народных масс.

Мысль же о неизбежности гибели тирана вселяла в душу читателя из народа надежду на будущее, уверенность в возможности избавиться от рабства. Именно этим, в основном, определяется то, что поэма по духу своему оптимистична и свободна от налета пессимизма, которым обычно пронизано большинство поэтических произведений Средневекового Востока.

Поэма очень сжата, как в общем объеме, так и в деталях. В ней тесно словам, просторно мыслям. Хусам Катиб сумел раскрыть большую тему огромного социально-политического значения всего в 686 стихотворных строках! И без ущерба для художественных достоинств, в которых поэме нельзя отказать.

Поэт умело пользуется приемами художественного изображения. Язык поэмы образный и поэтический. Такие выражения, как: *käldisä mäwt, sön buldy sah mat* «Нагрянула смерть, и шаху (королю) был поставлен мат», *idgu birlä jawozny qylojyl tämiz* «смывай (букв., очищай) зло добром», *här kim irsä nä igär, urojaj anu* «Каждый что посеет, то и пожнет» и многие

тва во дворце Джумджума. Кстати, на это обратил внимание и академик Е. Бертельс: «Джумджума, рассказывающая о своем былом величии, совершенно явно описывает двор золотоордынских ханов»¹¹.

Описание это ... не воспринимается читателем положительно: не вызывает восхищения ни огромный дворец, касающийся крышей облаков, ни сотысячное отборное войско, охраняющее этот дворец; не лелеет слуха барабанный бой и завывание разных труб десятитысячного дворцового оркестра; звероподобно выглядят визиря, способные обуздать льва; противны своим холуйством восемнадцать тысяч придворных беков, дважды в день являющихся во дворец к хану на поклон; неприятен вид целой горы заколотых для пира десяти тысяч баранов, а также тысячи верблюдов, тысячи коней и тысячи коров; тяжел гнетущий труд сорокатысячной армии рабов, в поте лица обслуживающих пир, над которыми возвышается на золотом троне сам хан в окружении двадцатитысячной армии наложниц и рабынь.

Именно такое впечатление остается у читателей от описания ханского дворца и пиршества, несмотря на то, что поэт при их изображении не употребил ни одного отрицательного эпитета, который мог бы свидетельствовать о субъективном отношении поэта к описываемому. Как бы заранее предупреждая возможное заблуждение, повествование в поэме ведется устами самого Джумджума.

[...]

Вот Джумджума с высоты своего трона [...] глазами ищет и находит, наконец, нужную ему невольницу, с которой уединяется, оставив пиршество. Но тут волею поэта в покои к Джумджума врывается придворный вельможа... и докладывает ему о том, что ко дворцу прибыл какой-то бед-

няк, который просит о помощи. [...] Джумджума, разъяренный тем, что его развлечение прервано в самом разгаре, обрушивается на своего вельможу. Вот как описана эта картина самим Джумджума:

В пылу веселья, заметь ты это,
Взглядом приметил
я красавицу одну.

И (тут же) уединившись с ней,
я ее увлек

На ложе наслаждений, обнял и лег.
Вдруг, (на грех), вошел придворный
вельможа и доложил,

Что пришел один бедняк
и о милости бьет челом.

В тот миг я был так занят
лишь собою,

Что, невзвидя света, вельможе
я пригрозил:

До милости ли тут?! Эдакий
ты дурак!

Разве сейчас время милость
оказать?!

[...]

Глупое положение, в котором оказался Джумджума, стало в то же время и началом его трагедии: хана постигла божья кара за то, что он не помог бедняку. Хан заболел и слег. Его начали преследовать кошмары и бред. Ужасна была смерть грешного хана: появился шестиликий ангел смерти – Азраил. Глаза его напоминали корыта, наполненные кровью, и наводили ужас. Воткнув клинок в грудь хану, Азраил заставил его выпить чашу смерти. В нестерпимых муках хан расстался с жизнью.

Однако все это ничто по сравнению с тем, что ждало хана впереди. Настоящая пытка начинается в могиле, где его сначала огрели огненной булавой, при одном виде которой «могучего» хана начало бросать то жар, то в холод [...]:

При виде (булавы) я начал дрожать,
Думая: «О Джумджума!

Погиб ты, пропал!..».

А ведь только перед этим, рассказывая пророку Исе о самом себе, Джумджума хвастался тем, что он был подобен льву с грозной осанкой. Не львом, а побитой собакой выглядит хан, когда его постигает заслуженная кара за преступления, совершенные им перед народом. Джумджума и ему подобные «храбры» лишь тогда, когда они прячутся от народа за высокими стенами дворцов, охраняемых сотысячной армией. Вот мысль, которая внушается поэтом читателю в этой небольшой картине, яркой по своей выразительности.

Подвергнутого в могиле унижительным пыткам и допросам, трусливо трясущегося Джумджума поволокли, наконец, в ад, где его напоили зельем, от которого начали гореть и разрываться на части все внутренности хана, воткнули ему в рот огненную цепь длиной в семьдесят аршин, протянули ее насквозь, через затылок, и, намотав остаток цепи на шею, потащили Джумджума на этом огненном аркане по всем семи ярусам ада, громко при этом объявляя:

(Вот он) – кто проедал бесконечно народное добро

В течение долгой жизни, (за что и) подвержен пытке огнем.

Это адское обвинение уточняет весьма существенную деталь: получается, рассказывая пророку о себе, Джумджума пускал пыль в глаза, заявив о том, что он кормил народ, тогда как сам фактически пировал за счет народа, бросая ему для виду объедки со своего стола и оказывая ничтожную помощь просителям.

Хусам Катиб мастерски разоблачает ханжество и обман правителей, которые отнимают у народа все, а дают ему ничтожный минимум, делая при этом вид, что проявляют великую заботу о народе.

Однако описанные выше мучения оказались для Джумджума только до-

полнительными. Основное наказание он получил на дне ада, где казнили тиранов: ханов, султанов, правителей.

Все они помещены в наихудшем месте ада, называемом «Асфал», и подвергаются наказанию в гробу, наполненном змеями и скорпионами, которые живьем едят их; а когда грешники вновь обрастают мясом, змеи и скорпионы снова их едят. Этот мучительный процесс бесконечен, и он символизирует то, как тираны при жизни поступали с народом. Джумджума, подвергнутый этому наказанию, рассказывает о нем так:

(Вижу там), находясь в гробе том,
(Куда ни повернись), змеи
и скорпионы со всех четырех
сторон.

Одни (из них) жалят, другие кусают,
Все они делали (мне) то, что сам я
делал (при жизни народу).

Когда они съедали мясо, сколько
оно есть на мне,

Опять я обрастал мясом, как только
они чуточку отходили (от меня).

Смысл стиха ясен: народ создает блага, но их у него постоянно отнимают (съедают) ханы-феодалы. Назвать их еще более определенно и образно, чем змеями и скорпионами, вряд ли было возможно в условиях того времени.

То, что для изображения адских мучений автор поэмы избрал самого хана, было не только необычно, но в условиях тогдашней действительности даже недопустимо, потому что личность хана считалась священной и неприкосновенной, и судить его мог только равный, например, другой, победивший его, хан. А тут вдруг хана волочат по земле, как тушу кабана, слуги ада. Пусть это будут хоть слуги самого Аллаха, но они слуги, т.е. те же «черные кости» того света, а потому слишком яркая, детально и образно описанная картина казни хана этими слугами – весьма опасный и зарази-

тельный пример для «черных костей» на этом свете.

Мукам ада подвергается не только Джумджума. На казнь обречено феодальное общество в целом. В аду жестоко наказывают все отвратительные порождения феодализма: нахлебников-тунеядцев, бандитов-головорезов, сплетников, терроризировавших своих соседей; ростовщиков (лихоимцев), обиравших бедняков и присваивавших имущество сирот и вдов; судей, выносивших ложные приговоры; соглядатаев-доносчиков, готовых оклеветать кого угодно; богачей, накопивших бесчисленное количество золота и серебра за счет грабежа труженников; жадных правителей областей и, наконец, главных правителей – султанов и ханов.

Характерно, что среди наказываемых в аду нет ни одного грешника из представителей низов, трудового народа.

Все, о чем говорилось выше, подтверждает, что поэма Хусам Катиба «Дастан-и Джумджума» имеет ярко выраженный антифеодальный характер, на что до сего дня в науке не было обращено должного внимания.

По данному случаю уместно, пожалуй, будет сказать, что из текста поэмы казанского издания 1872 г. были исключены многие стихотворные строки, в результате чего ее антифеодальная направленность оказалась затуманенной, и поэма, потеряв свою политическую остроту, стала выглядеть, как сказка...

[...]

* * *

Миф о Джумджума в поэме Хусам Катиба заимствован у Аттара, но поэма принципиально отличается от произведения Аттара не только по своей идее, но и по сюжетной линии, в которой главное место занимает изображение ада. Он отсутствует в ориги-

нальной поэме Аттара и в ее переводах на староузбекский¹² и казахский¹³ языки, которые почти не отличаются от оригинала.

Поэма Хусам Катиба не является простым переложением произведения Аттара, у которого заимствован лишь миф; последний переработан Хусамом Катибом в направлении, противоположном Аттару; в этом смысле поэма «Дастан-и Джумджума» – вполне оригинальное творение...

Сравнительное изучение показывает, что в описании ада в поэме «Дастан-и Джумджума» много черт, поразительно напоминающих ад в «Божественной комедии» Данте.

Во-первых, схожи общие описания ада, который у обоих поэтов представляет собой некое сооружение, состоящее из расположенных друг над другом и уходящих вниз ярусов. Чем ниже ярус, тем более жестоким наказаниям подвергаются грешники. Разница заключается лишь в том, что у Данте количество ярусов – девять, и они имеют круглую форму, тогда как у Хусам Катиба их семь, и об их круглой форме автор не говорит, об этом можно лишь догадываться.

Во-вторых, у обоих поэтов грешник получает ту форму наказания, которая соответствует содержанию его греха [...] Например, в «Божественной комедии» тот, кто, притесняя других, «жадно копил добро, сам в кошель зажат» с той разницей, что кошель этот каменный, и грешник опущен в него, «поверженный во тьму вниз головой и вкопанный, как свая», так что лишь ноги торчали в отверстии. На такое наказание обречен, в частности, папа Николай III (Ад, Песнь XIX). Те, кого осилил гнев в жизни, осуждены вечно драться «не только в две руки, но головой, и грудью, и ногами» (Ад, Песнь VII). Гордецы, унижавшие своей спесью окружающих, сами унижены тем, что валяются, как свиньи, в

топи болота, в грязи (Ад, Песнь VIII). Пес Цербер рвет на куски тех, кто в междоусобице зажег раздор в народе (Песнь VI) и т.д.

Аналогичный способ наказания описывается в поэме Хусама Катиба по отношению почти ко всем грешникам. Так, например, гордецы осуждены ходить вечно на голове ногами вверх; глаза и лица жадных богачей, накопивших золото и серебро путем грабежа бедных, прижигаются раскаленными золотыми монетами; лихоимцев, присвоивших имущество сирот и вдов, заставляют питаться пламенем; те, кто видел лишь чужие недостатки, навсегда лишены зрения; ставленники хана на местах ходят нагишом с незаживающими язвами по всему телу за то, что при жизни не давали одежды голытьбе; судьи лишены дара речи за то, что они выносили незаконные приговоры и т.д.

Иногда совпадают даже отдельные виды наказания: в дантовом аду описывается, например, как отдельных грешников «хвостом и головой пронзали змеи» (Песнь XXIV). У Хусама Катиба наказанию змеями подвержены в аду главный герой поэмы Джумджума и другие подобные ему ханы, султаны.

У Данте в аду виновных в распрях и раздорах рассекают мечом надвое, и когда, через короткое время, раны зарастают, тот же меч рассекает грешников снова. И так повторяется бесконечно. Так наказаны, например, пророк Мухаммед и Халиф Али (Ад Песнь XXVIII). Подобный вид наказания мы видим и у Хусама Катиба:

Вот еще люди, стоящие смиренно.

И им беспрестанно огненным мечом
Отрубают голову, отделив
ее от тела:

И она опять прирастает
по божьему велению.

В дантовом аду отдельные грешники наказаны тем, что у них вздут жи-

вот до невиданных размеров, в частности, у грешника мастера Адамо [...] (Песнь XXX, 49, 61).

Аналогично у Хусама Катиба:

Я увидел людей, с подобием свиней,
У каждого (из них) живот, как гора.

Одним словом, сходство между дантовым адом и адом Хусама Катиба невозможно отрицать: оно слишком бросается в глаза. Чем же это объяснить? Очевидно, можно объяснить по-разному, например, общим источником, которым мог пользоваться и тот, и другой. Однако, легко предположив существование «общего источника», трудно, как увидим ниже, конкретно его установить.

Специалисты сразу сошлются на персидских предшественников Данте, в частности, на поэму «Сейр аль-Ибаб ила ль-маад» («Движение человечества к будущей жизни») персидского поэта Санаи (1080–1140).

Е.Э.Бертельс установил некоторое сходство между этой поэмой и «Божественной комедией» Данте: «Санаи дает картину, напоминающую страницы Дантова «Ада» – во мраке и мгле копошатся хищные животные и ядовитые гады, волки, змеи, скорпионы»¹⁴.

В данном случае Санаи, отправляясь в путешествие во вселенную (в Космос) в сопровождении лучезарного старца, описывает начальную область мира – землю, основной пороком которой – алчность и жадность – изображен в виде огромного гада, а сама земля – в виде царства мрака, мглы и ядовитых пресмыкающихся. Нужно подчеркнуть, что в поэме Санаи описание ада как такового нет; в аллегорической форме, фразами, напоминающими выражения, которые употребил Данте при описании им ада, изображается не ад, а земля. Следовательно, речь идет, в данном случае, о сходстве некоторых выражений, а не о сходстве описания ада. Это

– во-первых; во-вторых, «Сейр аль-Ибаб...» напоминает «Божественную комедию» не по наличию ада, которого нет у Санаи, а по структуре¹⁵, по аллегорическому изображению вселенной, человеческого разума, добра, зла и т.п. отвлеченных образов.

Мнение Е.Э. Бертельса поддержал английский ученый Р. Никольсон¹⁶.

Однако, по последним научным данным, «Божественная комедия» «была написана по мотивам мусульманских рассказов о «ночном путешествии» пророка Мухаммеда¹⁷». И вполне вероятно, что этот источник, как более ранний и популярный среди мусульман, описывающий и ад, и рай, и чистилище, мог быть общим и для Данте, и для Хусам Катиба, а также и для предшественников Данте, которые не имели, пожалуй, из мусульманских источников ничего иного, кроме «Ночного путешествия».

Не исключено, что в качестве общего источника для Данте и Хусам Катиба могли послужить также такой устный фольклорный жанр, как «видения», весьма распространенные в средние века у многих народов, в том числе и у итальянцев; а у некоторых тюркских народов Поволжья (у татар, башкир, чувашей) «видения» изредка рассказываются и в настоящее время¹⁸.

Можно сослаться на еще более ранние источники. Некоторые предания о загробном мире существовали в древних зороастрийских сказаниях (например, сказании об Артак-Виразе); загробные странствования есть в произведениях Гомера, Лукиана, Стация, Овидия и Вергилия, которого Данте в «Божественной комедии», оправляясь в путешествие в загробный мир, представил в образе своего наставника и проводника.

Яркое описание подземного царства, весьма похожего на ад в современном понятии, с отдельными ви-

дами наказания для грешников, мы встречаем в древнеегипетских сказках, написанных четыре-пять тысяч лет назад¹⁹.

[...]

Нисколько не отрицая возможности влияния на Данте и Хусам Катиба упомянутых выше общих источников в отдельности, в сочетании или даже взятых вместе, при всем этом внушительном грузе «общих источников», я допускаю также возможность объяснить это сходство непосредственным влиянием Данте на Хусам Катиба.

Некоторым ученым, привыкшим оперировать только фактами влияния восточной культуры на западную, мысль о возможности влияния Данте на Хусам Катиба покажется лишеной основания. Могут сослаться на то, что науке, мол, давно известно, какое огромное влияние имела персидская литература на средневековую тюркоязычную литературу, а восточная культура на западную, а потому-де незачем искать факты влияния итальянской литературы на тюркоязычную литературу...

[...] Однако я исхожу из того неоспоримого положения, что влияние не бывает односторонним. Взаимовлияние западной и восточной культур имело место почти всегда, в ранние периоды истории, еще задолго до средневековья.

Науке известно, что арабская культура оказывала влияние на западную, но до этого и в процессе своего влияния арабская культура сама насыщалась западной, в основном, греческой культурой. Сильное влияние последней на персидскую культуру, в особенности, в области философии и точных наук, объясняется, надо полагать, не только арабским влиянием, несшим в себе элементы греческой культуры, а тем, что персы еще до арабов сами имели с греками непосредственные отношения.

После походов Александра Македонского на Восток под сильным влиянием западной (греческой) культуры в Средней Азии возникла так называемая греко-бактрийская культура. Не об этом ли минувшем влиянии по несколько раз в день напоминает жителям Средней Азии узбекское слово *пьяла*, происходящее от греческого слова «фиал» (чаша, кубок)?

Тюрки находились в постоянных культурных связях с Западом еще раньше, не только в эпоху Тюркского каганата (VI–VIII в.), но и в гуннскую эпоху (I–IV вв.). Венгры, азиаты по происхождению, полностью европеизировались, попав под сильное влияние западной культуры. Нечто подобное произошло и с частью волжских болгар, переселившихся когда-то с берегов Волги и Дона на Дунай и обосновавших там болгарское королевство. В свете таких фактов более уместно было бы спросить: когда западная и восточная культура не оказывали друг на друга влияния?

[...]

Между Поволжьем и Италией с ее городами-государствами Генуей, Венецией, Миланом и Флоренцией постоянно велась торговля, которая еще более расширилась в период Золотой Орды. Торговые отношения неизбежно сопровождались взаимовлиянием культур... Об этом свидетельствует, в частности, кыпчакско-латинский словарь «Кодекс куманикус», составленный, по всей вероятности, католическими миссионерами в XIV в. с учетом потребностей итальянских купцов. Рукопись этого словаря в 1362 г. была принесена в дар Венецианской республике поэтом Петраркой²⁰, учеником и продолжателем Данте в итальянской литературе.

Петрарка (1304–1374) жил как раз в эпоху создания «Дастан-и Джумджума» и неоднократно выступал пос-

редником между Венецией и Генуей в их торговых отношениях с восточными странами. Вот почему тот факт, что рукопись «Кодекс куманикус» оказалась именно у Петрарки, не может быть объяснен случайностью или одной лишь его любовью к рукописям, хотя поэт явно был к ним неравнодушен и собирал их в большом количестве.

Стремление итальянцев к изучению кыпчакского языка не могло не вызвать обратного действия, т.е. стремления кыпчаков (в особенности, купцов) к изучению итальянского языка, что было вполне закономерно, ибо диктовалось экономическими интересами: необходимостью налаживать торговые отношения, хотя итальянцы, кроме торговых, преследовали еще и миссионерские цели (например, В. Рубрук).

[...]

Обращаю внимание читателя на слово «миль» (миля), употребленное Хусамом Катибом для обозначения меры длины при описании дворца Джумджума:

И там был воздвигнут мною

один дворец.

Ширина и длина его (тянулись на)

десять миль.

Слово «миля» на латыни означает «тысяча». В древнеримскую эпоху выражение *milia passum* обозначало расстояние, равное «тысяче шагов», а уже потом эта мера длины стала иметь различную величину в разных странах. В том числе и русская миля²¹. Таким образом, в языке поэмы слово «миля» латино-итальянского происхождения.

Не менее интересно в языке поэмы и слово «күртä // курта» в строфе 235: «Однако (он) даже курты никому не давал» (букв.: ни на кого не надевал).

По логике стиха, словом күртä // курта обозначается одежда, которую «дарили» беднякам в виде подаяния.

Надо полагать, что это была недорогая, по всей вероятности, короткая верхняя одежда [...].

В восточном диалекте татарского языка «корт» означает верхнюю одежду на вате – «бишмет»²². Однако слово корт не тюркское. В персидском – «туника, жилет, куртка, жакет; рубаха»²³; В афганском «куртый» – «пиджак, куртка»²⁴, короче, татарское «корт», персидское и афганское «куртый» соответствуют по значению русскому слову «куртка» (от латинского *curtus* – короткий) – короткая мужская одежда, застегивающаяся наглухо)²⁵. И вполне возможно, что все эти слова восходят к единому корню в индоевропейском языке. В данном случае, однако, интересен другой вопрос: откуда слово «күртä» (или «курта») в языке поэмы и «көртэ» в диалекте татарского языка? Ответ может казаться легким: заимствовано из персидского языка.

Однако легкость этого ответа осложняется тем, что на Востоке одежда, даже мужская рубашка, была длинной, а потому ее не могли обозначать словом со значением «короткий». Короткая одежда, в особенности верхняя, свойственна Западу... По-видимому, она была занесена купцами на Восток, а вместе с предметом пришло и его название. В этом отношении характерно афганское «куртый», которое ближе по звучанию к латинскому и русскому «куртка», а не к персидскому, хотя персидский и афганский языки более близки друг к другу, чем афганский к латинскому.

Во всяком случае, татарское «корт» довольно близко к итальянскому «короткий»²⁶. Арабская графика не позволяет нам точно определить, с какой гласной в первом слоге произносилось в поэме это слово – с «у» или «о». Возможно, в живой речи слово звучало как «корт» или «корта». Таким образом, данное слово в языке

поэмы, возможно, восходит именно к итальянскому «короткий».

Как бы то ни было, наличие в языке поэмы слов «миль» и «курт / курта» может быть объяснено влиянием итальянского языка. Конечно, степень этого влияния определяется тем, в какой мере эти слова были употребительны в тюркском языке. Если в отношении слова «корт», сохранившегося и в современном диалекте, можно сказать, что оно было в общем употреблении, то это невозможно утверждать в отношении слова «миль», которое не встречается в других тюркоязычных памятниках XIII–XIV вв. и не сохранилось в живых говорах.

Слово «миль» составляет пока особенность лексики только данной поэмы, что наводит на мысль, что его употребление в поэме есть, возможно, частный случай, результат знания ее автором итальянского языка и активного употребления его в общении с приезжими итальянцами на родине поэта или на их родине, в Италии, куда, вполне естественно, мог ездить и сам Хусам Катиб.

Слово катиб (по-арабски «писатель», «переписчик рукописей», «секретарь», «пишущий»), употребленное как приложение к имени Хусам, означало, по всей вероятности, гражданскую должность Хусам при дворе. Если это предположение окажется верным, то вероятность личного участия Хусам Катиба в золотоордынско-итальянских отношениях станет более реальной, подобно тому, как со стороны Италии точно в эту же эпоху посредником в этих отношениях выступал поэт Петрарка.

Пусть Хусам Катиб не знал итальянского языка и не побывал в Италии, но, как передовой человек своего времени, он мог быть знаком (например, при посредничестве приезжих итальянцев, владевших кыпчакским языком) с содержанием «Божественной

комедии», известной в 60–70 гг. XIV в. и за пределами Италии.

Отсутствие достоверных сведений по биографии Хусам Катиба не дает, к сожалению, возможности для категорических утверждений, поэтому мои рассуждения по данному вопросу имеют лишь силу предположения, не более [...] Буду считать свой долг в какой-то степени выполненным, если мои предположения окажутся способны вызвать положительные споры и возражения, которые, возможно, послужат толчком для дальнейших поисков в целях установления истины.

Итак, близкое сходство в описании ада в поэме Хусам Катиба и «Божественной комедии» Данте не подлежит сомнению. Даже одно это, с поразительным совпадением отдельных видов адских мук [...], дало бы вполне достаточное основание предположить непосредственную связь между этими произведениями. Дело, однако, не ограничивается только этим сходством и совпадением отдельных деталей. Если их еще можно отчасти объяснить так называемыми общими источниками, то как объяснить то, что является общим только для Данте и Хусам Катиба, отличая их от всех их предшественников?..

Во-первых, в произведениях Данте и Хусам Катиба ад является только формой для выражения антифеодалного содержания; ад у них – не самоцель. У их предшественников – в общих источниках, в особенности в клерикальной литературе, описание ада составляет главное их содержание, и оно в них – самоцель.

Во-вторых, у предшественников Данте и Хусам Катиба, в особенности у теологов, ад – это отвлеченно-фантастическое религиозное понятие для наказания не менее отвлеченных грешников, не связанных с определенной исторической действительностью. Преступления этих грешников

воспринимаются в плоскости прошлого без явной связи с настоящим.

В противовес этому, в творениях Данте и Хусам Катиба ад, являясь, в целом, средством отображения феодальной действительности, состоит из картин реальной жизни. Каждая группа грешников – это обобщенно-личная форма конкретно существующего социального зла, порожденного, а потому и неразрывно связанного с существующим феодальным миром. Эти грешники – не отвлеченные тени с отвлеченными преступлениями, а действительно существующие для читателя того времени реальные люди, от преступлений которых, как от зла сегодняшнего дня, страдает народ. [...]

В-третьих, в общих источниках, предшествующих нашим поэтам, грешники наказываются за нарушение отвлеченных религиозно-нравственных норм перед богом, в аду же у Данте и у Хусам Катиба грешники подвергаются наказанию за конкретные преступления, совершенные против людей.

В-четвертых, как в «Божественной комедии», так и в поэме «Дастан-и Джумджума» ад служит для разоблачения феодального общества, его паразитарной сущности и его пороков, тогда как у предшественников Данте и Хусам Катиба, в их «общих источниках», ад служит для утверждения незыблемости современного общественного устройства [...].

В-пятых, оба поэта, и Данте, и Хусам Катиб, посредством описания ада погружали читателя в реальную, современную ему действительность, раскрывая перед ним неизлечимые раны феодального общества и обратив тем самым внимание читателя на самые злободневные вопросы социально-политического порядка, тогда как в общих источниках, предшествующих Данте и Хусам Катибу, описание ада

использовано в целях религиозной пропаганды, для отвода глаз от действительности, от фактов социальной несправедливости.

Иначе говоря, у клерикалов и у суфийских поэтов ад есть средство для религиозной пропаганды, а у Данте и Хусам Катиба ад – средство отображения объективной действительности.

Эти пять особенностей, присущих в той или иной степени и «Божественной комедии» Данте, и поэме «Дастан-и Джумджума» Хусам Катиба, но не характерные для их предшественников, при наличии других сходных черт, о которых речь шла выше, дают полное основание предположить, что поэма «Дастан-и Джумджума» написана под влиянием «Божественной комедии» Данте, в особенности, «Ада».

Тем самым выясняется интересная картина взаимовлияния и взаимопроникновения в XIV в. мусульманской и христианской культур, т.е. влияния восточной культуры на Данте при создании им «Божественной комедии»²⁷ и ее обратного влияния на восточную культуру в лице Хусам Катиба при создании им поэмы «Дастан-и Джумджума».

Таким образом, эта поэма есть результат благотворного взаимного влияния восточной и западной культур. Она впитала в себя лучшие традиции этих двух культур, возникнув в то же время на родной, народной почве и являясь вполне самобытным оригинальным произведением, написанным на тюркском языке.

* * *

Необходимо подчеркнуть, что сравнение Данте (1265–1321) и Хусам Катиба, которые жили не только в разных странах, отличающихся друг от друга специфическими чертами быта, культуры, политической атмосферы и др., но и в разных общественно-исторических условиях,

правомерно не во всех отношениях. Данте был одновременно «последний поэт средневековья и... первый поэт нового времени»²⁸, когда в Италии, на родине поэта, в лоне умирающего феодализма начали складываться новые капиталистические отношения, своими неясными силуэтами подающие какую-то надежду на будущее. Хусам Катиб жил в беспросветной тьме, имея надежду лишь на бога, в условиях упадка огромного государства восточно-феодалного типа, в эпоху полного разложения общества, раздираемого острыми внутренними противоречиями и бесконечными феодальными раздорами.

Этой разницей общественно-исторических условий, в которых жили поэты, объясняется, отчасти, и то, что Данте в «Божественной комедии» изобразил, кроме ада и чистилища, также и рай, символизирующий убеждение Данте в том, что в обществе можно найти положительное начало, достойное рая. Хусам Катиб не видел этого положительного начала в разлагающемся обществе, а потому не стал утруждать себя бременем создания «рая» для «положительных» феодалов.

«Дастан-и Джумджума» и «Божественная комедия» [...] также не могут быть рассмотрены как произведения, равные в плане художественного изображения действительности. И по охвату жизненного материала, и по трактовке его на огромном художественном полотне, и по блеску, изумительному богатству палитры его описания, и по глубине мыслей, облаченных в форму безупречно отчеканенных стихов, одним словом, по силе художественного изображения «Божественная комедия» является гениальным творением художника более крупного масштаба и шедевром мировой литературы.

Однако по методу изображения объективной действительности срав-

нение этих двух произведений вполне возможно, так как оба поэта пользуются одним и тем же методом – реалистическим, хотя в реализме каждого из них есть и некоторые особенности.

В реализме Данте ощущается некий гнет мистицизма, который в какой-то степени ослабляющее действует на силу его реализма. В поэме даже обычные религиозные догмы отягощены грузом глубоких философских суждений и обоснований. У Хусам Катиба как раз наоборот: его поэма совершенно свободна от мистики, а религиозные догмы в ней не только философски не обоснованы, а повторяются как бы по привычке, как в народе произносится выражение «слава богу».

Читая поэму, иногда недоумеваешь, о какой религии в ней идет речь. Даны лишь те общеизвестные нравования, которые присущи всякой религии. Если судить по содержанию поэмы, то речь в ней должна идти и идет о христианстве. Но оно трактуется с точки зрения и в понимании мусульман, [...] Иса (Иисус) считается пророком, а известная формула мусульманской веры перенесена с Мухаммеда на Ису (Иисуса) и звучит на сей раз как «Нет бога, кроме бога и Иисуса его Духа!».

Эта формула трижды повторяется в поэме, и автор упорно подчеркивает истинность «духа-аллаха» – Исы (Иисуса), который фактически полностью заменил в поэме пророка Мухаммеда и предстал мусульманским пророком. Примечательно, что имя Мухаммеда в поэме упомянуто только один раз лишь в связи с тем, что его последователей ждет на том свете ад – Джанна (строфа 190). В другом месте (строфа 132) ангел смерти Азраиль упоминает Мухаммеда под эпитетом Фахриджихан, подчеркнув, что он, Азраиль, отнимает душу и у этого пророка.

Этот эпитет Мухаммеда был известен только очень узкому кругу духовенства и совсем не понятен широкому кругу читателей. Так что все те похвалы, которые адресованы в поэме Фахриджихану, обыкновенный читатель относил, безусловно, к Исе (Иисусу), как к фигуре, активно действующей в поэме.

Не в связи ли со сказанным следует рассматривать отсутствие в поэме обычного введения, где автор, как правоверный мусульманин, в обязательном порядке должен был произнести славословия Аллаху и восхваления его пророку Мухаммеду. И в этом отношении поэма не была обычной для того времени и нарушала твердо установившуюся в литературе традицию. Характерен, впрочем, и сам подбор мифа, связанного именно с Исой (Иисусом), а не с Мухаммедом.

Все это наводит на мысль, что Хусам Катиб, будучи мусульманином, сочувствовал, по всей вероятности, христианству. Это не покажется парадоксальным, если мы учтем, что в Золотой Орде полностью не упрочилась ни одна религия, и, несмотря на то, что в стране было больше мусульман, немало в ней было и исповедующих христианство. Его придерживались даже некоторые из придворных, в числе которых иногда можно было встретить и ханских жен. (Вероятно, под покровительством подобных миссионеры и проповедовали христианство). Шатания между отдельными религиями в эту эпоху были обычным явлением.

Короче, религиозные взгляды Хусам Катиба неглубокие, без склонности к мистике, чем, надо, полагать, определяется исключительная сила реалистического изображения поэтом феодальной действительности.

Ценность и историко-познавательное значение поэмы Хусам Катиба заключается в том, что он в ней исто-

рически верно и реалистично изобразил жизнь современного ему феодального общества. Поэт показал, с одной стороны, сказочную роскошь, в которой утопает феодальная верхушка, неслыханный разврат, которому она придается, пренебрегая предписаниями «ортодоксальной» религии, которой, когда нужно, феодалы ханжески прикрывались в глазах общества; с другой стороны, поэт рисовал страшную картину бесправия народа, которого представляет в поэме бедняк, пришедший ко дворцу с просьбой о помощи, но грубо выгнанный ханскими слугами.

Об этом бедняке в поэме мы знаем лишь из разговора Джумджума с придворным. Бедняк в поэме не произносит ни слова, как бы символизируя бесправный народ, лишенный возможности даже говорить о своем бесправии и тяжком положении. Таким приемом художественного изображения поэт достиг, пожалуй, того, что образ этого бессловесного бедняка очень ярко запоминается читателям. Типичность и обобщающая сила этого образа велики.

Хусам Катиб, разоблачая, с одной стороны, паразитарную сущность феодального общества, его неизлечимые раны и противоречия, хотел, с другой, – найти выход из положения при помощи идеи о справедливом правителе, переключаясь в данном вопросе с Данте, который выход для народа также видел в «идеальном» просвещенном монархе, живущем по «закону божьему».

Утопичность и противоречивость политических взглядов Хусам Катиба определили противоречивый характер образа Джумджума, в котором поэт хотел воплотить справедливого правителя, равно относящегося и к богатым, и к бедным. При этом, по мнению поэта, неважно, что правитель – не мусульманин, лишь бы он

был справедливым. Джумджума освобождается из ада именно потому, что он осознал свои грехи, ... тогда как другие ханы-правители навечно остаются в аду. Однако чувство реального у поэта настолько сильно, что он даже этому теперь уже «идеальному» правителю не может простить его прежних неблагоприятных поступков. [...] После своего воскрешения Джумджума начал вести честный образ жизни. Лишь после этого он стал «истинным» мусульманином.

Таким образом, утопические политические взгляды Хусам Катиба переплетаются с его религиозно-дидактическими взглядами, носящими, глубоко гуманный характер. Гуманизм поэта ярче всего выражен в следующих строках поэмы:

Короче так: Человек,
Кем бы он ни был, пожнет то,
что посеет...

От жизни не получит
желаемого никто;

Так (не) лучше (ли) оставить в мире
(свое) доброе имя?

Политические взгляды Хусам Катиба, противоречивые и сами по себе неоднозначные, представляют большой интерес для истории развития общественной мысли, тем более что он не был одинок. Единомышленником Хусам Катиба выступает его предшественник, автор романа «Хосров и Ширин» – Кутб. Он пишет:

Народ ты не угнетай,
будь справедливым!

Я не вижу никакого проку
в таком правлении,

Если ты своей властью лишь боль
причиняешь стране²⁹.

Утопия о справедливом правителе была в средние века весьма распространена как на Востоке, так и на Западе. Данте, как уже было отмечено, также придерживался того мнения, что справедливый император в состоянии уничтожить социальное зло. [...]

«Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом»³⁰. Однако, как великий художник, в своих произведениях он правильно отобразил современную ему действительность.

Лев Толстой проповедовал идею непротивления злу насилием, что не мешало ему быть «зеркалом русской революции» (В.И. Ленин).

Противоречивость взглядов Хусам Катиба определялись той эпохой, в которую он жил, сознанием того общества, в котором поэт был воспитан в духе господствовавшей идеологии – мусульманской религии. Это не могло не оставить определенного отпечатка и на его поэме.

Она внешне вполне ортодоксальна и выдержана согласно всем правилам ислама, что объясняется, впрочем не только и не столько лишь благочестивостью автора, сколько, главным образом, необходимостью: без религиозной оболочки поэма не могла быть воспринята тогдашней публикой, привыкшей поступать только по санкции религии, которая служила в то же время броней для поэмы от нападков духовенства и феодалов.

Несмотря на противоречивость своих взглядов, Хусам Катиб был великим художником-гуманистом, призывавшим правителей быть справедливым к угнетенному народу и осмелившимся подвергнуть правящий класс жестокому наказанию в аду за то, что они угнетали народ.

Он создал поэму, изобразившую типические черты современного ему феодального общества и разоблачавшую абсурдную теорию о «белой кости» и «черной кости». По этой причине поэма Хусам Катиба является в то же время документом, свидетельствующим о том, что даже в жестокий век восточного феодализма, в государстве Золотая Орда народ продолжал под гнетом феодалов творить и развивать

свою духовную культуру, вел против угнетателей не только физическую, но и идеологическую борьбу.

Можно не сомневаться в том, что этот литературный памятник антифеодального содержания не был случайным и единственным. Среди рукописей, которые мне удалось собрать у населения в течение последних восьми лет, есть произведения, близкие по духу к поэме Хусам Катиба. Из них выделяется одна небольшая поэма, пока уникальная, в единственном списке; в ней рассказывается о том, что сын одного разорившегося бедняка, чтобы избежать неминуемой голодной смерти, продает своих родителей, с их согласия и по их совету, в рабство, а на вырученные деньги, купив коня и оружие, одерживает победу над коварной ханской дочерью, задумавшей его погубить, и спасает тем самым своих родителей от рабства.

* * *

К сожалению, по биографии Хусам Катиба достоверных сведений не сохранилось. Если слово «человек», употребленное в конце поэмы, в стихе: «и этот человек был из города Египта», отнести к автору поэмы, а не к Джумджума, то можно было бы предположить, что Хусам Катиб, подобно Сейфу Сарай³¹, жил эмигрантом в Египте, где он и мог написать свою поэму. Однако это весьма слабая вероятность, хотя воззрения Хусам Катиба и Сейфа Сарай на теорию о «белой кости» и «черной кости» вполне перекликаются.

Выше уже было отмечено, что арабское слово «катиб» (секретарь) – приложение к имени Хусам – могло означать гражданскую должность поэта при дворе. В пользу этого предположения говорит также и то, что Хусам Катиб был хорошо знаком с придворной жизнью. Описать ее так реалистично, с детальными подроб-

ностями, с проникновением в ее сущность, мог только тот, кто сам непосредственно принимал в ней участие. Несмотря на это, Хусам Катиб не был, по всей вероятности придворным поэтом, т.к. предпочитал защищать интересы народа, отражая в своей поэме настроения широких неимущих слоев населения [...].

Имя «Хусам» известно нам еще по двум книгам: автор комментариев к книге «Исагуджи» себя называет Аль-Хусам-Катибом³²; автор книги (920 г.

хиджри) (книга не названа. – М.А.) упоминает некоего Хусам – поэта, написавшего много стихотворных произведений.

Но и то, что до нас дошло, говорит об исключительном таланте поэта, создавшего небольшую по объему, но огромную по своему значению поэму. Она должна войти в золотой фонд истории литератур тюркоязычных народов, предки которых жили в Золотой Орде, и стать достоянием советской и мировой общественности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Самойлович А.Н.* К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир-Али-Шир. – Л., 1928. – С. 17.

² *Бертельс Е.Э.* Литература народов Средней Азии //Новый мир. – 1939. – № 9. – С. 272.

³ *Дмитриева Л.В.* Тюркские рукописи Института востоковедения АН СССР // Проблемы востоковедения. – 1954. – № 4. – С. 146.

⁴ Е. Бертельс и А. Самойлович также считали язык поэмы кыпчакским. Исследования показали, что она написана тем же языком, которым написаны «Мухаббат-намэ» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Нахджель-фарadis» Махмуда Булгари и им подобные памятники, но с заметным преобладанием элементов народно-разговорной речи.

⁵ *Маркс К.* К критике политической экономии. – М., 1951. – С. 225.

⁶ Слово «джумджума» по-арабски означает «череп», но в поэме это имя главного героя.

⁷ *Бертельс Е.Э.* Упомянутый труд.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. I. – Москва, 1957. – С. II.

⁹ *Вайман С.* Данте и проблема зарождения реализма. – Сталинабад, 1961.

¹⁰ Список сохранился у жителя с. Тархан Каверинского района Рязанской области, 74-летнего Аяза Кудякова, который, вручая мне его в 1958 г., объяснил, что он был сделан его предком в седьмом поколении Халилом Кудяковым, который жил приблизительно во II половине XVII – I половине XVIII в. и занимался переписыванием книг.

¹¹ *Бертельс Е.* Упомянутый труд. – С. 272.

¹² Рукопись № 3696 в ИВ АН УзССР.

¹³ «Киссаи Джумджума». – Казань, 1910. Напечатано в типографии Домбровского на средства Хусаиновых. Хранится в библиотеке Казанского университета под № Т 46109.

¹⁴ *Бертельс Е.Э.* Одна из мелких поэм Санаи в рукописи Азиатского музея // Доклады АН СССР. Сер. В. – 1925. – С. 41.

¹⁵ Там же. – С. 42.

¹⁶ Nicholson R., A Persian forerunner of Dante // Transactions of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. – Bombay, 1943.

¹⁷ *Шарль Р.* Мусульманское право (перевод с французского С.И. Волкова). – М.: Иностранная литература, 1959. – С. 28, примеч. I.

¹⁸ «Видения» в виде подробного описания ада и рая, увиденные во сне, рассказывались обычно нищими с целью добыть средства для существования, а иногда верующими для пропаганды религии. В русской апокрифической литературе классический образец «видения» – «Хождение Богородицы по мукам».

¹⁹ Сказки и повести древнего Египта (в переводе И.С. Кансельсона и Ф.Л. Мендельсона). – М., 1956. (См. «Сказание о Сатни Хемуасе»).

²⁰ Радлов В.В. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря. – СПб., 1884. – С.3 (См. также 52–53).

²¹ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. II. – М., 1938. – С.215.

²² Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. – Казан, 1961. – Б. 137.

²³ Полный персидско-арабско-русский словарь. Составитель И.Д. Ягелло. – Ташкент, 1910. – С. 1244.

²⁴ Афганско-русский словарь. Составитель П.В. Зудин. – М., 1950. – С. 401.

²⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. II. – М., 1937. – С. 1555.

²⁶ Итальянско-русский словарь. Составитель С.В. Герье и др. – М., 1935.

²⁷ Шарль Р. Мусульманское право (перевод с французского С.И. Волкова). – М.: Иностранная литература, 1959. – С. 28.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. – М., 1933. – С.94. (Манифест Коммунистической партии. Предисловие к итальянскому изданию 1893 года).

²⁹ Факсимильное издание, осуществленное А. Зайончковским.

³⁰ К.Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. I. – М., 1957. – С.12.

³¹ Нәҗип Ә. XIV йөз шагыйре Сәйф Сараи һәм аның заманы // Совет әдәбияты. – 1957. – № 4. – Б.99.

³² Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке Императорского Казанского университета. Перепечатано из Ученых записок. Кн. IV. За 1854-1855 гг. Рукописи XXXIII, XXXIV и след.

Аннотация

Статья Джавада Алмаза посвящена исследованию поэмы средневекового татарского поэта Хусам Катиба «Дастан-и Джумджума» (1376). Д.Алмаз впервые анализирует поэму в сопоставлении с «Божественной комедией» Данте, определяя сходные и специфические черты обоих авторов. В статье также обозначено место «Дастан-и Джумджума» в общем контексте средневековой восточной и мировой культуры.

Ключевые слова: Хусам Катиб, «Дастан-и Джумджума», ад, Данте, «Божественная комедия», литературные взаимовлияния, феодализм.

Summary

The article of Javad Almaz is devoted to study of the poem of medieval Tatar poet Hussam Katib «Dastan-i Dzhumdzhuma» (1376). D. Almaz first analyzes the poem in relation to the «Divine Comedy» by Dante; identify common and specific features of both authors. The article also indicates the location of «Dastan-i Dzhumdzhuma» in the general context of medieval Oriental and world culture.

Key words: Hussam Katib, «Dastan-i Dzhumdzhuma», Inferno, Dante, «Divine Comedy», literary interfluences, feudalism.

УДК 811.1/8

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕКТИВНЫХ ЗООМЕТАФОР И ЗООСРАВНЕНИЙ В БЫТОВОМ ДИСКУРСЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Д.К. Вахитова, кандидат филологических наук

В настоящее время инвективная лексика является объектом активного изучения, так как представляет собой важное средство выражения негативного отношения к объекту оценки. Объектом оценки, как правило, является человек как носитель определенных отрицательных черт характера, пагубных привычек, нарушитель норм общественного поведения. Инвектива активно используется в речи представителей всех национальностей, так как все люди имеют потребность в выражении своих эмоций и чувств, как положительных, так и отрицательных. В этом отношении испанская речь, характеризующаяся высоким уровнем аффективности и экспрессивности, не является исключением.

Среди ученых, занимающихся исследованием инвективной лексики в испанском языке, особого внимания заслуживают работы P. Celdrán, L. Camacho, G. Doval, J.D. Luque, A. Pamies, F.J Manjón, J. Esteban, A. Palomino, J.A. Miranda и др.

Являясь частью лексического богатства языка, использованные в речи испанские инвективы фиксируются в специализированных лексикографических источниках, например, C. Ruiz García «Diccionario de insultos y piropos», R. Montero «Diccionario de nuevos insultos, maldiciones y expresiones soeces» и др.

Инвективы занимают значительный пласт лексики испанского языка.

Данный факт объясняется, прежде всего, демократизацией испанского общества, изменением социальных устоев, норм поведения, что привело к снятию табу на употребление лексики такого рода.

В речи носителей испанского языка инвектива, главным образом, выполняет свою прямую функцию – служит для оскорбления, унижения, выражения презрения и пренебрежения. Испанские инвектологи J.D. Luque, A. Pamies, F.J Manjón утверждают, что в основе оскорбления лежит первичный мозговой импульс человека [3, с. 24]. Очевидно, что лексика, употребленная с целью оскорбления, не выражает прямого лексического значения и характеризуется десемантизацией. К примеру, *buzón de correos* (букв. почтовый ящик) употребляется по отношению к человеку с большим ртом.

Инвективная лексика переводит общение в конфликтную плоскость. Следовательно, инвективное словопотребление крайне тесно взаимосвязано с конфликтной коммуникацией. Причиной этого явления является возникновение инвективной лексики в устной речи и огромный дописьменный период развития инвективного общения у человечества.

В бытовом дискурсе применение инвективной лексики способствует раскрытию характера и поведения не только объекта оскорбления

(инвектума), но и автора инвективы (инвектора). Однако устная речь характеризуется особыми условиями функционирования. В бытовом дискурсе необходимо быстрое реагирование, инвектор не располагает необходимым количеством времени на обдумывание инвективы. Таким образом, одной из особенностей функционирования инвективы в разговорной речи является незамедлительная реакция, спонтанность.

В бытовом дискурсе инвектива может быть направлена как на речевую ситуацию или обстоятельство, так и на самого инвектора, тем не менее, в большинстве случаев она ориентирована на собеседника (инвектума). Однако часто инвектива имеет место даже в случае отсутствия инвектума. Согласно трудам инвектолога В.И. Жельвиса, данный случай весьма распространен в бытовом использовании инвективы, и такой безличной форме ученый приписывает междометную или восклицательную функцию [2, с. 126]. Мы разделяем точку зрения ученого, принимая во внимание тот факт, что безличная форма употребления инвективной лексики и фразеологии «набирает обороты». Отличительной особенностью инвективы, использованной в этой функции, является то, что, помимо отсутствия прямого инвектума, она служит, главным образом, для выражения досады или обиды говорящего на невозможность изменить ситуацию.

На наш взгляд, основной целью применения инвективной лексики в бытовом дискурсе является выражение отрицательного отношения, оскорбления, гнева, пренебрежения к предмету, ситуации или человеку, стремление говорящего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи [3, с. 7]. Рассмотрим, к примеру, одну из самых используемых инвектив в испанском языке

cabrón, которая выступает в качестве оскорбления общего характера в значении «сволочь». Указанная инвектива выделяется экспрессивностью и употребляется по отношению к неприятному, подлому человеку. Таким образом, инвектива *cabrón* используется как эмоционально-оценочная единица.

Выбор инвективной лексики обусловлен рядом факторов. По нашему мнению, основным фактором является коммуникативная ситуация, которая определяет выбор той или иной инвективной единицы. Кроме того, от речевой ситуации зависит то, насколько часто инвектор прибегает к использованию слов отрицательного толка, а также резкость инвективы. Выбор инвективы в дружеской перепалке значительно отличается от конфликта между врагами с чрезвычайным накалом, к примеру, выбор *tonto* (букв. дурак) вместо *bastardo* (букв. недоумок).

Социальный статус человека также обуславливает выбор тех или иных инвективных сочетаний. Г.В. Дмитриенко выделяет объективные и субъективные параметры, определяющие социальный статус человека. Среди объективных параметров исследователь выделяет пол, возраст, образование, профессию, занимаемую должность, уровень достатка и формы выражения достатка. Общественную оценку и самооценку личности, удовлетворенность существующим социальным положением В.Г. Дмитриенко относит к субъективным факторам [1, с. 106]. Рассмотрим подробнее некоторые из указанных факторов.

Гендерный критерий является одним из определяющих факторов при анализе особенностей употребления инвективной лексики в бытовом дискурсе. Гендерная система поддерживается посредством норм и предписаний, за нарушение которых общество наказывает людей [1, с. 107].

Среди основных признаков инвективной речи мужчин Г.В. Дмитриенко выделяет употребление нецензурных слов как вводных, однообразия используемых бранных слов и преобладание инвектив, обозначающих действия и процессы. К основным характеристикам женской речи лингвист относит гиперболизированную экспрессивность и большую концентрацию эмоционально оценочной лексики. Женщины склонны к интенсификации, и при возникновении необходимости использования инвектив женщины часто прибегают к использованию нейтральных слов и эвфемизмов, что не наблюдается у мужчин, которые чаще используют инвективную лексику. Ярким примером эвфемизма может служить фраза *ser del sindicato del vidrio* (букв. из профсоюза стекольщиков) для обозначения человека, носящего очки.

Возрастной признак также обуславливает выбор той или иной инвективной формулы. На наш взгляд, условно можно выделить три основные возрастные категории: молодое поколение, люди среднего возраста, пожилое поколение. Употребление инвективных формул молодыми людьми характеризуется большей частотностью по сравнению со средним и пожилым поколением. На наш взгляд, данный факт объясняется психологическими особенностями данной возрастной категории, а также борьбой против морали и культуры старших поколений.

Эмоциональная составляющая представляет собой один из субъективных критериев в выборе инвективы. Аффективное состояние наряду с эмоциональным восприятием ситуации инвектором накладывает свой отпечаток на использование стилистически сниженных слов.

Инвективные единицы, описывающие человека и его действия через сравнение с характеристиками живот-

ных, образуют значительную группу в испанском языке и активно функционируют в бытовом дискурсе. «Инвективные ассоциации с различными животными характерны для всех без исключения национальных культур, являя собой, таким образом, классический пример универсалии» [2, с. 253].

Для наименования слов такого рода в лингвистике используются различные термины: зоометафоры, фаунонимы, зооокативы, фаунистическая лексика и др. В данной статье мы используем термины зооокативы, зоонимы, инвективные зоометафоры и т.д.

Используя инвективную лексику с компонентом-зоонимом, говорящий обвиняет инвектума в наличии отрицательных качеств, которые испанская национальная традиция приписывает определенному животному. На наш взгляд, это объясняется тем, что человек оценивает любое явление и объект через себя, то есть, его взгляд всегда антропоцентричен. Человек предполагает, что некоторые представители животного мира обладают определенными качествами, которые имеются и у людей, вследствие чего производится метафорический перенос. Выделяется принцип, который используется при таких метафорических переносах свойств животных на человека – «*tertium comparationis*», где «инвектива представляет собой третий член сравнения» [2, с. 254]. Возьмем, к примеру, фразу *eres estúpido* ‘ты глупый’. Животным, которое символизирует данную характеристику, является *asno* (букв. осел). Следовательно, инвективным наименованием человека станет слово *asno* (букв. осел): *eres asno* ‘ты – осел’. Таким образом, зоонимическая характеристика, направленная на человека, отражает его поведение и поступки крайне экспрессивно и эмоционально.

В испанском языке само слово *animal* (букв. животное) также имеет

инвективное значение и используется для обозначения целого набора человеческих недостатков: грубиян, невежда, сволочь и т.д. В испанском бытовом дискурсе встречаются инвективы, в составе которых само животное не называется, а называется часть тела инвектума или действие, характерное для животного, например, *trompa* (букв. хобот) вместо *nariz* 'нос' и т.д.

В испанских инвективных наименованиях человека нашли отражение, прежде всего, названия домашних животных:

Испанцы используют зоовокатив *cerdo, puerco, cochino* (букв. свинья) по отношению к неаккуратным, неряшливым, неопрятным людям.

Такие инвективы, как *burro, asno, borrico* (букв. осел), активно используются при оскорблении и негативной характеристике человека, обладающего интеллектуальными недостатками.

В испанской культуре *vaca* (букв. корова) сравнивается с человеком, склонным к полноте. Отметим, что *vaca* может быть адресовано как женщине, так и мужчине.

Названия диких животных и пресмыкающихся также находят свое отражение в инвективных номинациях человека:

1. Испанская инвектива *zorra* (букв. лиса) обозначает распутную женщину.

2. Зоовокативы *oso* (букв. медведь) и *lobo* (букв. волк) применяются для номинации некрасивого человека: *más feo que un oso/lobo* (букв. страшнее медведя/волка).

3. Испанская инвектива *jirafa* (букв. жираф), как правило, адресуется слишком высокому человеку.

4. Такой зооним, как *víbora* (букв. ядовитая змея, гадюка), используется для инвективной номинации женщины, произносящей неприятные, оскорбительные слова в адрес кого-либо.

5. В испанской культуре зоовокатив *venado* (букв. олень) ассоциирует-

ся с психически неуравновешенным человеком.

6. Инвективы *lagarta* (букв. ящерица), а также *loba* (букв. волчица) употребляются для обозначения распутного поведения женщины. Отметим, что эта сфера в абсолютном большинстве культур является источником многочисленных табу и, соответственно, их нарушений, чем и обуславливается возникновение большинства инвектив [2, с. 276]. Как видим, испанская культура не является исключением.

Названия птиц, как диких, так и домашних, активно используются в испанском социуме для обозначения различных человеческих недостатков:

1. *Gallina* (букв. курица) употребляется испанцами для номинации несмелого, трусливого человека.

2. Инвективная единица *pájara* (букв. птица) активно используется для обозначения женского распутства.

3. Такие зоовокативы, как *papagayo* (букв. попугай) и *cotorra* (букв. маленький попугай), используются в испанском языке для негативной характеристики человека, который говорит не по делу. Отметим, что инвектива *cotorra* применима лишь к представителям женского пола.

В испанской культуре человек и его недостатки сравниваются с насекомыми и грызунами. Нами были выявлены следующие названия, обозначающие человека:

1. *Zángano* (букв. трутень) в испанской культуре ассоциируется с ленью и праздностью.

2. Зооним *mosca* (букв. муха) в составе инвективного словосочетания *mosca muerta* (букв. мертвая муха) обозначает лицемера, а также тихоню. Данный пример показывает, что в испанском языке зоовокативы могут выражать несколько свойств личности одновременно, что объясняется подвижностью и диффузностью значений инвективных единиц.

3. Инвектива *rata* (букв. крыса) употребляется в испанском языке для номинации жадного человека.

Названия рыб и морских животных также активно употребляются в испанском обществе для обозначения различных человеческих пороков:

1. Инвектива *merluzo* (букв. хек) указывает на умственные недостатки человека. Отметим, что форма женского рода *merluzo* для номинации лиц женского пола не используется.

2. Такие зоонимы, как *ballena* (букв. кит), а также *foca* (букв. тюлень), используются испанцами для негативной характеристики человека с избыточным весом.

Таким образом, для испанского бытового дискурса характерен крайне широкий диапазон употребления инвективных единиц, более разнообразных и сниженных в стилистическом плане. Кроме того, в бытовом дискурсе достаточно активно используется инвективная лексика с компонентом-зоонимом. Зооовокативам изначально присуща образность, которая становится определяющим фактором при характеристике внешности, умственных и физических способностей и многих других качеств человека. Инвективы с компонентом-зоонимом придают речи дополнительную образность, экспрессивность, живость и эмоциональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриенко Г.В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дмитриенко Глеб Владимирович. – Пятигорск, 2007. – 17 с.

2. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.

3. Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средствах массовой информации / А.А.Леонтьев и др. М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.

4. *García Ruiz C.* Diccionario de insultos y piropos. – Madrid: Agencia Española de la Propiedad Intelectual, 1992. – 173 p.

5. *Luque J.D., Pamies A., Manjón F.J.* El arte del insulto. – Barcelona: Ediciones Península, 1997. – 204 p.

6. *Luque J.D., Pamies A., Manjón F.J.* Diccionario del insulto. – Barcelona: Península, 2000. – 488 p.

Аннотация

Для испанского бытового дискурса характерен крайне широкий диапазон употребления инвективных единиц. В статье рассматриваются инвективные единицы, описывающие человека и его действия через сравнение с характеристиками животных. В испанских инвективных номинациях человека находят свое отражение названия домашних и диких животных, птиц, насекомых, рыб и т.д.

Ключевые слова: инвектива, бытовой дискурс, испанский язык.

Summary

Spanish common discourse is characterized by an extremely wide range of invective units. The article deals with invective units describing a person and his actions through comparison with the characteristics of animals. In Spanish invective human nominations are reflected the names of domestic and wild animals, birds, insects, fish, etc.

Keywords: invective, common discourse, the Spanish language.

УДК 80/81

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ АКЧА (ДЕНЬГИ) НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ПОСЛОВИЦ

Д.Р. Гайнанова, кандидат филологических наук

Паремии, накапливая в себе опыт и житейскую мудрость, служат для репрезентации сложности и противоречивости в мировидении татарского народа.

Изучение паремиологического фонда языка очень важно, так как именно через пословицы и поговорки удается установить специфические черты менталитета. Пословицы и поговорки позволяют увеличить средства вербализации концепта от одного слова до целого предложения. На сегодняшний день паремии являются одной из репрезентантов основных устойчивых структур нашего сознания.

Пословицы репрезентируют именно те концепты, которые являются важной составляющей национально-го сознания представителей той или иной культуры.

Признание значимости денег, отношение человека к ним закреплено в пословицах и поговорках. Деньги способствуют формированию в татарском языковом сознании антиномий: благо-зло, богатство-бедность, щедрость-скупость и др.

Рассмотрим концептуализацию понятия *акча* (деньги) на материале татарских пословиц:

1. Деньги всеильны, деньги – это власть, за деньги можно купить все.

В понимании татарского народа деньги являются некой силой, с помощью которой можно осуществить все дела. Деньги всеильны, имеют

власть: *Акча авызны капльй* (букв. Деньги закрывают рот); *Акчалы алланы да, мулланы да сатып ала* (букв. Человек с деньгами подкупает и Бога, и муллу).

Деньги подразумеваются как закон: *Акча үзе закон* (букв. Деньги сами и есть закон).

За деньги можно получить все, даже невозможное: *Акчага арслан сөте дә табып була* (букв. За деньги можно раздобыть и молоко львицы); *Акча аюны биетә* (букв. Деньги могут заставить танцевать медведя).

В татарских пословицах прослеживается мысль о том, что если у человека есть деньги, то у него будет все: *Акча булса – бар да була* (букв. Если будут деньги, все будет); и имущество: *Акча булса, мал табыла* (букв. Если будут деньги, будет и имущество); и земля: *Акча булса – бакча булыр* (букв. Если будут деньги, будет огород); и девушка: *Акча булса, кыз да табыла* (букв. Если будут деньги, и девушка найдется).

В пословицах и поговорках со значением отрицательного отношения к деньгам основной смысл заключается в том, что деньги могут ввести в заблуждение, сбить с пути не только человека, но и сверхъестественное существо, в данном случае шайтана (черта): *Акча белән шайтанны да мәчеткә кертеп була* (букв. Деньгами можно и черта загнать в мечеть); *Акчага шайтан да хезмәт итә* (букв. Деньгам даже черт служит).

В паремиях татарского языка можно проследить мысль, что *акча* (деньги) являются тем, чему поклоняются: *Акча – дөнъя иманы, Дөнъяның иманы акча* (букв. Деньги являются объектом поклонения); *Дөнъя куласасы акча көче белән әйләнә* (букв. Колесо мира крутится силой денег); а власть принадлежит тем людям, у которых есть деньги: *Акча кемнеке – дөнъя шуныкы* (букв. В чьих руках деньги, в тех руках и власть).

Пословицы и поговорки, отражающие значения «деньги имеют силу», «деньгам подвластно многое» в целом маркированы положительно: *Акчасын кулына йомарлап сөйләгән кешенең сүзендә куәт бар; Акча тау аркылы юл сала; Акча таи кистерә* и др.

Акча (деньги) выступают неким образом, которому все под силу:

Акча кылычы үткен, бар нәрсәне кисә (букв. Меч денег острый, все режет); *Акча таи кистерә* (букв. Деньги могут заставить разрезать камень).

Человек с деньгами представляет собой огромную силу, которому не только все подвластно, но которого боятся даже горы: *Акчалы әдәмнән таулар курка* (букв. Горы боятся человека с деньгами). Даже беда и несчастье боятся человека с деньгами: *Акчалы кешедән бәла куркыр* (букв. Беда испугается человека с деньгами).

2. Деньги любят счет.

Как и во многих языках, в татарском паремиологическом фонде существуют пословицы, в которых говорится о том, что деньги любят счет: *Акча санаганны ярата* (букв. Деньги любят счет); *Акча санаудан туймас* (букв. Деньги не устанут от счета); *Акча исәпне, акыл үлчәүне ярата* (букв. Деньги любят счет, а ум меру).

Однако в пословицах прослеживается мысль, что от постоянного подсчета количество денег не увеличится: *Акча санаган белән артмас* (букв.

Деньги не увеличатся подсчетом; Сколько ни считай, денег больше не станет).

Деньги можно не только зарабатывать, но и найти. Значение «деньги можно найти» передается при помощи лексем, обозначающих место, например, *юл* (дорога), *жир* (земля) и т.д. В таких пословицах содержится совет, что нужно быть бдительным и, если нашел деньги, то следует их пересчитать: *Акчаны юлдан тапсаң да, санап ал, як-ягыңа карап ал!* (букв. Даже если найдешь деньги на дороге, посчитай, оглянись по сторонам); *Жирдән тапсаң санап ал, уң-сулга карап ал!* (букв. Если нашел на земле, пересчитай, оглянись по сторонам); *Ат алсаң, сынап ал; акча тапсаң, санап ал* (букв. Если купил лошадь, испытай, если нашел деньги, пересчитай).

Трудно заработать деньги, еще труднее их сохранить, удержать. Поэтому необходимо научиться их тратить: *Акчаны табарга өйрәнгәнче, тотарга өйрән* (букв. Прежде чем зарабатывать деньги, научись их тратить), *Акчаны табасы жиңгел, тотасы читен* (букв. Легко заработать деньги, трудно удержать), *Акчаны табу читен, тапкач саклау аннан да читен* (букв. Трудно заработать деньги, заработав, еще сложнее сохранить).

3. В мире существуют много вещей, которые дороже и выше денег (ум, совесть, спокойствие, душа, знания).

В татарском языковом сознании отдельное место отводится духовным ценностям человека. Приоритетнее денег для человека должны быть нравственность, ум, спокойствие, знания и т.д. Определение человеческих ценностей является одной из главных тем в паремиологии татарского языка, которое нашло отражение и в пословицах.

Важнее материальных ценностей для человека должны быть нрав-

твенность, совесть: *Акчаң булмаса да, вәҗданың булсын* (букв. Если даже нет денег, пусть будет совесть); *Акча тапканчы тәүфикь сора* (букв. Вместо того чтобы добывать деньги, проси (моли) о нравственности). Считается, что у человека может быть много денег, но может не быть спокойствия, которое не купишь за деньги: *Акчаң булса бер букча, җәң тынычлыгы юк ла* (букв. Если есть мешок денег, нет спокойствия).

Превыше денег в татарских пословицах ставится ум: *Акча кесәдә түгел, башта* (букв. Деньги не в кармане, а в голове); *Акча тапканчы, акыл тап* (букв. Вместо того чтобы добывать деньги, приобрети ум). У человека может быть много денег, а ума нет: *Акчасы күп, акылы юк* (букв. Денег много, ума нет).

Акча тарат, белем җый (букв. Деньги раздавай, знания собирай). Существует стереотип, что денежный, богатый человек чаще всего деспот, бесчеловечный, что нашло отражение и в пословицах. Например, *Акчасы күп – залым кеше, акчасы юк – галим кеше* (букв. Человек с деньгами – деспот (бесчеловечный), человек без денег – ученый).

Считается, что глупый человек хуже человека без денег. Ум приоритетнее материальных ценностей. *Акча ярлысыннан акыл ярлысы яман* (букв. Бедность ума хуже отсутствия денег).

Большой ценностью для человека является также хлеб. Считается, что человек может прожить без денег, а без хлеба нет. *Акчасыз торып була, икмәксез торып булмый* (букв. Без денег можно прожить, без хлеба нет).

Акча өчен җәң сатып булмый (букв. За деньги нельзя продавать душу).

Әдәм булмыйм дисәң, акчага җәң сатма (букв. Если хочешь быть человеком, не продавай душу за деньги).

4. Деньги приносят с собой заботы, являются источником несчастья.

Многие пословицы с лексемой *акча* (деньги) маркированы отрицательно. В них деньги являются источником многих проблем, причиняют людям боль, сводят с ума и могут сжить со свету, т.е. деньги рассматриваются как источник несчастья: *Акча башны ашы* (букв. Деньги губят (сживают со свету)); *Акча әдәмнең башына җитә* (букв. Деньги губят (сживают со свету) человека); *Акча җәң талавы* (букв. Деньги сводят с ума). *Йокы симертә; / Акча тилертә* (букв. От сна толстеют, от денег сходят с ума)

Считается, что много денег приводит к большим проблемам и заботам: *Күп акчаның мәшәкате күп* (букв. Большие деньги требуют больших забот).

5. Деньги притягивают к себе деньги, деньги идут к деньгам.

Акча акчаны табар (букв. Деньги найдут деньги; деньги идут к деньгам); *Акча акчаны ярата* (букв. Деньги любят деньги) и др.

6. Деньги имеют власть над человеком, сбивают его с верного пути.

Считается, что деньги портят человека. *Акча аздыра* (букв. Деньги сбивают с пути).

7. Человека ценят и уважают только тогда, когда есть деньги.

В татарском языке существуют пословицы, отрицательно оценивающие отсутствие денег. Человека без денег не ценят: *Акча барда бар да дус* (букв. Когда есть деньги, все друзья); *Акчаң барда сөярләр, акчаң беткәч сүгәрләр* (букв. Когда есть деньги – будут любить, когда нет денег – будут бранить); *Акчаң бетте, кадерең бетте* (букв. Нет денег – нет и почета). *Акчаң булмаса, бәһаң бер тиен* (букв. Если нет денег – цена тебе одна копейка).

8. Человек, который не имеет денег, ассоциируется с человеком, у которого мало ума.

Акчасы юк – акылы аз (букв. Нет денег – ума мало); Буе озын, акылы кыска, акча очен утен коса (букв. Рост длинный, ум короткий, из-за денег злота душит).

9. Деньги достаются только настоящим мужчинам.

Акча арсланның авызында, егет булсаң, шуннан ал! (букв. Деньги в пасти льва, если ты мужчина, забери их оттуда).

В татарском языке пословицы с лексемой *акча* (деньги) включены в образную систему. Так, например,

деньги – как птица:

акча (деньги) сравнивается с птицей: *Акча аккош: муенын суза да оча (букв. Деньги – лебедь, вытягивают шею и улетают). Деньги передаются через образ птицы: Тиленең акчасы торна булып кычкыра (букв. Деньги безумного кричат как журавль). Негативное отношение к тому факту, что деньги долго не задерживаются в руках: Акча кошы кулдан төшми, кулдан-кулга оча (букв. Денежная птица с рук не слетает, переходит из рук в руки); Акча кысып тотсаң үлә, йомшак тотсаң, очып китә (букв. Если крепко держать, деньги умирают, если слабо держать – улетают);*

деньги – как собака:

Акча эт түгел – хуҗаны танымый (букв. Деньги – не собака, хозяина не узнают);

деньги в значении дружбы:

В пословицах и поговорках советуется не верить в дружбу денег, так как деньги ненадежны и могут тебя покинуть, когда станет плохо: *Акчаның дуслыгына ышанма, авыргач та сине ташлый (букв. Не верь в дружбу денег, они бросят тебя в трудную минуту);*

деньги – не родственники:

Акчаның туганы юк (букв. У денег нет родственников). Смысл этой пос-

ловицы следует понимать так, что в денежных делах родственные узы не имеют значения.

деньги – не урза, не пост:

Акчаның уразасы юк (букв. У денег нет поста), т.е. деньги всегда подразумевают расходы.

деньги – сабля:

имеется в виду, что деньги всемогущие: *Акча кылычы үткен, бар нәрсәне кисә (букв. Сабля денег острая, все может порезать);*

деньги – узда, уздечка:

Акчаның йөгәне юк (букв. У денег нет узды). Смысл данной пословицы в том, что деньги невозможно удержать;

В татарских пословицах и поговорках с компонентом *акча* (деньги) можно увидеть очеловечивание денег.

у денег есть лицо:

Акчаның йөзе якты (букв. Лицо денег светлое; т.е. Если есть деньги, то и настроение хорошее). Данной пословице в татарском языке соответствует следующая антонимическая пара: Акчасызның йөзе кара. Здесь уже идет конкретизация и имеется в виду, что у человека без денег лицо черное (т.е. мрачное).

у денег нет глаз:

Акчаның күзенә ак төшкән (букв. Глаза денег покрылись бельмом); Акчаның күзенә ак төшсә дә, чәченә ак төшми. В вышеприведенных пословицах заключено следующее значение: акчаның күзенә ак төшү – деньги не узнают хозяина и могут уйти, чәченә ак төшми – деньги не стареют.

Пословицы с лексемой *акчасыз* (безденежный) включены в образную систему, например, человек сравнивается с:

цветком без аромата (запаха):

Акчасыз кеше иссез чәчәк кебек (букв. Человек без денег, как цветок без аромата (запаха);

безумным зайцем: *Акчасыз олан – акылсыз куян (букв. Юноша (товарищ) без денег – как глупый заяц);*

нулем без палочки: *Акчасыз кеше – таяксыз ноль* (букв. Человек без денег – ноль без палочки).

Акча (деньги) также являются

опорой мира: *Акча – дөнъя тоткасы* (букв. Мир держится на деньгах);

объектом поклонения: *Акча – дөнъя иманы, Дөнъяның иманы акча* (букв. Деньги являются объектом поклонения).

В татарском языке можно проследить ассоциативную связь между понятиями *акча* (деньги) и *янчык* (мешок): *Агачак кан – тамырда тормас, чыгачак акча – янчыкта тормас* (букв. Кровь, которая должна пролиться, не останется в жилах, деньги, которые должны потратиться – не останутся в кошельке).

А также *акча* (деньги) и *букча* (сумка) – *Акча бездә бер букча* (букв. Денег у нас целая сумка).

Татарские пословицы и поговорки о деньгах можно разделить на две группы. Первая группа содержит пословицы, отражающие убеждение, что деньги могут все, деньги – благо: *Акча булса, мал табыла* (букв. Если есть деньги, товар найдется), *Акча булса – бар да була* (букв. Если есть деньги, все будет) и др. Во второй группе паремий с отрицательной коннотацией основной смысл заключается в том, что деньги – ничто, деньги – зло. Они могут сбить с правильного пути, как человека: *Акча кешене сикертә* (букв. Деньги заставляют человека прыгать), т.е. деньги развращают человека, человек совершает непозволительное, так и сверхъестественное существо, в данном случае – это ангел: *Акча курсә, фирештә юлдан таяр* (букв. Увидев деньги, и ангел собьется с пути) и др.

Многие человеческие качества, черты характера непосредственно связаны с деньгами, например, скупость или щедрость. С одной стороны, скупость вовсе не приветствуется

и даже осуждается: *Сараннан акча сорау – үгез саву белән бер* (букв. Просить деньги у скупого – все равно что доить быка), а с другой – бережливость скупого одобряется: *Акчаны саран саклар, ашылыкны салам саклар* (букв. Скупой бережет деньги, солома сохранит зерно); *Акча саранны таный* (букв. Деньги признают скупого) [Сагдеева, 2009: 175].

Существуют пословицы, в которых отрицательно оценивается дача денег в долг: *Акча бирү – жан бирү* (букв. Давать в долг – все равно что умереть), *Акча сорасаң миннән, боз кебек суынырмын синнән* (букв. Если попросишь у меня деньги взаймы, охладею к тебе, как лед) и др. Данные пословицы отрицательно маркированы.

Среди татарских паремий можно встретить пословицы, где понятие *акча* (деньги) связано с понятием *смерть*. Употребление в этих паремиях ключевых компонентов приводит к выведению следующих структурных схем: *акча + зират* (букв. деньги + кладбище), *акча + кабер* (букв. деньги + могила). Например: *Әдәмне акчасыз зиратка да илтмиләр* (букв. Человека без денег даже на кладбище не проводят, т.е. на похороны нужны деньги) и др. В пословице *Үлгәч, акчаңны кабергә куймаслар* (букв. После смерти деньги в могилу не положат) главный смысл заключается в том, что после перехода в иной мир человеку уже не нужны деньги. Однако в некоторых примерах приводится контраргумент, иллюстрирующий, что даже после смерти человеку нужны деньги, чтобы вырыть ему могилу: *Үлдем дә котылдым дип ятма, синең очен кабер казучыга акча түлсе бар* (букв. Не думай, что умер и избавился, людям, которые копают тебе могилу, нужно заплатить деньги).

Понятие *акчасыз* (акча+афф. -сыз) (безденежный) представляет собой

квазиценность человека: *Акчасыз кеше – таяксыз ноль* (букв. Человек без денег – ноль без палочки), *Акчасызның йөзе кара* (букв. У человека без денег лицо мрачное), *Акчасыз анаң атаңа да йөз бирми* (букв. Без денег и мать к отцу благосклонно не относится).

Итак, в паремиях с лексемой *акча* выделяются три типа: позитивная – *Акча булса, мал табыла* (букв. Если будут деньги, будет и богатство), *Акчаның йөзе якты* (букв. Лицо денег светлое), *Акчалы кешедән бәла куркыр* (букв. Беда боится человека с деньгами), *Акчалы кеше арымас* (букв. Человек с деньгами не устанет), негативная – *Акча аздыра* (букв. Деньги портят, развращают человека), *Акча авызны каплай* (букв. Деньги закрывают рот), *Акча бирү – жан бирү* (букв. Давать в долг – все равно что умереть), *Акча әдәмнең башына житә* (букв. Деньги губят (сживают со свету) человека), и двусторонняя – *Акчаң барда сөяrlәр, акчаң беткәч сүгәрләр* (букв. Когда есть деньги – будут любить, когда нет денег – будут бранить), *Акылны биргән дә акча, алган да акча* (букв. Деньги и дали ум, и забрали ум) и т.д.

Деньги являются общекультурным компонентом, поэтому многие татарские паремии с лексемой *акча* имеют эквиваленты и в других языках. В русском языке лексеме *акча* соответствует лексема «деньги», в немецком «Geld», в английском «money». Сравните:

тат. *Акча акчаны табар* – рус. *Деньга деньги родит*;

тат. *Акча булса – бар да була* – рус. *С деньгами все можно сделать*;

тат. *Акчам бетсә, акылым бетә* – рус. *Рубль есть и ум есть, нет рубля – нет и ума*;

тат. *Ак акча кара көн өчен, Акчаны кара көн өчен сакла*,

рус. *Береги денежку на черный день*,

англ. *To put away money for a rainy day*,

нем. *Sorge für einen Nothpfennig или spare was, so hast du was*;

тат. *Акча санаганны ярата*,

рус. *Деньги любят счет*,

англ. *Money likes to be counted*,

нем. *Geld will gezählt sein* и др.

Из вышеизложенного видно, что паремиологический фонд языка очень важен, так как именно через пословицы и поговорки удается установить специфические черты менталитета. Паремии с лексемой *акча* (деньги) дают представление о ценностях и в тоже время антиценностях татарского народа. Деньги являются предметом эмоций, симпатий и антипатий, приятия и неприятия, почитания и поругания. Анализ языкового материала показывает, что в татарских пословицах и поговорках о деньгах наблюдается противоречивость смыслов, что свидетельствует о двояком подходе людей к их оценке, отразившем опыт татарского народа в выборе между материальными и духовными ценностями [Сагдеева, 2009: 175].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сагдеева Ф.К. Понятие деньги (акча) в татарских пословицах и поговорках / Ф.К. Сагдеева // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Казань: Алма-Лит, 2009. – С. 175.

2. Татар халык мәкальләре / Жыночысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., Т.3. – 1967. – 1013 б.

Аннотация

Специфические черты обыденного сознания этноса хранятся в паремиологическом фонде языка. Признание значимости денег, отношение человека к ним закреплено в пословицах и поговорках. Паремии с лексемой *акча* (деньги) дают представление о ценностях и в то же время антиценностях татарского народа.

Ключевые слова: паремия, паремиологический фонд, пословицы, акча (деньги).

Summary

Specific features of everyday consciousness of ethnic are stored in paremiological fund of language. The recognition of money importance, a person's attitude to them is enshrined in proverbs and sayings. Paroemias with lexical item *akcha* (money) give an idea of the values and at the same time antivalues of Tatar people.

Key words: paroemia, paremiological fund, proverbs, akcha (money).

УДК 82-311.4

ФИГУРА ТЕХНОКРАТА В РОМАНАХ А. СОЛЖЕНИЦЫНА, В. ГРОССМАНА, А. БЕКА, В. ПЕЛЕВИНА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Ш.Г. Умеров, кандидат филологических наук (Москва)

В апреле 2011 года в берлинском центре «Топография террора» открылась выставка «Процесс: Адольф Эйхман перед судом», приуроченная к 50-летию с начала суда над «логистом геноцида». Организаторы экспозиции напоминали: «Адольф Эйхман, чье имя уже давно символизирует кроважидность национал-социализма, стал для послевоенных поколений олицетворением абсолютного зла. Будучи ответственным за решение «еврейского вопроса», он лично курировал смертельный конвейер геноцида, отправив в концлагеря около пяти миллионов человек. Ровно 50 лет назад в Иерусалиме начался процесс над «архитектором Холокоста» Адольфом Эйхманом – человеком, который ни о чем не жалел».

Далее следовал вопрос, непосредственно обращенный к посетителям, но, в сущности, уже полвека с лишним стоящий перед историками, социологами, психологами и многими другими людьми: «Кто он – «экспедитор геноцида» или всего лишь винтик в запущенной Третьим Рейхом машине смерти? При всем однозначном отношении к его фигуре, ... в Германии, Америке и Израиле не утихают дискуссии о роли Адольфа Эйхмана в нацистской иерархии и его степени ответственности. Был ли он увлечен идеей Холокоста или просто покорно выполнял приказы руководства, желая выслужиться?» [1].

Эйхмана описал в романе «Жизнь и судьба» Василий Гроссман. Подробных сведений о своем персонаже писатель еще не имел, закончив роман в 1959 году – до захвата Эйхмана (май 1960) и суда над ним в апреле – декабре 1961 года. Ему явно негде было встретить фотографию Эйхмана в эсэсовской форме – худощавое лицо, удлинённый ровный нос, заканчивающийся крючком, тонкие губы, зачесанные на пробор темные волосы. Или, как его через 20 лет увидели на суде: «невысокого роста, субтильного телосложения, ... лысеющего, ... близорукого» [2, с.17]. В целом внешность скорее даже семитская. То-то в некоторых биографиях утверждается, что он происходил «из еврейской семьи, принявшей лютеранство» [3], хотя как бы в этом случае его взяли в СС?

Писатель же дал Эйхману знакомое обличие какого-нибудь саксонского бауэра-чревоугодника: «светлоглазое полное лицо, светлый ежик волос, ...короткий прямой нос». Или: «Его большое лицо вдруг стало добродушно-озабоченным, каким оно становится у всех миллионов любящих покушать мужчин, когда они садятся за накрытый стол».

В трактовке В.С.Гроссмана уничтожение евреев как нельзя лучше отвечало натуре Эйхмана – антисемитизм овладел его сознанием с юности. Ему, выпускнику немецкой гимназии,

пришлось довольствоваться незавидным местом агента в какой-то провинциальной фирме. Не везло из-за того, что «все большие дороги в жизни были забиты шумной, жестикулирующей, враждебной ему толпой. Всюду он видел отталкивающих его быстрых, юрких людей с блестящими темными глазами, ловких и опытных, снисходительно усмехавшихся в его сторону...».

Так у Гроссмана реальная биография персонажа складывалась иначе. Адольф Эйхман учился не в Германии, а в австрийском Линце, и не в гимназии, а ниже – в реальном училище и в училище электротехники. Учился с трудом, ни одного из учебных заведений окончить не сумел. Он, единственный из пяти детей в семье, оказался неспособным завершить даже школьный курс, но при этом всегда пользовался поддержкой любящего отца – коммерческого директора транспортной компании, позже предпринимателя. Поэтому даже «во времена жестокой безработицы он довольно прилично зарабатывал» [2, с.56].

Писатель Гроссман обрисовал путь Эйхмана иначе и сделал это с большой художественной выразительностью. В романе «Жизнь и судьба» безнадёжный провинциал Эйхман благодаря победе национал-социалистов получил такую власть, такой почет и такой комфорт, о каких ему нечего было даже мечтать при прежних обстоятельствах.

Власть Адольфа Эйхмана, как любая тоталитарная власть, тем величественнее, чем больше людей гибнет у ее подножия. Так это показано в романе «Жизнь и судьба», и вот, думается, почему описание Эйхмана в романе сопряжено – совсем не по его реальному подполковничьему чину – с атрибутами высшей государственной власти и силы.

В трактовке же Ханны Арендт, ученицы Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса, авторитетнейшего историка, философа, создательницы теории тоталитаризма, бывший штурмбанфюрер, лично ответственный за умерщвление миллионов людей, ни на какой вершине власти не находился и никакими сильными пристрастиями или страстями не обладал. Ханна Арендт показала, что и никакой особой «личной неприязнью» к евреям Эйхман не страдал. Он вообще ничем не страдал – очень здоровый организм. (Генерал Хлудов в фильме «Бег» по пьесе М.Булгакова: «Есаул, у тебя душа болит? – Никак нет, Ваше Превосходительство. Зубы болят. – Пошел вон!»). Организатор массовых казней Эйхман был самой заурядной личностью, чиновником-бюрократом, утверждала Ханна Арендт. Он совсем не стоял над массами и над элитой, как почудилось ветерану нацизма Лиссу, одному из персонажей Гроссмана.

Как известно, Ханна Арендт присутствовала на процессе Эйхмана в Иерусалиме, будучи специальной корреспонденткой журнала «The New Yorker». Позже ее репортажи легли в основу книги «Банальность зла», перевернувшей ряд общепринятых представлений о нацизме и получившей мировую известность.

Зло на самом деле совершенно банально, доказывала Арендт. «Немецкое общество, состоявшее из восьмидесяти миллионов человек, так же было защищено от реальности и фактов теми же самыми средствами, тем же самообманом, ложью и глупостью, которые стали сутью его, Эйхмана, менталитета» [2, с.86].

У позиции Арендт имеются критики, но сегодня никто в социальных науках не может миновать ее суждений, оцениваемых весьма высоко. Так, американские ученые Эммануэле Кастано, Бернард Лейднер и Патриция

Славута, признавая, что исследования патологий личности не проясняют причин многих зверств, свидетелями которых мы постоянно являемся, опираются на выводы Арндт о том, что Эйхман вовсе не был чудовищем или какой-то психопатологической фигурой. Его действия, приведшие к гибели миллионов людей, стали, как показала Арндт, следствием желаний хорошо сделать свою работу. Тот факт, что работа заключалась в организации массовых убийств, в данном случае имел второстепенное значение [4, с. 72–73, 84–85].

Чрезвычайно успешным министром вооружений в правительстве Третьего рейха был Альберт Шпеер. По его собственному признанию, впечатляющие достижения в подведомственных ему областях были достигнуты благодаря «многим тысячам технических специалистов, ... которым... доверили руководство важнейшими отраслями военной промышленности. Это пробудило в них невестребованный ранее энтузиазм... В сущности, я использовал такое явление, как ощущение техническим специалистом неразрывной связи со своим делом».

Многое пересмотрев за 20 лет тюремного заключения, Шпеер осознал и другую сторону связи «технического специалиста» со своим делом: «Обычно он настолько увлечен им, что моральная сторона его совершенно не волнует. Но чем активнее осуществляется технический прогресс в мире, в котором постоянно вспыхивают войны, тем более опасным становится этот феномен, позволяющий снять с себя ответственность за возможные последствия своей деятельности» [5, с.277].

В высшей степени примечательно, что уже во время войны фигура самого Шпеера именно так воспринималась внимательными аналитиками со

стороны. Весной 1944 г. в лондонской газете «Обсервер» появилась статья, посвященная его роли в немецком государстве. «Шпеер в каком-то смысле более важен для Германии, чем Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс или генералы. Образно выражаясь, все они превратились всего лишь в подручных этого человека, без которого в действительности страна не смогла бы вести войну и который выжимает из ее военной промышленности максимум возможного. На наш взгляд, Шпеер олицетворяет осуществленную «революцию управляющих». Он не из тех нацистов, что ведут себя вызывающе и всячески стремятся обратить на себя внимание. Мы располагаем сведениями о его мировоззрении и полагаем, что он придерживается умеренных и вполне традиционных взглядов. Он мог примкнуть к любой партии, которая позволила бы ему заниматься своим делом и удовлетворить свое честолюбие.

В его внешнем облике нет ничего примечательного – вполне заурядный, опрятно одетый, весьма учтивый человек, которого уж никак нельзя отнести к разряду коррумпированных деятелей нацистского режима; этот добропорядочный семьянин, нежно любящий жену и шестерых детей, безусловно, принадлежит к среднему классу...

Он ... воплощает собой тип личности, которая начинает играть все более важную роль в политической и социально-экономической жизни воюющих государств, – чистейшей воды технократ, у которого есть только одна цель в жизни – сделать карьеру с помощью своих технических знаний и организационных способностей. Именно отсутствие чрезмерной восприимчивости и богатого духовного мира, а также легкость, с которой они овладевают сложной и в какой-то степени страшной технологией нашего

века, позволяют этим, в общем-то, заурядным людям в наши дни достичь немислимых высот. Пришло их время. От гитлеров и гиммлеров мы как-нибудь избавимся, но шпееры, что бы там ни происходило с каждым из них в отдельности, еще очень долго будут пребывать среди нас» [5, с. 448].

Шпееры, то есть технократы (а в анамнезе у них, не забудем, и Эйхман!), еще очень долго будут пребывать среди нас... Удручающая перспектива для человечества. Ведь в индустриальную, а тем более в технотронно-информационную эпоху вопрос об условиях существования огромных масс людей и о самом их существовании перестал быть привилегией «сильных мира сего» (рассказ А.П.Чехова «Злоумышленник») и одновременно сильно упростился из-за все более расширяющихся – как раз усилиями технократов – возможностей научно-технического и организационно-логистического свойства.

Что другое, кроме личного выбора, можно противопоставить этой перспективе?

Оказывается, в наш индустриальный, постиндустриальный, в наш «постжелезный» технотронно-информационный век человеческая мораль не только не падает в цене, но приобретает гораздо более важное значение, чем когда бы то ни было прежде.

Одна из центральных линий романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» связана с талантливым физиком-теоретиком Штрумом. В 1943 году он совершает замечательное открытие в своей области, однако радостное переживание научной победы вскоре сменяется тоской и страхом перед возможным арестом из-за облыжных политических обвинений. Коллеги уже перестали узнавать Штрума при встрече, соседки по дому третируют жену.

В поисках поддержки он навестил своего учителя академика Чепыжина,

недавно освобожденного от руководства Институтом физики. Сотрудники института теряются в догадках относительно причины отставки. В доверительном разговоре академик сообщил Штруму, что тут обратное: он сам отказался от должности, понимая, как быстро ядерная теория обратится в ужасающую практику: «Я решил не участвовать в работах, связанных с расщеплением атома». Он сделал моральный выбор.

В судьбе же Штрума все мгновенно изменилось после телефонного звонка Сталина, которому стало известно о ядерных разработках, ведущихся за рубежом, и о том, что путь «до сатанинской космической силы – будущего скипетра государственного могущества» начинается с «письменных столов нескольких десятков физиков», как раз таких, как Штрум. Прав оказался Чепыжин: «В этих делах без вас не обойдутся».

Новая волна честолюбия захватывает Штрума. Теперь он на специальном самолете летает на Урал, и его сопровождает, по меньшей мере, замнаркома. За ним закрепили автомобиль, и жена с комфортом разъезжает по «закрытым» распределителям. Жизнь оказалась разумной – и Штрум не пожалеет усилий для реализации атомного проекта. В душе он даже осуждает Чепыжина – за «сознательный страх перед главным вопросом нашей жизни». Правда, им самим вновь владеет страх, но совершенно другой – уже «барский», как замечает Гроссман. Страх перед возможными достижениями других ученых – не обойдут, не обскочат ли они его? И теперь Штрум без сопротивления подписывает подлое коллективное письмо, вполне сознавая подлость того, что сделал.

Поступок Чепыжина – скорее намек на возможность сопротивления. Его фигура не разработана и в много-

населенной книге Гроссмана остается лишь эпизодической, хотя сам факт ее появления и примечателен, и ценен.

Наедине с собой Штрум угрызается тем, что сделал, – и это оставляет надежду. Однако достанет ли ему мужества при следующем испытании поступить по совести, читателю не дано узнать. В целом Гроссман не обольщался способностью людей научно-технической закваски взбунтоваться против злой воли государства, хотя совсем от такой возможности не отказывался.

Передавая свое новое произведение в редакцию журнала «Знамя», Гроссман, конечно, не представлял – и никто не представлял, – что уже написан роман (рукопись укрыта в тайнике на кухне одного крымского дома – так же в тайнике, только подмосковном, вскоре будет укрыта рукопись «Жизни и судьбы»), сюжет которого начинается с дерзкой попытки человека, советского человека, талантливого и успешного дипломата, помешать Сталину получить атомную бомбу!

«Ты не дал украсть бомбы Преобразователю Мира, Кузнецу Счастья? – значит, ты не дал ее Родине! А зачем она – Родине? – ведет этот дипломат, Иннокентий Володин, диалог сам с собой: «Зачем она – деревне Рождество? Той старухе? Тому залатанному одноному мужику? Им нужны дороги, ткани, доски, стекло, им верните молоко, хлеб, еще, может быть, колокольный звон – но зачем им атомная бомба?». Возможность противостояния отдельного человека тоталитарному Молоху многосторонне развита в полифоническом сюжете романа «В круге первом» А.И.Солженицына и полностью связана с нравственным состоянием интеллектуальной, технической элиты.

Писатель обнаружил немало подходящих фигур. Конформистам (инженер-полковник Яконов, заключен-

ные инженеры Сологдин, Маркушев, Дырсин) и бездумным трудоголикам шарашки (инженер Потапов – «робот пятилеток»; молодой инженер Пряничков, захваченный «одними радиотехническими схемами») противопоставлены те, кто, как гроссмановский академик Чепыжин, отказываются сотрудничать с властями в деле, губительном для людей, для народа, для человечества. Их подвиг тем выше, что у Солженицына они жертвуют не директорским креслом (Чепыжин), но жизнью.

Выдающийся инженер Герасимович щепетилен в отношении изобретений «свойства... весьма нежелательного». Сам начальник Отдела спецтехники МГБ генерал Осколупов гарантировал освобождение через полгода – лишь бы Герасимович сконструировал аппаратуру тайного слежения за гражданами. Измучена издевательствами, которым подвергались семьи политзаключенных, любимая жена Наташа. Только что на редком, случающемся, если повезет, раз в год свидании она умоляла мужа: «Ларик, родной мой, ну сделай как-нибудь, чтобы освободиться раньше! У тебя же гениальная голова! Ну, изобрети им что-нибудь, чтобы они отвязались! ...Спаси меня! Спа-си меня!!».

Как сказано о ближних? «И враги человеку – домашние его» (Мф. 10: 36).

Герасимович, Нержин, Хоробров, Бобынин сопротивляются героически, стойчески – не одному только бесчеловечному большевистскому режиму, но и тому, что зовет их домой, к женам, в семью. Однако не ценой службы рябому черту! «Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой!» – такова нравственная позиция инженера Хороброва.

«Человек, у которого вы отобрали в с е – уже не подвластен вам, он сно-

ва свободен», – бросает прямо в лицо министру госбезопасности Абакумову арестант инженер Бобынин.

Заключенный математик Нержин отказывается перейти в лабораторию, выполняющую личный заказ вождя. Он сознает цену своего отказа от «осьминога криптографии» – сибирский концлагерь, лесоповал. Но «для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? ... Все доводы разума – да, я согласен, гражданин начальник! Все доводы сердца – отойди от меня, сатана!».

И вот худой, маленький Герасимович, услышав предложение Осколупова, «встал и презрительно посмотрел на брюхатого вислощекоего тупорылого выродка в генеральской папахе: «Нет! Это не по моей специальности! ... Сажать людей в тюрьму – не по моей специальности! Я – не ловец человеков! Довольно, что нас посадили...».

За неказистой внешностью заключенного скрывается страстная свободлюбивая натура. Здесь, в обнесенной со всех сторон глухими стенами с колючей проволокой зоне, бесправный арестант обдумал план создания нового правительства страны, состоящего из «интеллектуальной, технической элиты», и всецело готов к тому, чтобы революционным путем расчистить ему дорогу.

Надо спешить! «Мы же видим, как наш народ опустошился, одичал, и снизошло на него равнодушие уже не только к судьбам страны, ...но даже к собственной судьбе и судьбе детей. Равнодушие, последняя спасительная реакция организма, стала нашей определяющей чертой. Оттого и популярность водки – невиданная даже по русским масштабам. Это страшное равнодушие, когда человек видит свою жизнь... так безнадежно раздробленной, так вдоль и поперек из-

гаженной, что только ради алкогольного забвения еще стоит оставаться жить»¹.

Поэтому ради спасения народа «нам, русским техническим интеллигентам, пришло время сменить в России образ правления». Даже Нержин вздрогнул, услышав это.

Конечно, мысль о меритократическом обществе, в котором власть принадлежит научно-техническим специалистам, отнюдь не нова². Ее высказывал теоретик утопического социализма Анри Сен-Симон, а у него, в свою очередь, были такие предшественники, как Френсис Бэкон и Томмазо Кампанелла, Платон... В XX веке подобные идеи развивали американский экономист Торстейн Веблен, британский радиохимик, Нобелевский лауреат Фредерик Содди, русский социолог и политический деятель Александр Богданов, давший, к слову сказать, термин «техническая интеллигенция», и другие.

Однако Нержин, пораженный и увлеченный услышанным от Герасимовича (его собственные историософские искания пролегли по близким маршрутам), не может вполне согласиться с приверженцами технологического детерминизма. И Герасимович, и все его предшественники, начиная с Сен-Симона, строят и строили свои модели, опираясь на два неизменных постулата: ведущая политическая роль принадлежит научно-техническим специалистам, общество управляется на научных принципах (технологический детерминизм). Из этих научных, сиречь рациональных принципов, сознает особенно близкий автору Нержин, «вылупляется – тоталитарность». Осторожно! «Нам французские рационалисты уже одну великую революцию сделали, избавьте». Строить будущее нужно, уверен Нержин, на этических основаниях...

Солженицын особенно пристально вглядывается в тех из своих героев, кто способен на бунт. Боль, почему мы, люди, были так покорны, почему не сопротивлялись ночным арестам, в «Архипелаге ГУЛаг» звучит с самого начала: «Не то, что сопротивляться, – ты и по лестнице спускаешься на цыпочках, как велено, чтоб соседи не слышали. Как потом в лагерях жгло...».

Сознание своей унижительной покорности наглому гебистскому насилию жжет Иннокентия Володина уже в первые часы за решеткой.

Сам писатель неоднократно возвращался к мысли о необходимости личного сопротивления сталинской, коммунистической «проклятой машине»³. Делал это, например, в документальном романе о своем вхождении в мир литературы и открытой общественной борьбы, знаменательно названном «Бодался теленок с дубом», и в стихах:

Кто Россию в трусости обносит
Паутиной проволоки и вахт,
Тех исправит только пушек посвист
Да разрывов бессердечный кряхт.

Оттого дороги наступлений
Оживают, душу теребя,
И сквозь тысячи тюремных унижений
Я солдатом чувствую себя.

Оттого-то я гляжу с издевкой
На чекистов: гнеть не пора.
Будет час! – и я вольюсь с винтовкой
В русское протяжное «ура!..»

«Что-то стали фронтовые
весны...» (1951) [7, с.255]

В «Круге» на сопротивление оказался способен даже завербованный в сексоты лаборант Руська, сумевший устроить прилюдное разоблачение едва ли не всех стукачей шарашки!

То-то в главе «Князь Курбский» автор сопоставляет его с Иннокентием Володиным – и там же размышляет о природе подвига.

Удивительно, насколько точно это размышление А.Солженицына предваряет идеи крупнейших современных психологов. Так, один из них – профессор Стэнфордского университета Филип Зимбардо – в капитальном труде «Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев» развивает мысль о «банальности добродетели» и «банальности героизма». Он не развенчивает миф о герое и не превращает выдающееся в банальное. Акт героизма действительно является редкостью, и его необходимо прославлять, подчеркивает Ф.Зимбардо. Но «мы все – герои, ждущие своего часа». Как и зло, героизм всегда готов вырваться из нас. «Рассматривая героизм как эгалитарный, общий признак человеческой природы, а не ... качество, присущее немногим избранным, мы можем лучше способствовать героическим поступкам» [8, с. 678, 679]. Эти поступки создают самые важные связи между нами – «единую Человеческую Связь», противостоящую злу и в конечном счете преодолевающую его.

Вся книга «В круге первом» – это книга о противостоянии тоталитаризму, стремящемуся растоптать личность, уничтожить, превратить человека в робота, книга о победе сильного духом людей над тоталитаризмом.

Влиятельный, хорошо образованный советский технократ Онисимов (роман «Новое назначение» Александра Бека, 1964) душой и телом привержен партийной дисциплине и делу коммунизма. Он напоминает солженицынского Льва Рубина из марфинской шарашки, способного филолога, в прежней жизни – майора-коммуниста. Никакого свободомыслия у них в помине нет. Во имя своей рабской

приверженности Онисимов предаёт память любимого брата, отворачивается от глубоко уважаемого им наркома, соглашается с попранием научной истины. И Рубин, сам заключённый, как гончий пес со всем рвением хватает след аудиозаписей, выискивая того, кто осмелился послать сигнал опасности свободному миру.

В отношении к ключевой для второй половины XX века проблеме – проблеме научно-технического прогресса – советская Административная Система (идеальной ее фигурой и был Онисимов) оказывалась все более несостоятельной, о чем убедительно написал в статье по поводу «Нового назначения» профессор-экономист Г.Х.Попов. «Этот вывод романа А.Бека, им прямо не сформулированный, но всесторонне обоснованный всем ходом романа, имеет фундаментальное значение...» [9, с.204].

Статья Г.Х.Попова в свое время заслуженно получила большую известность. Однако ее название «С точки зрения экономиста» – не только дань скромности ученого, род деятельности которого далек от литературоведения, но и точное по существу. Если взять более широкий угол зрения, то в дополнение ко всему, что обнаружил экономист, откроются новые аспекты.

В свое время Ф.А.Степун, один из философов, которые бездарной властью большевиков были высланы на печально знаменитом «философском пароходе», процитировал пророческие слова Сёрена Кьеркегора: «Протестантизм будет выдавать себя за религиозное движение, но окажется движением политическим, коммунизм – за движение политическое, но окажется движением религиозным», – добавил к ним из собственного горького опыта: «конечно, только по структуре своего сознания, по страстности своего исповедничества, но не по содержанию своей веры [10, с.365].

Александр Бек чрезвычайно убедительно выявил разрушительную силу находящейся вне моральных границ технократии. Технократии, подменившей человеческую мораль поистине религиозной фанатической иступленностью. Силу, которая становится саморазрушительной (пожирательная организм раковая опухоль Онисимова).

Саморазрушительная сила технократии в новейшее время торжества компьютерно-визуальных технологий выразительно обрисована в романе «Generation «П» (1999) Виктора Пелевина.

Его главный герой Вавилен Татарский – талантливый криэйтор⁴.

Первоначально задача Татарского – адаптация зарубежной телерекламы к отечественным условиям. Быстро набравшись опыта, он сам становится создателем «картинок», которые подменяют окружающий мир. Пользуясь компьютерными технологиями, Татарский измышляет телеобразы государственных деятелей и политическую жизнь страны – ничего подобного в действительности не существует. Теми же способами обычные предметы потребления возводятся им в высший ранг, а подлинные духовные ценности опускаются, опошляются...

Видимо, прав музыковед и культуролог Владимир Мартынов, который, размышляя над причинами происходящей экспансии визуальной образности и огромной властью визуальных коннотаций в современном обществе, пришел к выводу о том, что вслед за концом «времени композиторов» и «времени гегемонии литературы в России окончилось», что наступает «эпоха какой-то новой, не текстоцентричной, не литературоцентричной данности». В итоге, традиционный для русской культуры литературоцентризм уступает место массовому

«зрелищецентризму», или «шоуцентризму» [11, с.36, 24, 38].

В «Generation «П» постепенно и сам криэйтор Татарский обезличивается. Воронка «шоуцентризма» затягивает всех.

То, что буква «П» в названии пелевинского романа означает Pepsi, – это, как теперь можно понять, эвфемизм, условный знак. Надо было привязать ТВ-технологии Вавилена (Вавилона!) Татарского к какому-нибудь узнаваемому бренду и чтобы он был массовым (дорогущие ПатеК Филипп, Роллс-Ройс, Луи Виттон и т.п. явно не подходят). Однако общественной погоды никакой напиток не делает: ни Пепси-Кола, ни Кока-Кола, ни даже Балтика №7.

Общественную погоду делает политика. Оттого, обращаясь к исторически значимым событиям, мы говорим: петровские реформы, николаевская эпоха, хрущевская оттепель, брежневский застой, горбачевская перестройка...

Пелевин написал о формах манипуляции общественным сознанием, о способах – через ТВ-пропаганду – подчинения этого сознания чему-то очень простому, о ТВ-средствах превращения какой-нибудь пустышки в самонужнейшую цель, в икону для миллионов. И о людях, которые этим заняты, о том, как они к этому делу пришли и что с ними происходит...

Пелевин писал роман в конце 1990-х. Тогда еще отечественное ТВ было плюралистичным, разнополярным – как и в течение всех девяностых постсоветских годов, столь проклинаемых ныне.

Но сразу после выхода романа, с наступлением нового тысячелетия, положение стало сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее меняться – как вода вытекает из ванны, если вынуть пробку: сначала по видимости медленно, почти незаметно, а потом

ускоряясь, бурля. Немцы это называют der Badewanneneffekt.

То, о чем написал Пелевин в «Generation «П», что пророчески художественно исследовал, стало основой общественной жизни страны на последующие годы. «Поколение Пепси»?! Другое маячит за русской буквой «П».

Как считает, например, Игорь Яковенко – видный социолог и до недавнего прошлого секретарь Союза журналистов России: «Трансформация ... мифа в телерелигию произошла в конце нулевых – начале десятых, когда сформировался корпус профессиональных служителей культа в лице ведущих главных телеканалов и приглашаемых ими «экспертов», а также юродивых и кликуш, выполняющих роль передового отряда нового мракобесия, штурмующего общественное сознание» [12].

В «Generation «П» вскрыт, описан механизм действия этой религии до ее появления. Накануне... Вспоминаются гордые слова Достоевского: «Ихним реализмом – сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы своим идеализмом пророчили даже факты. Случалось» [13, 329].

Пелевин сделал это как художник. Идея – в данном случае – путем иронии, неперменного свойства постмодернистской стилистики, атрибута постмодернистской картины мира.

Итак, пока никакого обобщающего вывода в этой теме сделать нельзя. Тысячу раз прав был автор «Обсервер», предсказавший еще 70 лет назад, что шпееры (читай – технократы) очень долго будут пребывать среди нас – «пришло их время».

Это время продолжается. И непредвзятый художник, будучи «у времени в плену», вглядывается в фигуры времени, и в фигуру технократа не в последнюю очередь, открывает в ней новые

темные и светлые грани, новую динамику. Такое же внимание требуется и от литературной критики, и от литературоведения, обращенного к новейшему периоду. Наша общая цель – защита и развитие человеческого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адольф Эйхман – логист смерти // Germania – online.ru: Информационный портал о Германии. 2011. 8 апреля. – <http://germania-online.ru/politika/politika-detall/datum/2011/04/08/adolf-ehikhman-logist-smerti.html>
2. *Арендт Х.* Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме / Пер. с англ. С.Кастальского и Г.Рудницкой. – М.: Европа, 2008. – (Холокост). – 424 с.
3. Адольф Эйхман // Feldgrau.info/. 2011. 28 августа. – <http://feldgrau.info/forum/index.php?PHPSESSID=jp2h8phcvjlkp42fpvvdsekaf5&topic=682.0>
4. *Кастано Э., Лейднер Б., Славуа П.* Процессы социальной идентификации, групповая динамика и поведение комбатантов // Международный журнал Красного Креста. – 2008. Т. 90. – № 870.
5. *Шпеер А.* Воспоминания. – М.: Захаров, 2010. – 688 с.
6. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛag: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Малое собр. соч. Т. 5. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 432 с.
7. Жди меня, и я вернусь...: Военная лирика 1941 – 1945 – 2005 / Вступ. статья, сост. и прим. С. Дмитренко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 603 с.
8. *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Пер. с англ. Анны Стативки. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 740 с.
9. *Попов Г.Х.* С точки зрения экономиста // Александр Бек. Новое назначение: Роман. – М.: Книжная палата, 1987. – С. 187–213.
10. *Степун Ф.А.* «Бесы» и большевистская революция // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник / Сост., пред. М. Назарова. – М.: Столица, 1991. – 464 с.
11. *Мартынов В. И.* Пестрые прутья Иакова: Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. – М.: Издат. дом КЛАССИКА – XXI, 2010. – 160 с.
12. *Яковенко И.А.* Медиафрения // Ежедневный Журнал. – 2013. – 26 ноября. – <http://www.ej.ru/?a=note&id=23812>
13. *Достоевский Ф.М.* Письмо А.Н. Майкову от 11 декабря 1868 г. // Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т. 28, кн. 2. – Л.: Наука, 1985. – С. 327–333.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И дальше: «Вот если бы водку запретили – тотчас бы у нас вспыхнула революция. Но беря сорок четыре рубля за литр, обходящийся в десять копеек, коммунистический Шейлок не соблазнится сухим законом». Как, перечитав этот прогноз, не призадуматься людям, которые помнят борьбу с пьянством и алкоголизмом, дошедшую на рубеже 1980 – 1990-х годов почти до сухого закона, и последующие громовые события.

² Меритократическое общество (от лат. *meritus* – достойный) – общество, в котором власть принадлежит людям достойным, заслужившим право на нее. Хотя представление о таком обществе существовало с давних времен, например, в конфуцианской философии, сам термин «меритократия» был введен лишь в XX веке – Ханной Арендт, в эссе «Кризис образования» (1954).

³ «...А что, если бы каждый оперативник, идя ночью арестовывать, не был бы уверен, вернется ли он живым, и прощался бы со своей семьей? Если бы во времена массовых посадок, например в Ленинграде, когда сажали четверть города, люди бы не сидели по своим норкам, млея от ужаса при каждом хлопке парадной двери и шагах на лестнице, – а поняли бы, что терять им уже дальше нечего, и в своих передних бодро бы делали засады по несколько человек с топорами, молотками, кочергами, с чем придется? Ведь заранее известно, что эти ночные картузы не с добрыми намерениями

идут, – так не ошибешься, хрястнув по душегубцу. Или тот воронок с одиноким шофером, оставшийся на улице, – угнать его, либо скаты проколоть. Органы быстро бы недосчитались сотрудников и подвижного состава, и, несмотря на всю жажду Сталина, – остановилась бы проклятая машина! Если бы... если бы... Мы просто заслужили все дальнейшее» [6, с.19].

⁴ От англ. *creator* - творец, создатель, автор, разработчик.

Аннотация

С середины XX века все более влиятельное место в жизни развитых государств занимают технократы, делающие карьеру с помощью технических знаний и организационных способностей. Черты такого типа выразительно интерпретируются в романах А.Солженицына («В круге первом»), В.Гроссмана («Жизнь и судьба»), А.Бека («Новое назначение»), В.Пелевина («Generation П») и др. Отсутствие особой духовной восприимчивости, а также быстрота, с какой даже заурядные люди приспосабливаются к подчас страшным новейшим технологиям, позволяют им достигать немислимых результатов. И только человеческая мораль оказывается преградой на пути к тотальному самоистреблению.

Ключевые слова: роман, технократ, технологический детерминизм, национал-социализм, большевизм, тоталитаризм, конформизм/нонконформизм, сопротивление, банальность зла, «шарашка», мораль, героизм, визуальные технологии, постмодернизм.

Summary

From the middle of the 20th century an increasingly influential role in the life of developed countries occupy technocrats, who make their careers with the help of their technical knowledge and organizational skills. Features of this type impressively interpreted in the novels of A. Solzhenitsyn («The First Circle»), V. Grossman («Life and Fate»), A. Bek («The New Appointment»), V. Pelevin («Generation P») and others. Absences of special spiritual receptivity, as well as the speed, which even the ordinary people adapt, sometimes, to the terrible latest technology, allow them to reach unimaginable results. And only human morality is an obstacle in the way to the total self-destruction.

Key words: novel, technocrat, technological determinism, national socialism, bolshevism, totalitarianism, conformism/non-conformism, resistance, banality of evil; «sharahska», morality, heroism, visual technologies, post-modernism.

УДК 372.881.111.1

УЧЕБНО-РЕЧЕВЫЕ СИТУАЦИИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ЗНАЧИМЫХ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

Р.К. Ахметгареева, кандидат педагогических наук

Рассматривая психолого-педагогические проблемы интенсивного обучения иностранным языкам, многие исследователи подчеркивали, что обучение определенному лингвистическому коду и формирование соответствующих навыков и умений его употребления и является одной из центральных задач обучения иностранному языку в любых типах учебных заведений.

На начальной стадии овладение иностранным языком многим видится трудным и неинтересным делом. Реальная потребность в знаниях и умениях у человека появляется во время его непосредственной практической деятельности. Поэтому в процессе обучения приходится конструировать модель реального общения, а иначе как можно организовать необходимую для иностранного языка тренировку в речевом взаимодействии, накопить необходимый опыт общения? В процессе моделирования общения приходится вникать в самую его суть – понять, благодаря чему оно возникает, от чего зависит его содержание, формы, тональность, какие механизмы им управляют, какими средствами оно пользуется, как совокупность этих факторов влияет на получаемый речевой продукт. Проникнуть в суть общения, особенно иноязычного, управлять им – очень сложная задача. Справиться с

ней помогает то общее, что имеется между деятельностью общения и деятельностью обучения, в частности, учения. Эта мысль хорошо выражена известным дидактом и специалистом в области преподавания иностранных языков В.М. Блиновым: «Суть обучения иностранному языку – это воссоздание (воспроизводство) социально обусловленного речевого опыта в системе «родная – неродная речь» через деятельность преподавания и учения» [3]. А отсюда и конечная цель обучения – умение использовать иностранный язык в реальной ситуации общения для достижения взаимопонимания коммуникантов. Совершенно очевидно, что независимо от степени владения языком знание отдельных элементов языка (отдельных слов, отдельных предложений, отдельных звуков) не может быть отнесено к понятию владения языком как средством общения.

Педагогический процесс, ориентированный на общение как цель обучения, может быть эффективным только при условии, что в качестве средства обучения также будет выступать общение. Уместно привести высказывание А.А. Леонтьева: «Хотелось бы верить, что недалеко время, когда на титульном листе учебников и учебных пособий будет стоять надпись не «Русский язык», «Французский язык» и так далее, а «Общение на русском

языке», «Общение на французском языке» [15].

Как показывает опыт, эффективным средством обучения иностранному языку на коммуникативной основе являются учебно-речевые ситуации.

Ситуативный подход рассматривается в современной методике как средство реализации коммуникативного принципа в обучении. В качестве способа моделирования актов общения в образовательном процессе рассматривается воспроизведение в трансформированном виде факторов, влияющих на речевое поведение. Когда студенты разговаривают, то, что они говорят, определяется совокупностью целого ряда условий, таких как мотив, лежащий в основе разговора, его цель, особенности партнера, обстановка речи, той деятельности, в которую включены участники разговора, и т.п. Воспроизводя эти условия в образовательном процессе с помощью учебно-речевых ситуаций, можно получить от студентов высказывания с заданными параметрами.

Такой способ получения высказывания гораздо совершеннее, чем широко распространенные пересказ, ответы на вопросы, изменение заданного готового текста и т.п., потому что он дает возможность обучающемуся самостоятельно определять содержание своего высказывания, то есть действовать так, как действуют люди в реальном общении.

Точно так же и при слушании речи или при чтении на фоне предложенной студентом учебно-речевой ситуации происходит формирование установки, облегчающей понимание, тогда отбор и переработка смыслового содержания осуществляется более целенаправленно. Языковой материал, употребляемый в связи с определенной ситуацией, запоминается в совокупности с ней, и последующее предъявление аналогичной ситуации

в реальном общении позволяет вызвать из памяти нужные языковые единицы.

Последовательная реализация ситуативного подхода в обучении требует пересмотра, реорганизации всего процесса формирования речевых действий, его целенаправленного подчинения представлению о желаемом результате обучения с первых же шагов знакомства с новым материалом.

Среди исследователей складывается глубокое убеждение в том, что «под ситуативным обучением следует понимать не единичное или какое-то однажды имевшее на занятиях место использование ситуаций, а определенное, являющееся неотъемлемой частью любой фазы учебного процесса звено в единой цепи системы занятий» [5,15].

Что должны знать и уметь сами преподаватели вузов для того, чтобы учебно-речевые ситуации в их руках стали действенным средством эффективного управления процессом формирования профессионально-значимых речевых умений? Прежде всего, они должны хорошо знать особенности той деятельности, которой они хотят научить, представлять себе ее структуру, движущие механизмы, единицы, из которых она складывается, факторы, от которых зависит успешность ее протекания, трудности, которые могут встретиться на пути овладения этой деятельностью.

Преподавателям необходимо овладеть закономерностями и приемами моделирования этой деятельности – способами естественного вовлечения студентов в деятельность общения, воспроизведения на учебных занятиях фрагментов этой деятельности с учетом своих планов, интересов и желаний студентов, их индивидуальных особенностей. Преподавателям необходимо знать, какие ситуации вызывают к жизни речевое действие,

а какие – предметное, какие ситуации лежат в основе развернутого речевого действия и какие можно реализовать с помощью отдельной реплики, какие речевые ситуации нужно принимать во внимание, когда планируешь образовательный процесс, и какие могут послужить эффективным стимулом для активизации речемыслительной деятельности на занятии.

Известно, что под единицей деятельности принято понимать ее минимальный отрезок, сохраняющий все структурные и смысловые характеристики этой деятельности. В качестве целостной коммуникативной единицы общения можно рассматривать только относительно законченный акт обмена мнениями в бесконечном процессе познавательной деятельности человека. Продуктом акта общения является речевая единица, обладающая указанными свойствами коммуникации, иначе говоря, текст, «в структуре которого реализуется прежде всего двусторонняя направленность речевого акта и смысловая завершенность в пределах определенного отрезка речевого общения» [13].

Под речевой (коммуникативной) ситуацией понимается ситуация общения, определяемая как «совокупность обстоятельств, вызывающая необходимость обращения к речи в целях воздействия одного человека на других людей в процессе деятельности» [11]. При рассмотрении фактора ситуативной и конситуативной обусловленности речи рекомендуют различать два самостоятельных значения термина «ситуация»: 1) реальная предметная обстановка речи, 2) общая обстановка речи [14].

В качестве базисных компонентов речевой ситуации предлагается рассматривать факторы, обеспечивающие необходимые условия возникновения и протекания акта общения [19].

Рассмотрим подробнее каждый из возможных компонентов речевой ситуации, выступающий в качестве детерминатора содержания и формы речевого сообщения.

1. Мотивационно-целевые компоненты речевых ситуаций, рассматриваемые как речевое побуждение (речевую потребность, интенцию, мотив и стимул). Говорящий может испытывать потребность или необходимость: информировать кого-либо о чем-либо; запросить информацию об интересующем его объекте, событии, лице, явлении; сформировать, изменить или укрепить чьи-либо взгляды или побуждения; создать определенные отношения между собеседниками или третьими лицами; стимулировать чье-либо действие, шаг, поступок; поставить, проанализировать или разрешить проблему посредством обсуждения и дискуссии; выразить свое отношение к какому-либо событию, явлению или чьим-либо словам, суждениям; ответить на какой-либо внешний раздражитель; поддерживать разговор в силу правил приличия; выполнять церемониально-ритуальный обряд; развлечь собеседника или компанию; «отвести душу», излить чувства, под «давлением» которых он находится в данное время; отвлечь свое внимание от каких-либо неприятных мыслей или эмоций посредством разговора с кем-либо; «убить время», появившееся в результате ожидания, паузы в какой-либо деятельности; скрыть свои чувства, намерения или мысли путем сознательного, неточного их формулирования либо перевода разговора в другое русло; поупражняться в речевой деятельности, преследуя различные учебные цели (развитие дикции, ораторского искусства, манеры говорить в различных ситуациях); отчитаться о своих знаниях по тому или иному учебному предмету. Из перечисленных выше

стимулов многие могут сыграть определенную роль при организации учебно-речевой деятельности на учебных занятиях.

2. Общий контекст деятельности. Коммуникативную деятельность рассматривают в связи с мотивами и целями той деятельности, которая явилась причиной возникновения коммуникации. По определению В. Харгунга: «Коммуникативная деятельность занимает свое специфическое место там, где другим людям должны быть сообщены результаты умственной деятельности и где речь идет о коллективном планировании и оценке предметно-практической деятельности, а также о регулировании ее непосредственного кооперативного выполнения» [20]. Развернутость речевого действия определяется тем, к какой фазе неречевого действия оно подключается – планированию, реализации, обсуждению результатов.

При доминировании неречевой деятельности в деятельностном акте речь бывает более краткой, носит характер одно-двушагового действия (например, осведомление и справка).

3. Компоненты речевых ситуаций, характеризующие субъектов речевого акта. Субъектов речевого общения характеризуют как личности и как членов общества. В число субъективных факторов, характеризующих коммуникантов, входят их установки, связанные с профессиональной принадлежностью, оценочной ориентацией, осведомленностью, заинтересованностью в предмете разговора. Во внимание нужно принимать также межличностные отношения коммуникантов: симметричность (несимметричность), равноправие (неравноправие). На характер речевого общения оказывает влияние та роль, которая предписывается индивиду данной ситуацией, или роль, в которой он включается в речевую ситуацию.

Среди социальных ролей выделяются профессиональные (должностные) и психологические, обозначаемые именами носителей обобщенных психологических характеристик (грамотный руководитель, интеллеktуал и др.). Предлагается также подразделение социальных ролей на служебные (руководитель, подчиненный, специалист и т.д.), житейские (сосед, гость, хозяин и т.п.), семейные (муж, жена, родитель, сын своих родителей, родственник и т.п.).

Межличностная роль определяется тем местом, которое человек занимает в системе межличностных отношений и вытекающими из этого правами и обязанностями. Это «то поведение, которое ожидается от меня другим человеком согласно установившихся между нами отношений» [7].

С учетом этих факторов отношения между участниками общения характеризуют так: равные – неравные; официальные (неблизкие) – неофициальные (близкие).

4. Обстоятельства действительности (обстановка), в которой осуществляется коммуникация. Обстановку рассматривают как фактор, влияющий на «сам факт возникновения коммуникативного акта и на его продолжительность, выбор темы для разговора и характер общения» [19]. Обстановку характеризуют по функциональному месту: учебные занятия, прохождение практики на производстве; по участию в коммуникации третьих лиц; по типу естественной среды, окружающей собеседников; по макроситуации (эпоха, общественно-политическая акция или кампания, социальные катаклизмы, стихийные бедствия и прочие события); по типу контакта (непосредственное – опосредованное, контактное – дистанционное) [19].

5. Тема (предмет) сообщения определяется как типизированное со-

держание речи в разных общественных сферах деятельности (бытовой, общественно-политической, научной, деловой и т.д.). Тема применительно к ситуации понимается конкретно-содержательно. Говорят о тематическом цикле, имея в виду «некоторые объединения типичных для данной речевой ситуации однородных конкретных тем сообщений». Указывается на связь темы, понимаемой в широком смысле, с употреблением определенного набора языковых средств [14].

Предмет речи в рамках определенной ситуации может обладать как субъективной, так и объективной значимостью для возбуждения разговора.

Субъективно-значимым является в данный момент то, что волнует участников общения, что непосредственно связано с их профессиональной, общественно-политической, семейной, интеллектуальной и культурно-досуговой сферами. Объективную значимость имеют темы, изначально допускающие различие мнений, оценок, отношений, предполагающие определенный выбор.

Типология учебно-речевых ситуаций хорошо описана Вайсбурд М.Л. [5]. Учебно-речевые ситуации (УРС) могут выполнять многогранные функции. Они выступают, прежде всего, как компонент изучаемого содержания образования, как форма организации обучения, как средство формирования профессионально-значимых речевых умений и др.

Учебно-речевая ситуация, моделируя отрезок действительности, типичный для определенной сферы общения, определяет тем самым предметно-деятельностный аспект учебного общения. Поэтому в методической литературе довольно часто учебно-речевые ситуации рассматриваются в качестве основного ядра, вокруг которого организуется учебный и другой необходимый материал. Это предло-

жение обосновывается следующим образом в работах Е.И.Пассова и его учеников: «Ситуация резко сужает выбор речевых единиц именно потому, что она – система отношений, которую человек в процессе решения оперативных задач структурирует соответственно цели, что и направляет его деятельность. Это упорядочивает отбор речевого материала для каждой ситуации...» [16]. «Поскольку содержательной стороной ситуации является объективная действительность и каждая функция воплощается в речевом материале, можно отобрать и организовать этот материал так, что он будет в определенных пределах обеспечивать программы говорящего» [16,17].

С указанной функцией УРС тесно связаны их функции в качестве средства планирования речевых умений и навыков. Успешность развития коммуникативной компетенции ставится в зависимость «от степени владения индивидом структурно-системными образованиями на разных уровнях языка и умением употреблять их в соответствующих ситуациях общения» [6]. Поэтому в требования к умениям нужно включать набор ситуаций, в которых должен уметь действовать обучаемый. К числу существенных функций УРС можно отнести также функцию контроля, которая, естественно, вытекает из использования УРС в качестве единицы планирования. Контроль осуществляется в учебном процессе путем «создания соответствующих учебных и естественных ситуаций, в которых проверяется коммуникативная адекватность владения иностранным языком» [13].

Общепедагогическая функция учебно-речевой ситуации состоит в том, что она раскрывает возможность формирования речевых умений путем решения речемыслительных задач. Задачи необходимы в том звене обу-

чения, где происходит формирование общих методов, образцов, которым можно следовать, выполняя множество действий и операций. Использование задач в обучении обеспечивает сознательный, а, значит, надежный и гибкий путь формирования профессионально-значимых речевых умений. Применение разных типов задач получает все более широкое распространение в обучении иностранному языку, так как оно отвечает деятельностной природе этого предмета.

В качестве первого условия развития речевого умения рассматривается наличие речемыслительной задачи. Под речемыслительной задачей понимается задача, требующая речевого поступка: при этом мыслительная деятельность, направленная на совершение этого поступка, должна быть подчинена ему. «Речемыслительные задачи не лишены проблемности, но проблемность эта лежит в сфере коммуникации, общения, а не в сфере познания» [17].

Процесс построения высказывания рассматривается в психологии как решение коммуникативной задачи, определяемой известной целью, данной в определенных условиях. Таким образом, задача понимается как некоторая ситуация, в которой что-то дано и что-то требуется получить. Учебно-речевая ситуация служит способом постановки учебной задачи коммуникативного типа. Учебно-речевая ситуация, предлагаемая студенту на занятии как коммуникативно-познавательная задача, создает благоприятные условия для самостоятельного и в то же время протекающего в рамках запланированного преподавателем участия в акте общения.

Назначение УРС состоит в том, чтобы формировать самостоятельность в определении содержания сообщения, в выборе средств его реализации, в придании творческого ха-

рактера учебно-речевой деятельности. Речетворчество понимается как свобода выбора способа совершения речевого поступка в пределах лексико-грамматических диапазонов ситуативного варьирования.

Решение этой задачи обеспечивается программирующей функцией УРС. Структурный состав УРС должен быть подобран таким образом, чтобы помочь обучаемому «найти предмет высказывания» [10], определить речевую форму, которую высказывание будет иметь – монолог или диалог, уточнить тип и вид монолога или диалога и выбрать лексические и грамматические единицы для воплощения своего замысла в текст, обусловить стратегию речевого поведения.

Задачи, характерные для речевой деятельности, как правило, сочетают в себе алгоритмический и эвристический поиск. Эту мысль очень удачно сформулировала Т.М.Дридзе: «Прибегая в общении к известным языковым средствам и общепринятым правилам их комбинаторики (т.е. языку), человек выступает как эпигон, создавая же тексты, человек всякий раз выступает в качестве новатора, реализующего творческую деятельность» [9].

Вторая важнейшая функция УРС на речевом этапе состоит в том, что она выступает в качестве стимула учебного общения, помогая обогатить мотивационное обеспечение образовательного процесса за счет добавления коммуникативной мотивации.

Суть стимулирования состоит в том, что в учебно-речевых ситуациях отражаются ситуации действительности, которые студент должен вообразить себе реальными и достаточно действенными для стимулирования высказывания. В этих условиях формируется потребность общения и обеспечиваются условия для удовлетворения этой потребности. Стимулы воздействуют на мысли и чувства сту-

дентов, происходит активизация этих мыслей и чувств, которая сопровождается актуализацией средств, необходимых для их выражения.

Перечисленные функции УРС связаны преимущественно с достижением практических целей учебного процесса по иностранному языку. Следующие функции охватывают общеобразовательное и воспитательное значение УРС. Воспитательное значение УРС состоит в том, что они помогают формировать студента как коммуниканта. Использование УРС помогает постижению грамоты общения, для чего требуется быть непосредственным и не бояться, что за непосредственность тебя накажут [7], научиться играть чужие роли, развивать в себе артистизм.

В психотерапии исполнение чужих ролей рассматривается как средство освободиться от скованности, быть самим собой. Исполнение ролей связано

и с «принятием роли другого» и это помогает проникнуть в его состояние, понять его, уметь наблюдать другого и видеть себя его глазами. Отождествление себя с персонажем, роль которого принимаешь, позволяет перенять и его положительные черты. Способность персонифицировать таит в себе жажду общения и сулит полноту общения – одну из важных радостей жизни» [8]. Исполнение социальной роли помогает сформировать нормы деятельности (ролевые предписания, ролевые ожидания). Роль должна способствовать гражданскому становлению, духовному и нравственному совершенствованию личности.

Таковы основные этапы становления речевого действия с использованием учебно-речевых ситуаций. Характер взаимодействия, которое они будут обеспечивать, можно рассмотреть только в рамках конкретного вида речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев В.И.* Педагогика творческого саморазвития (инновационный курс). – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1998. – 320 с.
2. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Просвещение, 1975. – 240 с.
3. *Блинов В. М.* Эффективность обучения. – М.: Педагогика, 1976. – 236 с.
4. *Божович Е.Д.* Развитие языковой компетенции школьников: Проблемы и подходы // Вопросы психологии. – 1997. – № 1. – С. 40–49.
5. *Вайсбурд М.Л.* Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. – М.: Титул, 2001. – 128 с.
6. *Гез Н.И.* Развитие коммуникативной компетенции в ситуациях ролевого обучения. Тезисы докл. // Материалы Всесоюзной научной конференции «Коммуникативные единицы языка». – М: МГПИИЯ им. М.Тореза. –1984.
7. *Добрович А. Б.* Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М., 1987. – 156 с.
8. *Добрович А.Б.* Общение: Наука и искусство. Изд. 2-е. – М., 1980.
9. *Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. – М., 1980. – 189 с.
10. *Зимняя И.А.* Психология слушания и говорения: Дис. ... докт. психол. наук – М., 1973. – 383 с.
11. *Изаренков Д. И.* Речевая ситуация. Функциональные типы речевого действия // Русский язык за рубежом. – 1974. – № 2.
12. *Кирсанов А.А., Иванов В.Г., Гурье Л.И.* и др. Методологические и методические основы профессионально-педагогической подготовки преподавателя высшей технической школы. Казань: Карпол, 1997. – 294 с.
13. *Колишанский Г. В.* Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностр. языки в школе. – 1985. – № 1.

14. *Ланидус Б.А.* Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе. – М., 1986.
15. *Леонтьев А.А.* Речь и общение // Иностр. языки в школе. – 1974. – № 6.
16. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М., 1989.
17. *Пассов Е.И.* Теоретические основы обучения иноязычному говорению. – Воронеж: ВГУ, 1983.
18. *Ратнер Ф.Л.* Дидактические концепции и современные тенденции развития творческих способностей студентов в научной деятельности за рубежом. Дисс. ... докт. пед. наук. – Казань, 1997. – 324 с.
19. *Скалкин В. Л.* Ситуация, тема и текст в лингвометодическом аспекте // Русский язык за рубежом. – 1983. – № 3.
20. *Скалкин В. Л.* Основы обучения устной иноязычной речи. – М., 1981.
21. *Хартунг В.* К вопросу о соотношении деятельности и речевой коммуникации // Общая и прикладная психолингвистика. – М., 1973.

Аннотация

Раскрывается роль и значение учебно-речевых ситуаций при обучении иностранному языку на коммуникативной основе. Ситуативный подход рассматривается как средство реализации коммуникативного принципа в обучении.

Ключевые слова: ситуативный подход в обучении иностранному языку на коммуникативной основе; учебно-речевые ситуации.

Summary

The paper reveals the role and importance of educational speech situations learning a foreign language in a communicative basis. Situational approach is regarded as a means of implementing the communicative principle in the learning.

Key words: situational approach in foreign language teaching on communicative basis; educational and speech situations.

УДК 37.013.42

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В США

Е.Н. Коновалова, кандидат педагогических наук

В настоящее время в структурах и механизмах системы социальных служб происходит утверждение приоритета семьи как основной сферы социальной работы. Это обусловлено пониманием того, что семья является одной из самых эффективных социальных сил, влияющих на становление личности, поведение человека в обществе. Огромный диапазон воспитательного воздействия и уникальность методов идеологического и психологического влияния семьи делают ее одним из мощных средств социального формирования и развития личности. Так, по словам Хартмана, «семья – это первичное агентство социальной помощи, удовлетворяющее социальные, образовательные, оздоровительные потребности своих членов»¹. В то же время семья – объект социальной политики воздействия со стороны государства, общества, различных социальных институтов. Она нуждается в разносторонней и многоплановой помощи общества.

Анализ англоязычной литературы по проблеме выявил наличие разнообразных, иногда противоречивых дефиниций современной семьи. Так, Бойтлер и Барр говорят о семье в терминах целого комплекса взаимодействий, взаимовлияний, опыта, норм и ценностей, передаваемых и усваиваемых в ней. Уэбстер определяет семью как «группу людей, связанных родством, браком, усыновлением, или же как группу лиц, происходящих от общих

предков»². Напротив, участники Конференции Белого дома по проблемам семьи исключают из семьи прауродителей и других родственников. Приведенные выше определения отражают возрастающую в обществе практическую необходимость в расширенной трактовке. В ряде обстоятельств оказывается возможным определить семью как «группу лиц, которые любят друг друга и заботятся друг о друге»³. Расширенная версия этой дефиниции подчеркивает связь двух или более лиц, соединенных взаимными ожиданиями эмоциональной и материальной поддержки, независимо от места проживания. Семья определяется по степени сходства семейного поведения, выражающего взаимную ответственность, заботу и интимность.

Определяя теоретические основы социальной работы с семьей, необходимо рассмотреть ее естественно-исторические функции. В современной американской литературе имеются противоречивые мнения в отношении функций семьи. В частности, специалист в области семейных отношений Долорес Каррен перечисляет пять функций, некогда присущих традиционной семье: «достижение экономического выживания, обеспечение защиты, передача религиозной веры, воспитание детей, обеспечение общественного положения»⁴. В своей книге «Черты здоровой семьи» она отмечает, что функции семьи, как и сам институт семьи, претерпели боль-

шие изменения и в «настоящее время имеет место тенденция к утрате семьей своих основных функций, перераспределение их между различными социальными институтами»⁴. Однако, несмотря на явные изменения семейных структур, большинство западных ученых придерживается мнения, что семейные взаимоотношения по глубине и эффективности своего воздействия на личность не могут сравниться ни с одним общественным воздействием. Таким образом, делается вывод о том, что функции современной семьи, каждую из них в отдельности, можно осуществлять и вне семьи. Но в совокупности они все реализуются в ней наилучшим образом. Функция семьи представляет собой сферу жизнедеятельности семьи, непосредственно связанную с удовлетворением потребностей ее членов. Функций семьи столько, сколько видов потребностей в устойчивой повторяющейся форме она удовлетворяет. Выполнение семьей ее функций имеет значение не только для ее членов, но и для общества в целом. Поэтому социальные государственные институты воспитания и защиты семьи должны учитывать важнейшие функции семьи. Применительно к единой семье единая типология функций еще не выработана. Однако почти все западные авторы подчеркивают то, что реализация семейных функций имеет значение не только для каждого человека в отдельности, но и для общества, т.е. функция как направление, цель деятельности семьи имеет два основных значения – личностное и социальное. К числу личностных функций семьи относят такие, как сексуальная, эмоциональная, нравственно-эстетическая, ценностно-ориентированная, религиозно-философская, эстетическая, оздоровительная, рекреационная. К числу социальных относятся функции экономическая, хозяйственно-быто-

вая, воспитательная, досуговая и коммуникативная. От выполнения семьей своих функций зависит успешное развитие и социализация ее членов.

Анализ англоязычной литературы по проблемам семьи показал, что в оценке семейного функционирования большинство ученых-теоретиков стоят на позициях системного подхода. Понимание семьи как системы позволяет распространить на нее следующие широко известные положения, относящиеся к функционированию системных объектов.

1. Семья обладает сложным внутренним строением, своей психологической структурой.

2. Семейная система как целое образует во включенных в нее индивидов «системные качества». Иначе говоря, семья как целое определяет некоторые свойства и особенности входящих в нее элементов.

3. Семейная система обладает свойством неаддитивности, т.е. не является суммой входящих в нее индивидов. Зная «все» об элементах системы, нельзя предсказать свойства целого.

4. Каждый элемент семейной системы влияет на другие элементы, и сам находится под их влиянием.

5. Семейная система обладает способностью к саморегуляции.

Системный подход предполагает изучение таких элементов семейной системы, как внешние и внутренние границы, структура власти, процесс принятия решений, семейные цели, роли, стиль общения, жизненный цикл.

Рассмотрим данные компоненты.

Внешние границы семейной системы. Будучи живыми системами, которые являются частью большей системы, семьи обязательно имеют взаимодействия с окружающей средой. Семьи различаются по степени, в которой они открыты взаимодействи-

ям с другими системами, и по гибкости их внешних границ. Под гибкостью подразумевается степень, в которой посторонним разрешено входить в семейную систему, членам семьи позволительно вступать во взаимодействия вне семьи, а также обмениваться информацией с окружающим миром. Согласно Кантору и Леру, существует три типа семейных систем: «закрытый, открытый и беспорядочный (смешанный)»⁵.

Закрытая семейная система характеризуется строгим управлением, которое ставит пределы взаимодействиям с внешним окружением и ограничивает приход и выход из системы людей, информации, идей. Типичные признаки закрытой системы – жесткий родительский контроль за информацией, идущей из средств массовой информации, тщательное изучение незнакомцев, надзор за прогулками, поездками, высокая изгородь, закрытые на замок двери.

Открытая семейная система характеризуется гибкостью семейных границ, расширяющих семейное пространство; индивидам предоставлена свобода регулировать свои приходы и выходы в той степени, в какой они не влияют на других членов семьи и не нарушают семейные нормы. Отличительные признаки – многочисленные гости, встречи с друзьями, участие в общественной деятельности, в делах общины, свободный обмен информации с минимальной цензурой.

Беспорядочная (смешанная) семейная система представляет собой конгломерат индивидуальных стилей, т.е. существует столько границ, сколько существует членов в семье.

Внутренние границы семейной системы.

Согласно Минучину, все семьи развивают ряд сосуществующих подсистем, формирующихся на основе пола, интересов, поколений или

функций, которые выполняются для сохранения жизнедеятельности семьи. Каждая подсистема может быть рассмотрена как естественная коалиция между задействованными в ней членами семьи. Выделяют супружескую, родительскую, сиблинговую (союз между братьями и сестрами) подсистемы. По словам Минучина, «формирование стабильного, ярко выраженного альянса между членами подсистем в действительности крайне необходимо для благополучия и здоровья семейной системы»⁶. Он определяет две крайние модели семьи: семьи с «размытыми» границами и семьи с ригидными (отсутствие гибкости) границами. Оценивая семьи по шкале – от гибкости до ригидности и хаоса, Г. Барнз выделяет:

1. Семьи с достаточной гибкостью взаимодействий и свободой проявления чувств, что позволяет развивать индивидуальную самостоятельность, включая несогласие и возникновение новых образцов взаимоотношений.

2. Семьи, в которых поддержание внешнего согласия имеет первостепенное значение, поэтому любые индивидуальные разногласия исключаются.

3. Семьи с хаотичными взаимодействиями, основанными на непрекращающихся спорах и ведущими к кризису, который не служит уроком на будущее.

Семьи первого типа могут стать клиентами социального работника, скорее всего, в критических, но естественных ситуациях, таких как несчастный случай, серьезное заболевание, физический или умственный дефекты, безвременная смерть, несчастье, вызванное внешними факторами, например временная бездомность. Эти же семьи могут проявить себя и в качестве помощников социального работника, например, взять на воспитание или усыновить ребенка, участвовать в

делах общины. Они в большей степени, чем другие, способны применить профессиональные знания, чтобы осознать временное состояние хаоса и избавиться от него.

Семьи второго типа становятся клиентами социального работника в случае психического заболевания одного из членов семьи; во многих случаях скрытого и отрицаемого проявления насилия, например, постоянного жестокого обращения с детьми. Реакция семей этого типа отличается неизменным внешним спокойствием, исключая любое проявление несогласия с существующим положением вещей.

Семьи третьего типа – хаотичные семьи. Кризисы, насилие, значительные отклонения от общепризнанных норм дают этим семьям ощущение жизни. Опасность, которую они представляют для уязвимых членов семьи, заключается в разрыве защитных связей и в неадекватных границах между поколениями. Они демонстрируют нарушение межпоколенного взаимодействия, и дети, будучи наиболее уязвимыми членами семьи, могут нуждаться в длительной защите.

С процессом формирования подсистем и коалиций в семье тесно связана *структура разделения власти*. Согласно системным идеям, все семьи развивают структуру власти, которая определяет относительное влияние, которое один член семьи оказывает на другого члена семьи внутри системы. Именно через эту структуру система способна поддерживать поведение индивида в допустимых пределах и обеспечить руководство с целью поддержания нормального функционирования семьи, тем самым доводя до максимума возможность сохранения группы. В отличие от подходов, которые рассматривают семью как единственную властную структуру – или муж, или жена принимают решения,

или участвуют совместно на равных правах, системный подход подразумевает существование в семье многочисленных властных структур, в которых члены семьи могут быть более или менее влиятельны в принятии тех или иных решений. В той мере, в которой дети способны влиять на принятие решений, они также могут быть частью структуры власти. Минучин указывает на существование в некоторых семьях «родительского ребенка», который в отсутствие родителей заботится о своих младших родственниках. По его словам, «если ребенок наделен некоторой властью, то семейная система может функционировать ровно, и ребенок сможет развивать ответственность, если нет – возникает третирование младших, подростковое непослушание»⁶. Изучение структуры власти в семье представляет для социального работника особый интерес в связи с тем, что оказывает существенное влияние на распределение функций в семье, выполнение семейных ролей, а также на вероятность конфликтов между супругами.

Следующий немаловажный компонент системы – *семейные цели*. Семья рассматривается как организация, в которой ее члены сотрудничают и согласовывают свои усилия для достижения целей. Согласно Бриару, семейные цели возникают из двух основных источников:

– цели, установленные обществом (социализация детей, присвоение определенных культурных норм, необходимых для поддержания общества, удовлетворение некоторых требований членов семьи);

– личные цели, которые брачные партнеры приносят в семью.

Цели могут быть явными и скрытыми. Как любая организация, семья функционирует лучше, если существует высокая степень согласия в отношении семейных целей и обеспечения

внутри системы обсуждения и принятия во внимание требований, целей и желаний каждого члена семьи.

Бриар отмечает, что «степень согласия, которую развивают члены семьи в отношении семейных целей, может быть решающим фактором в способности семьи справляться с кризисами»⁷. В этой связи исследование семейных взаимодействий необходимо проводить с учетом семейных целей.

В семейной системе каждый член семьи выполняет разнообразные *роли*, которые представляют собой определенное ожидаемое, разрешенное поведение. Ролевая структура характеризует систему взаимодействий и отношений членов семьи в соответствии с ролевыми предписаниями, основанными на традициях и обычаях данного общества, ближайшем социальном окружении и закреплённом в личном опыте индивида. Социальный работник должен учитывать данный компонент семейной системы, так как проблемы в функционировании семьи часто вызваны неопределенностью семейных ролей, неудовлетворенностью брачных партнеров семейными ролями.

Жизненный цикл представляет собой те этапы развития, через которые

проходит семья как система. Этап жизненного цикла – это категория, характеризующая динамику изменений, происходящих в семье от ее формирования до распада. Основываясь на фундаментальной работе Дюваль и др. теоретиков, Картер и Макголдрик предложили модель жизненного цикла семьи, включающую в целом трех-, четырехпоколенную систему. Она предполагает наличие «предсказуемых событий в жизни семьи (рождение, брак, выход на пенсию...) и непредсказуемых событий (развод, болезнь, смерть...)»⁸. Картер идентифицирует шесть этапов семейного развития, каждому из которых соответствуют определенные события, связанные с приходом и перемещением членов семьи во времени.

Итак, анализ зарубежных исследований показал, что, согласно системной теории, семья представляет собой систему, все члены которой влияют и испытывают влияние друг друга. Она имеет свои собственные свойства и управляется рядом скрытых правил, специфических ролей, структурой распределения власти и ответственности, своими собственными формами коммуникации и разрешения конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hartman A. Family Central Social Work Practice. – N.Y., 1994. – 254 p.

² Validity Study // J. Of Marriage and Family Therapy. – 1999. – № 12. – Pp. 34–35.

³ Footlick R. Redefining the Family // N.Y. Times. – 1989. – 22 Apr.

⁴ Curran D. Traits of a Healthy Family. – N.Y., 1993. – 280 p.

⁵ Kantor D., Lehr W. Inside the family: Toward a theory of family process. (1st ed). – San Francisco, Calif., 1985. – 148 p.

⁶ Minuchin S. Families and family therapy. – Cambridge, MA; Harvard University press, 1974. – Pp. 121–123.

⁷ Briar S. The family as an organization: An approach to family diagnosis and treatment// Social Service Review. – 1978. – № 3. – Pp. 247–255.

⁸ Carter B., McGoldric. The changing life cycle – A framework for family therapy (4th ed). – New York: Garden Press., 1998. – 346 p.

Аннотация

В статье рассматривается тема социально-педагогической работы с семьей в США. Проанализированы концептуальные идеи системного подхода в оценке семейного функционирования, рассмотрены основные функции семьи. Особое внимание уделяется таким компонентам семейной системы, как внешние и внутренние границы, структура власти, семейные цели, роли и жизненный цикл.

Ключевые слова: социальная работа, системный подход, жизненный цикл, семейное функционирование, внешние и внутренние границы семьи, структура власти, семейные цели.

Summary

This article discusses the problem of social and pedagogical work with family in the USA. The conceptual ideas of the systematic approach to the family functioning are analyzed; the main functions of the family are identified. Special attention is paid to such components of the family system as internal and external boundaries, structure of authority, family goals, roles and life cycle.

Key words: social work, system approach, life cycle, family functioning, internal and external boundaries, structure of authority, family goals.

УДК 80/81

РОЛЬ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А.А. Хафизова, кандидат филологических наук

В методике преподавания иностранного языка актуальное значение приобретает проблема сочетаемости и идиоматичности в языке и речи. Наиболее заметно она проявляется при передаче значения художественного или специального (научного) текста с иностранного языка на родной язык.

Явление идиоматичности, по мнению Н.К. Рябцевой, многообразно и проявляется в особых характеристиках использования языка: это «стандартность», приемлемость, нормированность, понятность, доходчивость, а также своеобразие, стилистическая маркированность, лингвоспецифичность и т.п. [Рябцева, 2013: 89].

Главной особенностью межъязыковой коммуникации является ее асимметрия, т.е. отсутствие однозначных межъязыковых соответствий. Причем асимметрия межъязыковых соответствий проявляется не только на уровне словаря (когда не совпадает объем и количество значений у словарных межъязыковых соответствий), но и на уровне семантики, прагматики и стилистики. Все названные лингвистические особенности тесно связаны между собой, т.к. способны охарактеризовать не только сущность языка, но и определить специфику перевода.

Стилистически маркированная лексика является одним из активных эмоционально-экспрессивных средств воздействия на читателя. Особый интерес и определенные трудности вызывает перевод стилистически ок-

рашенной лексики в силу своей национальной специфичности, семантического богатства, принадлежности к определенному стилю, эмоциональной насыщенности, поэтому изучение способов перевода стилистически маркированной лексики имеет большое практическое значение, в том числе при обучении иностранному языку.

Современная и классическая художественная литература содержит значительное число стилистически маркированных лексических и фразеологических единиц. Среди них можно выделить разговорные единицы, соответствующие литературной норме, и единицы, характеризующиеся различной степенью отклонения от нормы. Изучение переводного текста в данном случае помогает не только лучше понять содержание оригинала, но и через призму родного языка определить семантико-стилистические особенности иноязычного текста и установить уровень нормы, которая в разных языковых традициях различна и исторически подвижна.

В художественном тексте отклонения от литературной нормы (просторечие, диалекты, аргументы, жаргоны, сленг, профессиональные языки) используются авторами в различных целях: в качестве основного языкового средства – строительного материала для произведения в целом, для речевой характеристики персонажей, а также как отдельные вкрапления – для колорита [Влахов, Флорин, 2012: 283].

Рассмотрим на примере произведений британского писателя С. Моэма и их переводов на русский язык, как межъязыковая асимметрия проявляется на стилистическом уровне. Предметом исследования определим разговорную и стилистически сниженную лексику в произведениях С. Моэма и их переводах на русский язык.

Разговорно-окрашенная лексика характеризует сферу своего употребления как обиходно-бытовую [Кожина, 2006: 454]; она состоит из разнородных с точки зрения стилистической окрашенности элементов, характеризующихся разной степенью сниженности.

Язык С. Моэма, писателя-интеллектуала, в целом, отличается высокой степенью книжности, возвышенности стиля. Но в то же время английский писатель умело использует разговорную речь, местами даже фамильярную, и именно это сочетание разговорности и книжности придает языку С. Моэма его специфичность и своеобразие. Разговорный характер языка С. Моэма обнаруживается в словарном составе и фразеологических средствах его произведений. Здесь обращают на себя внимание слова и выражения разговорного, фамильярного, а иногда – и грубоватого, вульгарного стиля, намеренно и сознательно противопоставляемые писателем гладкому и стандартному словарю литературного языка.

Так, в произведениях С. Моэма встречаются следующие лексические и фразеологические единицы, которые в лексикографических источниках отмечены пометой «разговорное»: *poor lamb* – бедный ягненок, *old boy* – дружище, старина, *quid* – один фунт мелкими монетами, *you brute* – грубиян, негодяй, *silly ass* – глупый осел, *old fogey* – старый хрыч, *pigsty* – свинарник, хлев, *old hag* – старая карга, *you rotten bitch* – ах ты, дрянь,

the damned fool – чертов дурак, *you old cow* – старая корова, *vulgar little beast* – вульгарная скотина, *the dirty skunk* – паршивая дрянь, *you bloody swine* – свинья чертова, *a fat lot* – куда как много, *хоть отбавляй*, *to take an audience by the throat* – брать публику за горло, *to fork out* – раскошелиться, *to queer smb.'s pitch* – насолить, сделать пакость кому-л., *(get down) to brass tacks* – докопаться до сути дела, *before you could say knife* – и ахнуть не успеешь, *to roll in money* – купаться в золоте, *go to hell* – иди к черту, *as pleased as Punch* – очень доволен, рад-радешенек, *от души рад*, *(as) clever as paint* – умен как черт, *(as) like as two peas (in a pod)* – похожи как две капли воды, *one's cup of tea* – то, что нравится, *(as) different as chalk and cheese* – совершенно не похожи, *ничего общего*, *to lead smb. a dance* – водить кого-л. за нос, *морочить кому-л. голову* и др.

Как видим, лексические и фразеологические единицы принадлежат к разным тематическим полям. Среди них имеются единицы, выражающие физическое и психическое состояние человека, его настроение, действия, характер, интеллектуальные способности, а также слова и выражения, характеризующие внешность человека, его поведение, материальное положение и другие.

Лексика разговорно-сниженного стиля обнаруживается как в речи автора, так и в речи персонажей. В речи персонажей разговорно-сниженная лексика используется для их социальной и психологической характеристики, показа их эмоционального состояния, отношения субъекта к адресату, создания необходимой атмосферы повествования, определения социальной принадлежности индивида.

1) **You bloody swine, how dare you talk to me like that? It's you the ham** (Джулия Майклу, «Theatre»).

Скотина, как ты смеешь так говорить со мной? Сам ты бездарность («Театр» пер. М. Ермашевой).

Свинья чертова! Как ты смеешь так со мной говорить?! Сам ты бездарь! («Театр» пер. Г. Островской).

2) «*Hold your bloody tongue*», she said («Up at the Villa»).

– *Придержите ваш чертов язык, – фыркнула Мэри* («На вилле», пер. В. Вебера).

– *Придержи свой болтливый язык, – попросила она* («Наверху, в вилле», пер. Р. Хуснуллиной).

Писатель использует слова из разных пластов лексики в зависимости от тематики произведений и характеристики персонажей: из речи отдельных профессиональных групп (*a star part* – роль для ведущей актрисы, *a call-boy* – мальчик, приглашающий актеров на сцену, *a stage-hand* – рабочий сцены, *a stage-manager* – режиссер, *a publicity man* – рекламный агент, *to be out of uniform* – снять военную форму), из специальной научной и технической терминологии (*to operate* – оперировать, *to dissect* – делать вскрытия, *to put the clutch in reverse* – включить заднюю передачу, *to cultivate* – развивать, культивировать), слова из местных, территориальных говоров, в частности, диалекта кокни (*feller* вместо *fellow*, *'ave* вместо *have*, *me* вместо *my*, *'e* вместо *he*, *me 'ealth* вместо *my health*, *you ain't got no future, don't it* вместо *you haven't got any future, have you*). Отдельные вкрапления из латинского и французского языков также получают определенное эстетическое задание в прозе С.Моэма. Они характеризуют либо говорящего, либо обстановку действия, либо отношение автора или повествователя к тому, о чем он рассказывает. При этом, так или иначе, элементы из разных пластов языка всегда контрастируют с основной массой слов общелитературных, лишенных специфической окраски.

Элементы разговорной речи обнаруживаются не только в речи персонажей, но и в речи автора. В авторской речи произведений С.Моэма разговорно-сниженные элементы крайне редки, тогда как фразеологические единицы, а также отдельные лексические единицы с пометой «разговорное» наличествуют.

1) *She almost wished he wasn't going tomorrow so that she could have the pleasure of turning him bag and baggage* («Theatre»).

Она чуть ли не жалела, что завтра он уезжает, и она будет лишена удовольствия выгнать его («Театр», пер. М.Ермашевой).

Жаль, что он уезжает завтра сам. С каким удовольствием она выставила бы его за дверь со всеми его пожитками («Театр», пер. Г.Островской).

2) *To tell you the truth authors don't hobnob with kings and queens as a general rule* («The Razor's Edge»).

Да потому что писатели, как правило, не водят дружбу с королями и королевами («Острие бритвы», пер. М.Лорие).

В анализируемых текстах выявлены многочисленные случаи соединения нелитературных, ненормированных элементов просторечия (*bloody fool, old hag, like a piece of cheese, to hell, the skunk, shut up, to pitch into, damned fool, what the devil, the slut, blast his eyes*) с элементами современного профессионально-обиходного словоупотребления, т.е. «нового» просторечия – в его экспрессивной функции по отношению к литературной норме.

Как показывает материал исследования, стремление перевести все семантические оттенки слов вызывает определенные переводческие проблемы. Они возникают в связи с каждым из трех основных макрокомпонентов семантики слова, играющим немало-

важную роль при переводе – денотативного, коннотативного аспектов и внутриязыкового значения.

Рассмотрим способы перевода разговорных лексических единиц на русский язык.

«*Oh, my pet, don't talk such nonsense*» («Theatre»).

«*Голубчик, что за вздор!*» («Театр», пер. М.Ермашевой).

«*Полно, малыш, не болтай чепуху!*» («Театр», пер. Г.Островской).

Как видим, оба варианта перевода на русский язык передают стилистические характеристики слова *pet*. В процессе перевода сохраняется сема «ласкательности». Заметим, что английское *pet* содержит сему «любимый» (ср. *pet* – attr. любимый) и не содержит сему «маленький», которая появляется в русском переводе (ср. *малыш*). В другом переводе появляется сема фамильярности (ср. *голубчик*), которой нет у английского *pet*. Отметим также, что если слово *pet* часто употребляется в английской речи, то русское *голубчик* употребляется в современном русском языке достаточно редко. Кроме того, стилистическая окраска разговорности и непринужденности усиливается в русских переводах за счет употребления слов *чепуха* и *вздор* в контексте фразы, которые также сопровождаются в лексикографических источниках пометой «разговорное». Английское же слово *nonsense* (вздор, ерунда, чепуха, бессмыслица) – стилистически нейтрально.

Приведем пример стилистической нейтрализации, когда стилистический компонент оказывается не воспроизведенным в переводе.

Выражение «*Dirty, little bitch*» (досл. «грязная, маленькая сука») является примером грубо-просторечного элемента английского языка. Так, существительное *bitch* – сука, в Oxford Advanced Learner's Dictionary (далее – OALD) дается с пометой «сленг»,

«неодобрительное», а в англо-русских словарях (под ред. В.К.Мюллера и под ред. Е.А.М. Уилсона) с пометой «грубое». OALD определяет существительное *bitch* как «an offensive way of referring to a woman especially an unpleasant one» (оскорбительное обращение к женщине, особенно неприятной). Резко отрицательный оттенок данного обращения усиливается за счет контекстуального окружения (оттенок оскорбления).

В первом случае словосочетание оригинала переведено так: «**Гадкая ты девчонка**» (пер. М. Ермашевой). Существительное *девчонка*, т.е. ребенок или подросток женского пола имеет помету «разговорное» (БТС РЯ). При переводе сохранена сема «гадкий», сема «маленький» реализована посредством существительного «девчонка». Этот вариант перевода является менее стилистически сниженным, чем предложение оригинала.

Во втором случае представлен перевод «**Маленькая чертовка**» (пер. Г. Островской). В БТС РЯ лексема *чертовка* выделена пометой «народно-разговорное», это слово употребляется для негативной характеристики кого-либо. В данном переводе также сохранена сема «маленький», а употребление народно-разговорного слова *чертовка* создает достаточно яркий образ, привычный и знакомый русскому читателю. Хотя сема «гадкий» явно не выражена, можно предположить, что переводчик частично перенес это значение на отрицательный образ, который ассоциируется у русского читателя со словом «черт», а, следовательно, и его производным «чертовка».

Рассмотрим особенности перевода фразеологических единиц на русский язык. Под фразеологической единицей (далее – ФЕ) понимается устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным зна-

чением. Следуя классификации Е.Ф. Арсентьевой, мы выделяем следующие типы межъязыковых отношений:

1. Фразеологические эквиваленты (полные и частичные).

2. Фразеологические аналоги (полные и частичные).

3. Безэквивалентные фразеологические единицы.

Примерами полных эквивалентов могут служить следующие ФЕ из произведений С. Моэма и текстов их переводов: *as poor as a church mouse* – беден как церковная мышь, *to hold one's head high* – высоко держать голову. Так, ФЕ *to hold one's head high* равнозначна ФЕ перевода *высоко держать голову*. Оба фразеологизма относятся к межстилевым единицам, построены на одинаковом образе (совпадает эмоционально-экспрессивная коннотация), одинаков их компонентный состав.

К частичным эквивалентам могут быть отнесены следующие ФЕ: *to roll in money* – купаться в золоте, *as thin as a rail* – худой как щетка, *skin and bone* (нейтр.) – кожа да кости (разг.). Названные ФЕ в тексте перевода отличаются от ФЕ оригинала только одним компонентом смежной семантики при тождестве значения, коннотации, структурно-грамматической организации.

Наиболее широко в нашем материале представлены фразеологические аналоги. По степени совпадения или различия межъязыковых фразеологических аналогов выделяются полные и частичные аналоги. Среди полных аналогов выделяются несколько подтипов.

1. Фразеологические аналоги с приблизительным сходством структурно-грамматической организации и одной одинаковой лексемой в компонентном составе: *to rise with the lark* (нейтр.) – вставать с петухами (разг.) – вставать чуть свет (разг.);

2. Самой многочисленной среди аналогов является группа ФЕ с приблизительным сходством структурно-грамматической организации и разным компонентным составом: *a little bird told me* – сорока на хвосте принесла; «*I'd just laugh my head off*» – «Я умерла бы со смеху» – «Я бы смеялась до упаду».

3. Третью группу аналогов составляют ФЕ с разной структурно-грамматической организацией и разным компонентным составом: *to do one's damndest* – из кожи вон лезть, *to scare sb. out of his wits* – до смерти напуган.

Безэквивалентными фразеологизмами считаются ФЕ, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка. При переводе таких фразеологизмов с одного языка на другой используются следующие способы: калькирование, дескриптивный (описательный) перевод, лексический перевод.

«*Darling you'll make me as vain as a peacock*» («Theatre»).

«Любимая, я стану тщеславен, как павлин» («Театр», пер. Г. Островской).

В данном случае переводчик использует прием калькирования, который, по утверждению В.Н. Комиссарова, наиболее эффективно применим для передачи образных ФЕ, особенно если образная основа актуализируется, обыгрывается в контексте [*Комиссаров, 1990*].

Описательный перевод сводится, как известно, не к переводу фразеологизма, а к его толкованию. К данной группе можно отнести следующие соответствия:

1) «*Bricks without straw; that's what we actors are expected to make nowadays*» («Theatre»).

«От нас ожидают, что мы построим здание, но где кирпичи» («Театр», пер. Г. Островской).

2) «*I didn't much like the thought of that and not being a person to beat about*

the bush I asked outright» («The Razor's Edge»).

«Мысль была не из приятных, и, поскольку я не люблю обиняков, я прямо спросил его» («Острие бритвы», пер. М. Лорие).

Лексический способ перевода, как отмечается в литературе, используется при переводе ФЕ языка-источника, имеющих семантическое соответствие в языке-рецепторе в виде отдельной лексемы (монологемы) или набора отдельных лексем [Арсентьева, 2006]. Фразеологическое значение, как правило, всегда шире и многограннее значения одного слова, поэтому лексический перевод неизбежно ведет к потерям, наиболее часто к утрате коннотативных компонентов семантики фразеологизма, что можно проследить на следующем примере.

«It's a hundred to one it wasn't Walter» («The Painted Veil»). (*a hundred to one* – разг. сто против одного, маловероятно [АРФС под ред. А.В. Кунина]).

«Ручаюсь, что это был не Уолтер» («Узорный покров», пер. М. Лорие).

Анализ языка произведений С.Мозма позволил выявить, что в прозаических текстах встречаются лексические и фразеологические элементы различной стилевой окраски. Сравнение английских источников с русскими переводами показало, что отклонения от литературной нормы, как правило, находят свое отражение в переводе. Отклонения от литературной нормы социального типа (просторечие, вульгаризмы) передаются обычно средствами сниженного

стиля. При переводе диалектизмов также используются разговорно-сниженные элементы переводного языка. Так, при грамматических и фонетических отклонениях от литературной нормы в переводах на русский язык используется прием компенсации на лексическом и фразеологическом уровнях.

В переводах произведений С.Мозма на русский язык отразились лингвокультурологические особенности языка. Частотность одних и тех же слов в английском оригинале и в русских вторичных текстах не совпадает. В переводах выявлено преобладание переводных аналогов (по сравнению с эквивалентами). Кроме того, в силу специфичности исследуемого материала, а именно наличия значительного количества разговорных и разговорно-сниженных элементов, которые характеризуются высокой степенью эмоциональности и экспрессивности, использование переводных аналогов обеспечивает адекватность перевода.

Итак, использование переводных текстов в сопоставительном аспекте в процессе обучения иностранному языку, при подготовке спецкурсов и семинаров по стилистике, в практике переводоведения позволяет наглядно продемонстрировать лингвокультурологические особенности языков, определить характер действий переводчика, а также выяснить, как преодолеваются типичные трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, и обнаружить лакунарные элементы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Издательство Казанского университета, 2006. – 172 с.

2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М.: «Р.Валент», 2012. – 406 с.

3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода: лингвистические аспекты. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
4. *Рябцева Н.К.* Прикладные проблемы переводоведения: Лингвистический аспект / Н.К. Рябцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 224 с.
5. *Кожина М.Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с. [СЭСРЯ].
6. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2006. – 1536 с. [БТС РЯ].
7. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 501, [11] с. [АРФС].
8. *Мюллер В.К.* Англо-русский словарь / В.К. Мюллер. – М.: «Советская энциклопедия», 1964. – 1192 с. [АРС].
9. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – xii, 1780 p., R 119 [OALD].
10. *Моэм У. Сомерсет.* Наверху, в вилле: Роман / Пер. с англ. Р. Хуснуллиной. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – 120 с.
11. *Моэм С.* На вилле: роман / С. Моэм; пер. с англ. В. Вебера. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 155 с.
12. *Моэм У. Сомерсет* Театр / Пер. с англ. М. Ермашевой // Современная английская новелла. – М.: Прогресс, 1969. – С. 272–370.
13. *Моэм С. Театр* / Пер. с англ. Г. Островской // Моэм С. Театр: роман. Рассказы. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007. – С. 7–286.
14. *Моэм С.* Луна и грош. Острие бритвы: романы: [пер. с англ.] / С. Моэм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. – 637 [3] с.
15. *Моэм С.* Узорный покров: роман / С. Моэм; пер. с англ. М. Лорие. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 285, [3] с.
16. *Maugham W.* Somerset. Theatre / W. Somerset Maugham. – М.: «Менеджер», 2000. – 304 с.
17. *Maugham W.* Somerset. The Painted Veil / W. Somerset Maugham. – М.: «Менеджер», 2000. – 272 с.
18. *Maugham W.* Somerset. The Razor's Edge / W. Somerset Maugham. – М.: «Менеджер», 1999. – 320 с.
19. *Maugham W.* Somerset. «Up at the Villa», Steinbeck J. «The Pearl» / W. Somerset Maugham, J. Steinbeck. – Moscow: Jupiter-Inter, 2004. – 195 p.

Аннотация

В статье рассматривается проблема сочетаемости и идиоматичности в языке и речи в процессе перевода художественных и специальных (научных) текстов с иностранного языка на родной язык. Особое внимание уделено межъязыковой асимметрии, проявляющейся на стилистическом уровне.

Ключевые слова: идиоматичность, разговорная лексика, стилистическая маркированность, фразеологическая единица.

Summary

The article discusses the problem of combinability and idiomaticity in the language and speech arousing during translation of literary and special (scientific) texts from foreign language into native language. Special attention is paid to interlinguistic asymmetry that functions on the stylistic level.

Key words: idiomaticity, colloquial vocabulary, stylistic markedness, phraseological unit.

УДК 378.046.4

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ТРУДНОСТИ

Т.С. Казымова, аспирант КГАСУ

На современном этапе развития общества актуальность владения иностранным языком становится все более очевидной. Это связано с множеством факторов и затрагивает различные сферы человеческой деятельности. Одной из основных причин увеличения интереса к изучению иностранного языка стало развитие туристической отрасли. Все большее количество людей предпочитают отдых за границей, где необходимость владения хотя бы минимальным уровнем иностранного языка является залогом комфортного пребывания. Также важен иностранный язык и для деловых людей. Как крупные, так и мелкие компании зачастую налаживают связи с международными партнерами, где в ходе переговоров используется иностранный язык. Актуальность иностранного языка для студентов заключается в возможности принимать участие в грантах и международных конкурсах, что способствует улучшению их профессиональных навыков, а также повышает конкурентоспособность на рынке труда.

Для всех вышеперечисленных категорий владение иностранным языком представляет определенное значение, однако более детально мы бы хотели рассмотреть важность владения иностранным языком для преподавателей ВУЗов.

Преподаватель ВУЗа, как и любой другой специалист в своей области, сфокусирован в основном на том, что

входит в сферу его профессиональных интересов, и достаточно часто иностранный язык для преподавателя или научного сотрудника большого интереса не представляет. Однако, в связи с глобализацией образования, осознание значимости владения иностранным языком для данной профессиональной категории представляет первостепенную важность.

Итак, почему же важно формирование иноязычной компетенции у преподавателей ВУЗов?

В первую очередь, необходима публикация статей в международных сборниках и журналах. Размещение статей в иностранных научных журналах, а также журналах, входящих в перечень Scopus и Web of Science. Кто, если не автор, лучше всего сможет донести основную идею научной работы, как на родном, так и на иностранном языке. Либо, если все же услуги переводчика при письменном оформлении работы необходимы, знание языка требуется при очном участии в международных конференциях и других мероприятиях, для обмена опытом с другими учеными; уверенное владение иностранным языком позволяет чувствовать себя комфортно и увлечь аудиторию своим докладом.

Затем, у преподавателей, как и у студентов, есть возможность участвовать в грантах. Для преподавателей это даже более актуально, так как позволяет расширить профессиональный

кругозор и обменяться опытом с зарубежными коллегами.

Еще одной немаловажной возможностью использования иностранного языка преподавателями является участие в мастер-классах и тренингах, организуемых иностранными специалистами. Ведь восприятие информации из первоисточника является более продуктивным и способствует дальнейшему развитию коммуникации аудитории с докладчиком и наоборот. Таким образом, может повышаться уровень профессиональной подготовки преподавателя, его социально-профессиональная активность.

И, наконец, есть еще одна набирающая популярность причина – преподавание дисциплины на иностранном языке. Если преподаватель может обучать своему предмету не только на родном, но и на иностранном языке, то он, во-первых, становится более конкурентоспособным на рынке труда. Во-вторых, может принимать участие в различных международных проектах университетов: того, где он работает (например, проект двойных дипломов КГАСУ-УВЛ), и на международном уровне – чтение лекций в зарубежных ВУЗах.

Таким образом, выявив мотивацию формирования и совершенствования иноязычной компетенции у преподавателей ВУЗов, можно сделать вывод, что современному преподавателю необходимо уверенно владеть не только своей дисциплиной и всеми связанными с ней аспектами, но и иностранным языком для успешного осуществления коммуникации, как на бытовом, так и на профессиональном уровне.

Актуальность владения иностранным языком на современном этапе развития общества не вызывает сомнений.

Однако существуют некоторые сложности, которые могут возникнуть в процессе обучения.

1. Прежде всего, следует рассмотреть социальный статус обучающегося, а именно «преподаватель ВУЗа». Чаще всего это специалист, имеющий ученую степень кандидата наук, осуществляющий лекционные или практические занятия со студентами. т.е. это человек, который привык быть ведущим, а не ведомым. Именно поэтому могут возникнуть сложности при восприятии новой информации. Для преподавателя может оказаться сложной смена ролей, когда он сам становится студентом. В таком случае обучающему необходимо создать на занятии атмосферу сотрудничества и взаимодействия, когда обучаемый может и хочет использовать средства иностранного языка.

2. Взрослый человек, а в особенности преподаватель, практически утрачивает способность к имитации. Это значит, что для него является проблематичным воспринимать на веру те или иные явления языка, как фонетические, так и грамматические. Поэтому вся информация должна быть аргументирована, обоснована и отработана на практике.

3. Следующая особенность в подходе к обучению взрослых людей вытекает из предыдущей. Потеряв способность правильно имитировать, взрослый может начать пользоваться новыми знаниями, только будучи на сто процентов уверенным, что он не делает ошибок – правильно произносит английские звуки, правильно употребляет слова во фразах, правильно интонирует свою речь, твердо знает значение слов, правильно понимает устную и письменную речь других.

4. Наличие определенного опыта, как языкового, так и жизненного, также влияет на освоение иностранного языка. При наличии отрицательной практики при обучении в школе или ВУЗе может возникнуть подсозна-

тельное нежелание воспринимать иностранный язык, даже при наличии сильной мотивации. Чтобы преодолеть это нежелание, необходимо создать атмосферу, отличную от традиционной школьно-вузовской. Использование современных методик и технологий позволяет разнообразить и модернизировать учебный процесс.

5. Еще одной проблемой является нехватка времени. Эта сложность не связана с процессом обучения как таковым, но непосредственно на него влияет. Преподавателю, загруженному работой, может быть достаточно сложно выделить время для занятий иностранным языком. И даже если он найдет время для посещения аудиторных занятий, то на самостоятельную работу времени вряд ли будет достаточно. Для решения этой проблемы можно постараться использовать иностранный язык в бытовых и деловых ситуациях. Например, писать список дел на день на иностранном языке.

Список перечисленных выше сложностей, естественно, не полон, мы рассмотрели только некоторые из них, являющиеся наиболее актуальными. Остальные варьируются в зависимости от личности обучаемого.

Также мы должны принимать во внимание, что образование взрослых вообще и обучение преподавателей должно быть основано на следующих принципах:

- оно должно быть основано на нуждах участников, а также использовать их различный опыт в развитии образования взрослых; при этом наиболее нуждающимся группам должен быть предоставлен высший приоритет в рамках коллективного совершенствования;

- оно должно полагаться на способность и стремление людей прогрессировать (развиваться) в течение

всей жизни, как с точки зрения профессионального роста, так и в социальной деятельности;

- оно должно пробуждать интерес к чтению и развитию культурного стремления;

- оно должно стимулировать постоянный интерес взрослых учащихся, соответствовать их жизненному опыту, укреплять их уверенность в себе и способствовать их активному участию во всех стадиях образовательного процесса, в который они вовлечены;

- оно должно быть адаптировано к современным условиям повседневной жизни и работы и принимать во внимание личностные характеристики взрослых учащихся, их возраст, семейное, социальное, жилищное положение, а также то, как все эти аспекты взаимосвязаны;

- оно должно способствовать участию отдельных лиц, групп и сообществ в процессе принятия решений на всех уровнях процесса обучения, включая определение потребностей, развитие учебного плана, выполнение и оценку программы; оно также должно планировать образовательные действия с учетом изменения карьерных и бытовых факторов жизни взрослого человека;

- оно должно иметь гибкую организационную структуру, принимающую во внимание социальные, культурные, экономические и институциональные факторы каждой страны и общества, к которым взрослые учащиеся принадлежат;

- оно должно вносить вклад в экономическое и социальное развитие всего общества.

Вывод, который можно сделать исходя из вышеизложенного: сложности существуют, но большинство из них преодолимо при использовании верного подхода к обучению и правильной мотивации обучаемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jarvis, P.* Adult Education and Lifelong Learning: Theory and Practice. – London; New York, NY: Routledge Falmer, 2004.

2. *Rogers, A.* Teaching Adults.– Buckingham and Philadelphia: Open University Press, 3rd ed. 2002.

Аннотация

Формирование иноязычной компетенции взрослых является на сегодняшний день достаточно актуальным вопросом. В данной статье рассматриваются актуальность, а также сложности, возникающие при освоении иностранного языка преподавателями вузов.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, преподаватели вузов, образование взрослых, образовательный процесс.

Summary

Today formation of adult foreign language communicative competence is a topical issue. This article discusses the relevance and complexity that arise in the learning of foreign language by the university teachers.

Key words: foreign languages communicative competence, university teachers, adults' education, educational process.

УДК 347.963

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЕСТЬ!..

(дело Ходоса А.М.)

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент АН РТ*

Могут ли прокурора посадить за плохое исполнение своих служебных обязанностей?! Многие, наверное, скажут – нет. Мол, ущерба, вреда ведь вроде нет. Но бывают случаи, когда в результате ненадлежащего прокурорского надзора (как правило – его отсутствия) грубо нарушаются права граждан – арестовываются и осуждаются невинные, то есть те, кто не совершал преступления. Они сидят в неволе годами. А если кого-то по ошибке расстреляли? Куда же смотрел прокурор? Он ведь мог остановить беззаконие, пресечь произвол. Но он этого не сделал, значит, он совершил преступление! Такое преступление совершил и прокурор отдела прокуратуры Татарской АССР А.М. Ходос. Расскажем об этом деле более подробно.

Ходос Арон Мордухович родился в 1917 году в Минске в семье рабочего-красильщика. В 1934 году окончил 8 классов школы и поступил на работу в электропром – электромонтером-учеником. Проработал здесь до 1937 года, затем перешел электромонтером в медицинский институт, одновременно учился в вечерней рабочей школе для взрослых. Член ВЛКСМ с 1938 года. Окончив школу в 1939 году, Ходос поступил в Минский юридический институт, был отличником и, согласно постановлению СНК СССР, получал стипендию. Окончил два курса, учился хорошо, в весеннюю сессию

1941 года по всем предметам получил отличные оценки, по немецкому языку – хорошо.

Началась война. 24 июня 1941 года, дом, в котором проживала семья Ходосов, был уничтожен. Мать Ходоса погибла в Минске. Потеряв во время эвакуации жену с ребенком, он оказался в Казани. Здесь у него никого не было – ни знакомых, ни родных.

29 августа 1941 года Ходос обратился к директору Казанского юридического института с заявлением о зачислении его студентом 3 курса, а также попросил предоставить место для жительства. В анкете при поступлении в институт он указал, что имеет профессию и специальность рабочего-электромонтера, выполнял также и профсоюзную работу. По приказу директора Ходос был зачислен студентом Казанского юридического института.

В заявлении от 1 октября 1941 года на имя директора института Горбачева Ходос просил зачислить его на стипендию и освободить от платы за обучение за неимением материальных средств, указывая при этом, что его отец, химик-технолог красильного комбината, с 23 июня 1942 года находится в действующей армии.

Слова Ходоса (что он был в Минске отличником и получал государственную стипендию) подтвердил бывший ассистент Минского юридического института, а ныне помощник

прокурора Агрызского района Резник. Директор института Горбачев удовлетворил просьбу Ходоса и включил его в список на получение стипендии.

Впоследствии семья Ходоса нашла и тоже переехала в Казань. Ходос учился в юридическом институте и одновременно работал монтером в гарнизонно-жилищной части Казанского гарнизона. Практику он проходил в июне 1942 года в нарсуде 1 участка Бауманского района города Казани.

Ходос окончил институт в августе 1942 года, с оценками «отлично» и «хорошо». Директор института Горбачев дает ему положительную характеристику. В августе 1942 года Ходос устраивается на работу в прокуратуру ТАССР – помощником прокурора Кировского района г. Казани¹.

Как отметил прокурор республики Ардерихин в характеристике, работая в Кировском районе, Ходос проявил себя как энергичный, растущий, квалифицированный работник. Во время отсутствия прокурора района Ходос успешно исполнял его обязанности. И вывод Ардерихина: Ходос заслуживает выдвижения на самостоятельную работу прокурором района.

Ходос быстро продвигался по служебной лестнице. В июле 1944 года его назначают прокурором уголовно-судебного отдела прокуратуры ТАССР, а в августе 1944 года переводят прокурором отдела общего надзора. Прокурор республики Садовников также был хорошего мнения о Ходосе и считал его одним из лучших помощников прокурора г. Казани, который был выдвинут в центральный аппарат.

В декабре 1944 года Садовников объявляет Ходосу благодарность. «Сильный и растущий прокурорский работник», «своей энергичной и добросовестной работой добился положительных результатов» – это все о нем, о Ходосе.

Но в июле 1945 года начальник отдела общего надзора прокуратуры ТАССР Ахияров представил прокурору республики Садовникову докладную записку о нарушениях Ходосом служебной дисциплины. Из докладной записки следует, что Ходос не выполнил ряд плановых заданий и поручений, «заволоклитил» 25 материалов и т.д. По мнению Ахиярова, Ходос «к работе относится легкомысленно, не подходит к разрешению вопросов по-государственному и по-партийному. Всегда исходит из своих личных интересов. Шумит много, а черновую работу выполнять не хочет, увлекается хозяйственной работой, на что теряет 30% рабочего времени». Ахияров также указал, что Ходос увлекается работой, не относящейся к общему надзору. По словам Ахиярова, если начинаешь требовать от Ходоса выполнения плановых заданий и поручений, то он заявляет: «на меня не нажимайте, иначе добьюсь бюллетеня и не выйду на работу».

В результате этого конфликта по личной просьбе Ходоса в августе 1946 года его переводят прокурором отдела по надзору за органами милиции.

В феврале 1947 года Ходос получает выговор за то, что он «позорно сорвал» предоставление отчетного доклада о работе прокуратуры Татарской АССР по борьбе со спекуляцией за декабрь 1946 года, что вызвало справедливое замечание прокурора РСФСР. Правда, не прошло и четырех месяцев, как прокурор республики Надеев снял этот выговор.

22 августа 1947 года Ходос получает очередное дисциплинарное наказание – строгий выговор за явку с опозданием из очередного отпуска.

12 сентября 1947 года Ходосу указано на беспечное отношение к охране дел и документов – за то, что он, уходя в суд, оставил на столе следственно-арестантское дело, поступив-

шее из МВД, и не запер дверь. В этот период Ходос исполнял обязанности и.о. начальника отдела по надзору за милицией.

15 апреля 1948 строгий выговор (за опоздание из отпуска) с Ходоса был снят.

В июне 1948 года прокурор республики Надеев направляет в прокуратуру РСФСР представление на присвоение Ходосу классного чина – младшего советника юстиции. Причем, тогда Ходос был только юристом 2-го класса, и Надеев решил представить его сразу к младшему советнику юстиции, перескочив через классный чин юриста 1-го класса. Однако Москва не оценила выдающихся заслуг Ходоса, и ему был присвоен классный чин юриста 1-го класса².

На партийном собрании 31 октября 1947 года прокурор республики Надеев охарактеризовал Ходоса как опытного, растущего работника. И в целом, по воспоминаниям ветерана органов прокуратуры Б.Л. Железнова, к Ходосу Надеев относился очень хорошо.

Ходос хорошо себя проявил и в качестве государственного обвинителя. На рубеже 50-х годов в Верховном суде Татарской АССР судили группу сотрудников правоохранительных органов за провокационную деятельность по организации преступлений. Сотрудники милиции изобрели интересную схему раскрытия преступлений. Они внедряли в преступную группу своего человека, и тот подбивал «корешей» на преступления, в том числе и на убийства с ограблением. В милиции определяли «жертву», место и время нападения. У «жертвы» дома устраивали засаду. Когда преступники врывались в дом и пытались напасть на хозяина (а он был в курсе происходящего), высказывали оперативники и открывали огонь на поражение. Кто успевал выскочить

во двор, его добивали там. Ветеран органов прокуратуры Самосов Н.М., учившийся тогда на последнем курсе института, вспоминает, что они иногда посещали судебные заседания по этому делу. Обвинение поддерживал Ходос. Самосов хорошо помнит, как государственный обвинитель метал громы и молнии в адрес подсудимых³.

Ходос, по воспоминаниям бывших коллег, был громкоголосым, шумным человеком, слегка заикался. В прокуратуре его называли Ароном Марковичем. Неглупый, доброжелательный, контактный, он отличался «простецким» стилем общения. Он был как бы «душой компании», со всеми на короткой ноге, всем друг. Любил рассказывать анекдоты. Обычная его приписка: «Шумим, братцы, шумим!». «Свойский парень» – так, наверное, можно было бы охарактеризовать его в целом. Так же он вел себя и по отношению к работникам милиции.

По показаниям коллег, прокурорских работников, допрошенных во время следствия, Ходос был начитанным, развитым, юридически грамотным. Он быстро включался в расследование, активно участвовал в нем. В то же время коллеги отмечали и его отрицательные черты: Ходос часто отлучался с работы, относился к сотрудникам ОББ и ОУР панибратски, называл их всех по имени, всегда хвалил работу отдела. Отношения Ходоса и сотрудников ОББ один из допрошенных охарактеризовал словом: «семейственность». Также коллеги отмечали, что к услугам Ходоса всегда была готова автомашина от ОББ.

Приказом Генерального прокурора СССР от 7 февраля 1950 года заместитель прокурора республики Ривкин А.А. и прокурор отдела Ходос были сняты с работы.

17 апреля 1950 года на партийном собрании прокуратуры ТАССР рассматривалось персональное дело А.М.

Ходоса. Решение было вынесено жесткое и однозначное: за допущение незаконных методов расследования уголовных дел в органах МВД ТАССР, за содействие фальсификации дел против невинных лиц по обвинению их в бандитизме исключить Ходоса из рядов ВКП(б). К этому времени он уже находился под стражей.

На партийном собрании 17 апреля 1950 года начальник отдела по надзору за органами милиции Вагазов отметил, что в прокуратуре имели место подхалимство и угодничество, которые поддерживались руководством. В качестве примера он привел и Ходоса, который угодничал перед руководством и получил премию. В решении этого партийного собрания фамилия Ходоса было названо в списке недобросовестных, сомнительных работников и подхалимов, которых поддерживал бывший прокурор республики Надеев и которые не были своевременно разоблачены и не получили соответствующей оценки со стороны партийной организации.

Следует отметить, что прокурор республики Надеев и его заместитель Ривкин не явились на это партийное собрание, хотя и были специально приглашены.

5 мая 1950 года партбюро прокуратуры ТАССР утвердило характеристику на Ходоса А.М. – для его уголовного дела. В характеристике в сжатой форме была дана следующая оценка деловых, профессиональных и личных качеств прокурора Ходоса:

«За время работы в аппарате прокуратуры ТАССР показал себя с отрицательной стороны, к исполнению своих служебных обязанностей относился недобросовестно, к решению вопросов подходил поверхностно, в связи с чем подвергался взысканиям в дисциплинарном порядке. В отношениях с работниками поднадзорных органов проявлял семейственность.

Над повышением своего идейно-политического уровня и деловой квалификации не работал. Поступив в Университет марксизма-ленинизма, учебного плана не выполнял, в связи с чем из числа студентов такового был отчислен.

На критику недостатков в его работе и поведении реагировал болезненно, в то же время проявлял чрезмерную услужливость, граничащую с подхалимством, особенно перед руководством прокуратуры ТАССР, а к товарищам, равным по работе, относился пренебрежительно.

Имел склонность к использованию своего служебного положения в личных интересах, что особенно проявлялось в период ремонта и благоустройства купленной им осенью 1948 года части дома в городе Казани.

По своим политическим и деловым качествам Ходос оказался непригодным для работы в органах прокуратуры, в связи с чем он с занимаемой должности был снят, Генеральным прокурором СССР отчислен из органов прокуратуры и партийным собранием исключен из членов ВКП(б)»⁴.

25 апреля 1950 года, отвечая на устный запрос заместителя прокурора Татарской АССР, военный прокурор 4 отдела ВП В/МВД СССР Черкасов представил следующую информацию по уголовному делу А.М.Ходоса: «На Ваш устный запрос сообщаю, что бывший прокурор отдела прокуратуры ТАССР по надзору за органами милиции Ходос Арон Мордухович привлечен к ответственности по ст. 109 УК РСФСР. Он обвиняется в том, что работая с 1945 по 1950 годы прокурором отдела по надзору за органами милиции, не выполнял возложенные на него законом обязанности и злоупотреблял своим служебным положением.

Как установлено следствием, в течение 1946–1949 годов в органах ОББ

и ОУР УМ МВД Татарской АССР, надзор за которыми осуществлял Ходос, фальсифицировались уголовные дела, допускались незаконные методы ведения следствия, как-то: угрозы, избиения и провокации, необоснованно подвергались задержаниям и арестам отдельные свидетели, от которых работники МВД добивались дачи ими ложных показаний и т.п., в результате чего безвинно осуждались лица, которые либо вообще не совершали никаких преступлений, либо совершали не те преступления, которые им вменялись в вину.

Имея об этом сигналы, Ходос не принимал меры к прекращению грубых нарушений социалистической законности, допущенных отдельными работниками ОББ и ОУР и, более того, в своей практической работе сам допускал незаконные методы ведения следствия (угрозы, запугивания и избиения). Виновным себя признал частично. Следствие в отношении Ходоса продолжается».

Указанная информация в самой общей форме представляла собой содержание обвинения, предъявленного Ходосу.

В любом повествовании, как правило, встречаются антигерой и положительный герой. Про первого мы уже кое-что рассказали. Пора перейти если не к главному, то важному, притом положительному герою в этой истории.

Заместителем прокурора Татарской АССР по общим вопросам в апреле 1949 года был назначен Березов Михаил Ильич. Он родился в 1908 году, происходил из крестьян. Являлся членом партии с 1938 года. В 1929–1931 годах работал судьей, с 1931 года – в органах прокуратуры. Был помощником прокурора города Ростова, прокурором города Шахты. Во время Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах Березов работал

военным прокурором Шахтинского гарнизона, в 1942–1943 годах находился в составе оперативной группы прокуратуры СССР на Южном фронте. Перед назначением в город Казань Березов работал прокурором города Таганрога и учился в заочном юридическом институте. Был награжден орденом Трудового Красного знамени, медалями.

Как было указано в его характеристике, Березов имел большой опыт руководящей прокурорской работы, работал прокурором в крупных промышленных городах, показал себя политически выдержанным, принципиальным, оперативным и инициативным прокурорским работником, принимал активное участие в общественно-политической работе.

Пути Ходоса и Березова пересеклись, а если быть точнее, столкнулись в известном уголовном деле по банде Кормакова. Об этом деле имеется достаточно подробная публикация, подготовленная М.В.Беляевым (в прошлом – следователь, в настоящее время – судья, заместитель председателя Верховного суда Республики Татарстан). Приведем выдержки из этой публикации, относящиеся к теме нашего исследования:

«Осенью 1949 года предполагаемые бандиты втроем прогуливались по мосту через Казанку. Преступлений в тот вечер они не планировали, поэтому были безоружны, не считая служебного револьвера «Кормы» (Кормакова). В районе Кремля бандиты из баловства стали приставать к попавшейся им навстречу учительнице. Даже попытались отнять у нее сумочку, в которой лежала смешная для их волчьего аппетита и послевоенного времени сумма – 100 рублей.

Подъехавшему патрульному наряду Кормаков и его подельники хотели представить ограбление женщины как неудачную шутку. На обнаруженный

в ходе личного досмотра табельный «наган» «Корма», как начальник фабричной ВОХР, имел вполне официальное разрешение. Однако милиционеры все же доставили задержанных в камеру предварительного заключения.

Первоначально расследование данного дела было поручено следователю отдела по борьбе с бандитизмом МВД Татарской АССР. Каждого из задержанных он допрашивал по отдельности. На восьмом допросе Кормаков пришел в ярость от назойливых вопросов следователя. «Пахан» сорвался и заявил: «Вы достали меня!», а затем сник и неожиданно добавил: «Я расскажу, как все было!». Раскрывшись, «Корма» поведал о нескольких преступлениях, совершенных бандой за последние два года. Задержанный описал места преступлений, назвал потерпевших и подробно рассказал о похищенном у них имуществе. Следователь тщательно заполнил протокол допроса Кормакова. Петелин и Бабаев упрямо молчали, даже не догадываясь, что их хладнокровный «пахан» уже дает избобличающие себя и подельников показания.

В то же время на прием к исполняющему обязанности прокурора Татарии Михаилу Березову пришел гражданин, проживавший в районе Чеховского рынка Казани. Взволнованный мужчина сообщил, что отмечал ноябрьские праздники со своим соседом, который работает следователем в ОББ и ведет «дело Кормакова». Расслабившись после совместного употребления алкоголя, милиционер рассказал о том, что ему удалось «расколоть» задержанного на целую серию убийств, совершенных в Казани в последние годы. Окрыленный победой, сыщик сразу же занес протокол допроса главаря банды своему начальнику.

Ознакомившись с чистосердечным признанием, руководитель ОББ Тата-

рии неожиданно заявил следователю: «Ты сам подписал себе приговор!», напомнив, что за многие преступления Кормакова уже осуждены конкретные люди, которые ранее сознались в содеянном. Разгневанный начальник велел коменданту МВД лично доставить к нему «Корму», пояснив следственно-арестованному, что тот зря берет на себя «чужие» грехи и проявляет ненужный «героизм». Сто раз пожалевший о своем признании Кормаков предложил уничтожить явку с повинной, что было немедленно сделано начальником ОББ. Ликвидация столь ценного протокола практически гарантировала Кормакову и остальным членам банды выход на свободу!

Завершая свой шокирующий рассказ о злоупотреблениях в ОББ, бдительный гражданин добавил, что за ограбление заведующего пивным ларьком ранее был незаконно осужден его племянник. Пообещав разобраться в сложившейся ситуации, прокурор попрощался с заявителем, попросив его до поры держать язык за зубами...

...Сразу после ухода посетителя Березов дал указание немедленно изъять скандальное уголовное дело из ОББ МВД ТАССР и передать его для дальнейшего расследования в республиканскую прокуратуру.

Готовившиеся к освобождению Кормаков, Петелин и Бабаев в срочном порядке были переведены во внутренний изолятор КГБ. Последующее расследование было поручено старшим следователям прокуратуры ТАССР Бакланову и Губерману, которым с большим трудом удалось вернуть Кормакова к прежнему признательным показаниям. Великий и ужасный «Корма» даже подтвердил их на очных ставках с Петелиным и Бабаевым. При обысках удалось изъять весь арсенал оружия банды. Узнав об этом, Петелин пытался выкрутиться, сочинив невероятную историю

о том, что купил пистолет «ТТ» для того, чтобы из него охотиться на волков!

В конце концов, деморализованные поведением «пахана» и подавленные собранными против них уликами, подельники вынужденно признались в своих злодеяниях. Вскоре было арестовано ближайшее окружение «кормаковцев». Оказалось, что банда состояла почти из двух десятков человек!..

...Поскольку дело банды Кормакова имело особое значение, для надзора за ним выехала бригада прокуроров из Москвы. На допросах «кормаковцев» лично присутствовали помощники Генерального прокурора СССР Бардин и Бутов.

31 августа 1950 года прокурор Татарии Степан Бекедов утвердил обвинительное заключение, передав дело военному трибуналу, ввиду того, что среди потерпевших были и военнослужащие Советской Армии. В сентябре того же года Кормаков и 17 его подельников предстали перед правосудием...

Бандитов признали виновными в том, что в период 1945–1949 гг. они совершили 22 грабежа и 33 квартирные кражи. В результате вооруженных нападений было ранено 14 человек, в том числе три милиционера. Убито 22 человека, из которых трое были милиционерами, а один – солдатом Советской Армии...

Из текста приговора: «Именем Союза Советских Социалистических Республик, в 1950 году, октября 23 и 24 дня, Военный трибунал Приволжского военного округа в закрытом судебном заседании в городе Казани рассмотрел дело и приговорил: Кормакова Василия Александровича, Петелина Петра Михайловича и Бабаева Алексея Михайловича подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу, конфисковав все имущество осуж-

денных. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

Остальные участники банды Кормакова получили от 15 до 25 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и пятилетним поражением в гражданских правах.

После оглашения приговора Петелин в ярости пообещал перегрызть глотку судьям и тюремным надзирателям, а содержащийся в одиночной камере Кормаков стал готовить побег. К чести оперативников Казанского следственного изолятора №1, планам приговоренных к смерти было не суждено сбыться. 5 февраля 1951 года Кормаков, Петелин и Бабаев были расстреляны⁵.

Об одном важном нюансе судебного процесса по банде Кормакова напомнил бывший сотрудник органов прокуратуры, профессор Б.Л.Железнов. Кормаков и его подельники по ст. 58 УК РСФСР привлекались как за контрреволюционные преступления, хотя на самом деле нападения и ограбления совершались преступниками в основном в корыстных целях, а убивали они либо с целью завладения оружием, либо при попытке задержания. Конечно, контрреволюционных целей преступники не преследовали, но убийства милиционеров были квалифицированы по ст. 58 УК РСФСР, как террористические акты, совершенные в контрреволюционных целях, – видимо, чтобы к преступникам могла быть применена смертная казнь.

Дело в том, что после Великой Отечественной войны в Советском Союзе смертная казнь была отменена. Но спустя некоторое время ее восстановили неопубликованным указом Президиума Верховного Совета СССР в качестве наказания для лиц, осужденных по статье 58 УК РСФСР. И когда шел суд над бандой Кормаков-

ва, преступники еще об этом не знали и надеялись на приговор в виде 25 лет лишения свободы.

Б.Л.Железнов рассказывает, что присутствовал при оглашении приговора бандитам. Председатель трибунала огласил приговор: Кормакова подвергнуть по ст. 58 УК РСФСР смертной казни. Кормаков с недоумением спросил у председательствующего: «Как это понимать? Почему не 25 лет?»

(Ведь суды в тот период – до возвращения смертной казни по ст. 58 – формулировали приговоры следующим образом: «приговорить к смертной казни, но, учитывая Указ ПВС СССР об отмене смертной казни, заменить ее 25 годами лишения свободы». В данном же случае судья ничего не сказал о замене смертной казни 25 годами лишения свободы... Это и вызвало недоумение Кормакова.)

По словам Железнова, после этого вопроса председательствующий, не торопясь, попил водички, разгладил усы и будничным голосом произнес: «Разъясняю, что смертная казнь по ст. 58 УК РСФСР на основании Указа ПВС СССР... восстановлена!» И тогда тройка основных обвиняемых – Кормаков, Петелин, Бабаев – забились в истерику. Их подхватил конвой и увел.

Если обратиться к законодательству, то действительно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь в мирное время была отменена. Но Указ ПВС СССР от 12 января 1950 г. допустил применение смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам. Под эти категории члены банды Кормакова не попадали. Однако действовала еще и секретная директива, согласно которой смертная казнь могла применяться специальными судами (трибуналами) по делам о контрреволюционных преступлениях.

Как следует из архивных документов, Березов сыграл решающую роль в раскрытии преступлений банды Кормакова. Во многом благодаря его принципиальности и настойчивости возмездие настигло виновных, а с невиновных было снято клеймо преступников.

Вскрытые факты беззаконий по уголовным делам относились в основном к 1946–1949 годам. Напомним, что именно с 1946 года прокурором Татарской республики стал Надеев И.С. Неудивительно, что Надеев, его заместитель Ривкин и Ходос всячески старались противодействовать Березову в установлении истины.

13 декабря 1949 года Березов докладывает прокурору республики Надееву о фактах незаконных арестов и осуждений и требует изъять дело по обвинению Кормакова и других у прокурора Ходоса. Березов также предлагает Надееву сообщить об этом в прокуратуру СССР, а также заслушать Ходоса о ходе следствия по делу Кормакова и других.

Надеев отказывается уведомить о случившемся прокуратуру СССР, а лишь проводит заслушивание дела Кормакова и других. Дело было доложено Надееву 18 декабря 1949 года. При этом Березов выдвинул и обосновал свои доводы о незаконном осуждении граждан за преступления, совершенные членами банды Кормакова. В ответ Ходос и Ривкин оспаривали доводы Березова, защищали свои действия и действия работников МВД, утверждая, что ни по одному уголовному делу ошибок нет.

Надеев подвел итог: «Насчет одного дела (Иголина) надо посмотреть, что же касается остальных, то пусть сидят, поскольку они уже осуждены».

На другой день, 19 декабря 1949 года, в 9 часов утра в квартире Березова раздался телефонный звонок. «Вы прокурор Березов?» – спросил неиз-

вестный. Услышав утвердительный ответ, незнакомец заявил: «Вы не прокурор, а адвокат Игонина. Смотрите, будет Вам то же, что и Игонину».

Березов подозревал, что звонок последовал от одного из сотрудников ОББ, которых мог проинформировать Ходос. Когда Березов сообщил об этом телефонном звонке и содержании разговора Надееву, тот наивно спросил: «Кто это мог звонить?».

После этих событий 19 декабря 1949 года Березов пишет официальную записку прокурору республики и требует немедленно изъять дело банды Кормакова у Ходоса и передать его другому следователю. Он считает Ходоса необъективным и поэтому полагает невозможным поручить ему окончание данного дела. Надеев накладывает резолюцию: «передать Чершинцеву». Однако дело передается не Чершинцеву, а Губерману – особо доверенному следователю Надеева, и то спустя 4–5 дней. Они не хотели, чтобы правда восторжествовала, не желали скандала, старались, чтобы брак в их работе не был доказан.

Также 19 декабря 1949 года Березов авиапочтой отправляет Генеральному прокурору СССР Сафонову спецзаписку. В ней заместитель прокурора республики подробно описывает обстоятельства дела и просит командировать 2–3 человека из Москвы для окончания дела и решения вопроса о других делах, по которым осуждены невинные.

28 декабря 1949 года Березов представляет секретарю Татарского Обкома ВКП(б) Лобкову подробную информацию: «О фактах незаконных арестов и осуждении граждан в органах Министерства внутренних дел и прокуратуре ТАССР». Такая же информация в январе 1950 года направляется Березовым секретарю ЦК ВКП(б) Пономаренко. Остановить Березова было невозможно.

Обратимся к письму Березова М.И. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Пономаренко и приведем значительный отрывок из этого документа, имеющего важное значение для понимания того, что происходило тогда в прокуратуре.

«7 июля 1949 г. мною было принята гражданка Лакина ..., проживающая в Казани, с жалобой на действия органов МВД ТАССР. Лакина сообщила, что, по имеющимся у нее сведениям, в город Казань из мест заключения прибыл гражданин под кличкой «Петро», в прошлом судимый за бандитизм и воровство. Не имея права проживать в городе Казани, он стал близким к работникам МВД ТАССР, последние ему выдали новый паспорт и разрешили проживать в городе Казани.

Преступник «Петро» назначает места, где, якобы, должно быть совершено преступление, ставит об этом в известность работников МВД, которые прибывают в указанное «Петро» место для засады. А «Петро» к указанному месту засады работников МВД обманным путем подводит ребяташек, с которыми работники МВД производят произвол – избивают, убивают совсем или составляют уголовные дела и осуждают.

Так, по объяснению гражданки Лакиной, 11 декабря 1948 г. ее сын Панов, 1931 года рождения, пошел в кинотеатр «Электро» посмотреть кинокартину. На улице Баумана он встретил своего товарища по школе Дубровина. С Дубровиным их встретили два других знакомых, в том числе «Петро», предложили зайти на минуту в одну квартиру. Мальчики согласились, не успев войти в квартиру, они были обстреляны из той же квартиры работниками МВД, в результате чего один из мальчиков был убит, ее сын Панов ранен в ногу, а «Петро», как выяснилось на суде, говорит Лакина, «бежал» от конвоя, работника МВД Карпова.

Проверкой заявления гражданки Лакиной (основное дело по обвинению Панова и Дубровина, по которому они осуждены, первый на 15 лет, второй на 10 лет, находится у прокурора СССР на просмотре по жалобе Лакиной) я пришел к выводу, что некоторые работники МВД ТАССР с помощью отдельных работников прокуратуры республики Ходоса и Ривкина сфальсифицировали дело Панова и других, а затем через работника Верховного суда ТАССР Аппалонова добились обвинительного приговора.

7 июля мною было поручено и.о. начальника следственного отдела Курбангалееву принять меры к установлению «Петро» через следственный аппарат, а от министра внутренних дел ТАССР запросил выделенное из дела Панова и Дубровина дело по обвинению «Петро» в связи с его «побегом». Министр внутренних дел Ченборисов вместо немедленного представления дела на мой запрос, звонит мне по телефону с сообщением следующего содержания: «товарищ Березов, Вы запрашиваете у меня выделенное дело на скрывшегося «Петро». По оперативным соображениям я Вам его выслать не могу». На мое настойчивое требование выслать, Ченборисов заявил: «тогда вышлем прокурору Союза, и только через МВД СССР», — о чем мною доложено заместителю Генерального прокурора СССР товарищу Вавилову.

Характерно, что Надеев, будучи мною подробно информирован по этому делу, тогда же заявил мне: — «Ничего Вы тут не сделаете, дело на «Петро» нам не дадут из МВД», вместо немедленного реагирования.

Дело по обвинению Панова и Дубровина после органов МВД заканчивал опытный следователь прокуратуры города Казани товарищ Бакланов, по существу дела от которого я взял устное объяснение о причине не ро-

зыска и не привлечения «Петро». Товарищ Бакланов сообщил мне, что он пытался взять в МВД имеющиеся материалы на «Петро» с тем, чтобы его разыскать, так как дело без него направлять в суд было невозможно. Однако заместитель прокурора республики Ривкин категорически ему запретил не только искать «Петро», но даже им интересоваться. Мною был опрошен Ривкин, не усматривает ли он, что без привлечения «Петро» по делу Панова и Дубровина нельзя решить правильно дело последних. На это Ривкин мне сообщил, что «Петро» скрылся, что же касается Панова и Дубровина, то они привлечены и осуждены совершенно правильно, также правильно убит подросток Машурин Борис работниками МВД при задержании. Ривкин добавил, что лично он сам был на месте этого события.

Дело по обвинению Дубровина и Панова находится у прокурора Союза ССР с июля 1949 года, поэтому решить вопрос окончательно об их виновности или невиновности мне не представилось возможным. Кроме того, в этом воспрепятствовал Ченборисов, скрыв от меня ему известного «Петро».

Заявление гражданки Лакиной после предварительной проверки лично мною было частично подтверждено, это заставило меня критически относиться к работе заместителя прокурора по специальным делам Ривкина, который ведал отделом по надзору за органами милиции, а также к работе прокурора отдела по надзору за органами милиции прокуратуры ТАССР Ходоса.

Поскольку их роль, как прокуроров, по делу осужденных Панова и Дубровина не может быть признана государственной и так как прокурор республики Надеев не реагировал, как это требуется, на мою информацию о фактах нарушения социалистичес-

кой законности органами милиции по делу Панова и других, выразившихся в незаконном применении оружия, в результате чего был убит подросток Машурин, неправильного тенденциозного расследования дела и т.д., то есть такое отношение Надеева, дало мне основание полагать, что он знает о фактах нарушения законности работниками прокуратуры и милиции, однако мер для устранения нарушения закона и наказания виновных не принимает. Хотя знал Надеев и то, что у Ривкина и Ходоса взаимоотношения с работниками органов МВД основаны на очень подозрительно-близкой «товарищеской дружбе».

В августе месяце 1949 года в городе Казани при попытке задержать двух подозрительных лиц был убит поставой красноармеец, в связи с этим фактом мною, в то время исполняющим обязанности прокурора республики, было предложено заместителю прокурора Ривкину предъявить серьезные требования к работникам МВД, отделу ОББ, принять меры любым способом задержать преступников. После этого предложения через 2-е суток Ривкин информировал меня, что есть ряд косвенных улик на гражданина Кормакова, работающего начальником охраны гармонной фабрики города Казани, причем высказал мнение, что этих оснований к задержанию Кормакова за убийство красноармейца недостаточно.

Проанализировав все изложенное Ривкиным, я рекомендовал ему о даче указаний работникам ОББ МВД об аресте Кормакова.

Кормаков, будучи арестованным, признался, что он является организатором вооруженной банды, состоящей из группы в количестве четырех человек вместе с ним. Будучи арестованными, члены бандитской группы Кормаков, Матвеев, Петелин и Бабаев о своей преступной деятельности

дали подробные показания, из которых видно, что начиная с 1945 года по август 1949 года, в городе Казани существовала, беспрепятственно терроризировала трудящихся города путем убийств, грабежей, насилия, устойчивая, социально-опасная банда.

Дело по обвинению Кормакова и его соучастников в количестве 6 человек с августа месяца по декабрь 1949 года расследовал отдел ОББ МВД ТАССР, Опалев, Шахнин, Халецкий, Карпов и другие.

За расследованием дела осуществляли надзор заместитель прокурора республики Ривкин, прокурор отдела по надзору за органами милиции Ходос.

В совершенных зверских преступлениях бандиты Кормаков, Матвеев, Петелин и Бабаев (основные исполнители) признали себя виновными и дали соответствующие показания.

Так, на первый взгляд, правильно и объективно проведенное следственное дело об указанной группе преступников поступило в прокуратуру ТАССР из Министерства внутренних дел для окончания расследования и предания виновных суду.

Эту основную ответственную стадию расследования дела прокурор республики Надеев поручил выполнить Ходосу.

В процессе расследования дела Кормакова в отделе ББ МВД в начале октября или ноября месяца 1949 года ко мне на прием явился гражданин Игонин А.А., проживающий в городе Казани. Отец осужденного сына на 25 лет, Игонин заявил, что его сын, прослуживший вместе с ним 4 года в Советской армии, инвалид войны, осенью 1948 года незаконно арестован работниками МВД и незаконно осужден Верховным судом на 25 лет за то, что, якобы он с неизвестным 18 октября 1948 года в 11 часов ночи ограбил граждан Вайнштейна и Лю-

линскую, забрал ценности, их тяжело ранил и скрылся.

Игонин утверждает, что в тот вечер, когда совершено ограбление их соседей Вайнштейна, сын его был безотлучно дома, о чем знают посторонние люди, однако следствие этого не проверяло.

Для проверки правильности заявления отца осужденного Игонина, мною было истребовано из Верховного суда ТАССР дело по обвинению Игонина. Изучив его, я пришел к твердому убеждению, что оснований для осуждения гражданина Игонина у суда не было. Не было оснований и к задержанию Игонина, так как, кроме показаний потерпевшего Вайнштейна, который на вопрос: «кого Вы подозреваете», заявил на следствии и в суде, «по росту и хриплому голосу похож на Игонина» и других объективных данных, утверждающих о совершенном разбое, в деле нет.

В связи с этим мною лично было сообщено наблюдающему прокурору Ривкину, прокурору отдела Ходосу о наличии у меня жалобы отца осужденного Игонина с той целью, чтобы они вместе с работниками МВД допросили бандита Кормакова и других, на предмет проверки, не являются ли они исполнителями ограбления граждан Вайнштейна и Люлинской, за которые осужден к 25 годам ИТЛ демобилизованный из Советской армии Игонин.

Через непродолжительное время Ривкин и Ходос мне доложили, что бандиты Кормаков и Бабаев пытались взять на себя ограбление Вайнштейна, дали об этом показания, затем от данных показаний отказались, тут же добавили, что дело Игонина они хорошо знают и что Игонин осужден правильно, преступление совершил он, и нет сомнений к пересмотру дела Игонина.

Так как Игонин арестован, а затем осужден с помощью и согласия

Ривкина и прокурора отдела Ходоса, работников МВД Халецкого и Шахнина и других, кроме того, однажды работник МВД Халецкий позвонил мне по телефону с вопросом: «Вы интересуетесь делом Игонина, товарищ Березов? Это бандит, наверное, отец бандита все жалобы Вам подает, я как-нибудь зайду к Вам и расскажу, что это за семейка». Мною было сказано Халецкому, что «в Вашей информации я не нуждаюсь».

Все это вместе взятое дало возможность понять мне, что я имею дело с людьми, которые имеют своими действиями подрывать авторитет партии и советской власти в глазах трудящихся масс, путем фальсификации дел на честных граждан и на лиц, не совершивших приписываемых им тяжелых преступлений.

Я решил лично допросить бандитов Кормакова и Бабаева по эпизоду, относящемуся к ограблению гражданина Вайнштейна и его жены в октябре 1948 года, за что осужден Игонин к 25 годам лишения свободы.

Дважды допрошенные мною бандиты отрицали ограбление Вайнштейна. Под давлением имеющихся улик, что это сделали они, Кормаков и Бабаев в совершенном преступлении сознались и на мой вопрос, почему они сразу не дали правдивых показаний, заявили, что работники отдела ОББ МВД – Опалев, Шахнин, Халецкий, Карпов запретили им признаваться по делу ограбления Вайнштейна, а когда они об этом дали показания, то указанные работники предложили им отказаться от своих показаний, о чем хорошо было известно Ривкину и Ходосу.

Показания арестованных Кормакова и Бабаева мною перепроверены с обстоятельствами дела об ограблении Вайнштейна Игоными, которые полностью соответствуют, в связи с чем утверждаю, что Игонин привлечен и

осужден незаконно и к этому не было оснований. Имеющиеся в деле показания Игонина о том, что он совершил ограбление Вайнштейна, не соответствуют обстоятельствам дела. Хотя на следствии Игонин от своих показаний в этой части отказался, заявил, что он их давал под угрозой ареста отца и матери работниками МВД Халецким и другими. По вопросу фальсификации дела на Игонина подтвердил свидетель по делу Игонина – Ткаченко.

Выяснив и проверив обстоятельства, касающиеся осуждения Игонина, я решил допросить бандитов Кормакова и других, есть ли факты их преступной деятельности, о которых они не дали показаний в органах МВД или работники органов МВД им предложили от них отказаться, как и по делу ограбления Вайнштейна. Бандиты Кормаков, Бабаев, Петелин назвали мне преступления, совершенные ими, но работники МВД и наблюдающие прокуроры предложили им от них отказаться ...» (конец цитаты из письма Березова).

По мере расследования число преступлений банды Кормакова, за которые были осуждены невинные люди, увеличивалось. По данным Березова М.И., за преступления членов банды Кормакова были осуждены следующие невинные лица:

1. Игонин, 1923 года рождения, рабочий-электромонтер, участник Великой Отечественной войны, был привлечен к ответственности в октябре 1948 года по ст. 59-3 УК за то, что он, якобы совершил вооруженное нападение на граждан Вайнштейна и Люлинскую, ранил их из пистолета и ограбил выручку от ларька в сумме 5000 рублей.

Следствие вели работники ОББ. За следствием наблюдал и таковое заканчивал Ходос. Обвинительное заключение утвердил Ривкин. Верховный суд осудил Игонина на 25 лет ИТЛ, и

Игонин отбывает наказание уже полтора года.

Между тем Игонин этого преступления не совершал. Работники ОББ – Шахнин, Халецкий и другие, а также Ходос вели следствие необъективно и незаконными методами, организовали и использовали ложные показания свидетеля Ткаченко, представили суду ложную справку и Верховный суд политически беспечно отнесся к рассмотрению дела, проштамповал сфальсифицированные доказательства и невинно осудил Игонина.

2. Артиев, 1916 года рождения, рабочий-плотник, участник Великой Отечественной войны, не судим, и Чадаев, 1904 года рождения, рабочий-плотник, не судим, были привлечены к ответственности в ноябре 1946 года работниками по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, совершили вооруженное нападение на дом гражданина Заславского с целью ограбления квартиры, убили ребенка 4-х лет и нанесли тяжкие телесные повреждения до потери чувств и сознания двум взрослым Заславским. Подозрение пало на Чадаева и Артиева по той причине, что они ранее ремонтировали забор дома семьи Заславских.

Следствие вели работники ОУР МВД ТАССР – Иванов, Фридзон и другие. За следствием наблюдал и таковое заканчивал Ходос. Обвинительное заключение утверждал Ривкин. Верховный суд ТАССР осудил Артиева и Чадаева на 10 лет, а через 3 года и 7 месяцев Чадаев умер в заключении.

Между тем установлено, что Артиев и Чадаев этого преступления не совершали, работники ОУР и Ходос вели следствие необъективно и незаконными методами, довели Артиева до истощения и заставили признаться в несовершенном им бандитском нападении и оговаривать Чадаева, а Верхсуд, трижды получив на суде заявление Артиева о том, что его по-

казания были вынужденными, не проверил этого обстоятельства, слепо проштамповал сфальсифицированные доказательства и невинно осудил двух рабочих на 10 лет.

3. Поздняков, 1921 года рождения, и Белоусов, 1923 года рождения, в августе 1948 года были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, ограбили дом инкассатора Госбанка Попандопуло и убили семью из 6 человек.

Следствие вели работники ОББ. За следствием наблюдал, требования ст. 206 УПК выполнил, обвинительное заключение составил и обвинение на суде поддерживал Ходос. Верховный суд ТАССР осудил Позднякова и Белоусова на 25 лет ИТЛ каждого, и они оба полтора года отбывают наказание.

Между тем установлено, что работники ОББ вели следствие необъективно, Позднякова избивали, его родителей арестовали и над ними издевались, показания свидетелей искажали, а Верховный суд, получив в заседании суда заявления обвиняемых об избииении и об иных незаконных методах следствия, вместо того, чтобы организовать проверку, стал на путь лишения слова обвиняемых и угрозы удаления из зала суда, проштамповал все сфальсифицированные доказательства и без оснований осудил обвиняемых к 25 годам ИТЛ.

4. Ганин, 1927 года рождения, Потапов, 1918 года рождения, и Трудов, 1930 года рождения, в марте 1947 года были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за бандитское нападение на дом Баранова и Алексеева, за ранение первого и избиеение второго.

Следствие вели работники ОББ. Арест всех санкционировал Ривкин, обвинительное заключение утвердил Надеев. Верховный суд осудил Ганина к 25 годам ИТЛ, а Потапова и Трудова – к 10 годам лишения свободы

каждого. Все они отбывают наказание около 2-х лет.

Между тем установлено, что Ганин, Потапов и Трудов этого преступления не совершали, что следствие велось необъективно.

5. Шмелев, 1924 года рождения, Носков, 1904 года рождения, и Семенов, 1909 года рождения, в июле 1948 года были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, в 1943 году совершили убийство и ограбление цыганки Богомоловой.

Следствие вели работники ОББ. Арест санкционировал Ривкин. Наблюдал за следствием, обвинительное заключение составил, и обвинение в суде поддерживал Ходос. Верховный суд осудил всех к 10 годам ИТЛ.

На суде обвиняемые заявили, что их на следствии избивали и заставили дать ложные показания, однако Верховный суд не только не проверил этого обстоятельства, но и по ходатайству Ходоса вынес еще определение о дополнительном привлечении обвиняемых к ответственности по ст. 95 УК – «за клевету». Это определение Ривкин направил для исполнения в МВД, в тот самый орган, на который обвиняемые, якобы, клеветали. Это же Министерство и вело следствие по «делу о клевете». Те же работники МВД, которые избивали обвиняемых, давали теперь показания в качестве свидетелей, что «мы, мол, не избивали» и этой комедии было достаточно для того, чтобы МВД привлекло обвиняемых за клевету на МВД. Народный суд оказался на высоте положения и оправдал обвиняемых по «делу о клевете».

6. Дубровин, 1930 года рождения, и Панов, 1931 года рождения, в декабре 1948 года были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они с неизвестным лицом «Петро» совершили вооруженное нападение на дом гражданина Дегтярева с целью ограбления.

Следствие вели работники ОББ. Арест санкционировал и обвинительное заключение утвердил Ривкин, обвинение в суде поддерживал Ходос. Верховный суд осудил Дубровина и Панова к 18 и 15 годам ИТЛ. Однако из материалов дела видно, что следствие велось необъективно, организатором и инициатором бандитского нападения с провокационной целью являлся «неизвестный Петро», который, якобы, бежал от ОББ и материалы на которого, якобы, выделены в отдельное производство, но который в действительности является отбывающим наказание, дважды судимым вором и бандитом, с которым работники ОББ связались, и который по указаниям работников ОББ дает в любое время ложные показания против кого бы то ни было, и который не бежал, а укрывается от суда теми же работниками ОББ, которые надумали его совершить эту провокацию подростков.

К этому следует добавить, что в этой затеянной и исполненной работниками ОББ и бандитом «Петро» провокации работниками ОББ был убит наповал подросток Машурин, совершенно невинно и незаконно, и это гнусное и тяжелое преступление – убийство невинного подростка – лежит на совести ОББ и всего МВД и не может быть смыто никакими оправданиями.

Кстати сказать, министр Ченборисов и его заместители Павлинский и Бочков не нашли даже нужным и до сих пор никого за это преступление не наказали.

Для спасения же бандита «Петро» и выведения его из дела МВД сочло возможным давать в дело для суда фиктивные документы и даже направило в суд трех сотрудников Куприянова, Гурьянова и других, которые на суде дали ложные показания о том, что не было, якобы, четвертого преступника «Петро».

7. Блинников, 1915 года рождения, и Корнилов, 1927 года рождения, в мае 1947 года были привлечены к ответственности по ст. 58-8 УК за то, что они 27 апреля 1947 года, якобы, совершили убийство двух милиционеров. Следствие вели работники ОУР – Иванов, Терехов и другие. Военный трибунал В/МВД ТАССР осудил Блинникова и Корнилова к 25 годам ИТЛ каждого.

Между тем, установлено, что Блинников и Корнилов к этому преступлению не причастны, а работники ОУР Иванов, Терехов, Козлов и другие вели следствие необъективно, с использованием незаконных методов, избивали обвиняемых и их родственников, заставляли их давать ложные признания, организовывали ложные показания свидетелей и т.д. Имеются все основания утверждать, что Иванов и другие подбросили в уборную с целью создания доказательства пистолет и т.д.

Дополнительно добавим, что один из осужденных за ограбление и убийство семьи Попандопуло (август 1948 года) – Поздняков – умер в лагере. Обвиняемый по другому делу – Блинников, не выдержав избиений и издевательств, пытался в камере покончить жизнь самоубийством.

Отметим, что лишь единичные факты из этого списка Березова не подтвердились (или их просто не смогли доказать) и не вошли в окончательное обвинение членов банды Кормакова.

Согласно обвинительному заключению, в результате незаконных действий сотрудников ОББ и Ходоса были невинно осуждены всего 16 человек.

Основное обвинение в адрес Ходоса – это непринятие мер к пресечению беззаконий со стороны сотрудников ОББ. Указано, что Ходос не проверял, не рассматривал устные и письменные заявления арестованных о неза-

конных методах следствия, а также сам применял незаконные методы, в частности, нанес побои Поздняковой.

Ходос был арестован ночью 24 февраля 1950 года. В ходе следствия и в суде он признал себя виновным лишь в халатности. Всякие злоупотребления служебным положением, умышленные нарушения закона он отрицал. Ходос также отрицал и обвинение о том, что он лично применял насильственные действия против допрашиваемых.

Как следовало из допросов на следствии обвиняемых – сотрудников ОББ, Ходос всячески препятствовал установлению истины. В частности, когда выяснилось, что Артиев и Чадаев не причастны к ограблению Заславских, и нужно было арестовать сообщницу бандитов Кормакова и других – Визгалову, то Ходос в даче санкции отказал, и дал указание о пересоставлении постановления, исключив из него слова об изъятых вещах. Также Ходос присутствовал на допросах Кормакова и говорил ему, что тот врет.

Еще один штрих. 7 октября 1948 года Ходосу была объявлена благодарность прокурора РСФСР и выдана денежная премия за активное участие в расследовании ряда уголовных дел – убийства инкассатора Чистопольского отделения Госбанка и др. Причем, в этом приказе было отмечено активное непосредственное участие Ходоса в раскрытии и расследовании убийства семьи Попандопуло! То есть Ходос получил поощрение за то, что посадил за убийство Попандопуло невиновных людей!

Мы видим, что по большинству сфальсифицированных уголовных дел за ходом расследования надзирал именно прокурор Ходос. Он же, согласно уголовно-процессуальным нормам того времени, завершал расследование по этим делам и готовил дела для передачи их в суд. По от-

дельным делам он сам поддерживал в суде государственное обвинение. Обвинительные заключения по этим делам утверждал заместитель прокурора республики Ривкин, по одному уголовному делу – прокурор республики Надеев. Санкции на арест по всем этим делам давал Ривкин. Ходос докладывал об этих делах Ривкину и прикладывал все усилия, чтобы «протащить» их через суд, утвердить по ним приговоры.

Например, когда в суде рассматривалось уголовное дело по обвинению Позднякова, Белоусова и Шуркова (убийство в 1948 году семьи Попандопуло), Ходос предупредил начальника отдела ОББ о том, что мать обвиняемого Позднякова – очень крикливая женщина, может прийти в суд, поднять шум и отрицательно воздействовать на судей своими заявлениями о невиновности сына. Ходос предложил: «В день суда вызовите ее в ОББ и продержите». Сотрудники ОББ так и сделали. Мать Позднякова целый день продержали в ОББ и в суд она не попала.

В период проведения Березовым проверки Ходос оставался на своей должности и всячески старался воспрепятствовать установлению истины. В конце декабря 1949 года Березов узнал, что в отделе по надзору за органами милиции на столе у Ходоса лежит без движения уголовное дело об убийстве гражданки Трушиной, труп которой еще в декабре 1948 года нашли в полуподвальном помещении ГИДУВа.

10 января 1950 года Ходос был отстранен от работы в отделе – за неудовлетворительное расследование дела о смерти Трушиной от криминального аборта. Это дело лежало у Ходоса без движения почти год и, очевидно, стало формальным поводом для того, чтобы отстранить Ходоса от надзорной работы.

В феврале 1950 года прокурор Татарской АССР Надеев И.С. был освобожден от занимаемой должности (8 июня 1950 г. его арестуют по другому делу, за получение взятки, приговор – 10 лет лишения свободы). Березов М.И. становится исполняющим обязанности прокурора ТАССР и доводит начатое до конца.

Как установил Березов, для фальсификации уголовных дел работники милиции нередко использовали своих агентов из числа настоящих уголовников. В связи с необходимостью вербовки такой агентуры сотрудники ОББ практиковали досрочное освобождение из мест лишения свободы осужденных с недоотбытым сроком. Такие решения санкционировал министр МВД ТАССР или его заместитель.

Про агента «Петро» мы уже говорили. Другой агент ОББ Дацко, по кличке «Хмурый», был освобожден из мест лишения свободы для работы в городе Казани среди уголовного элемента. В уголовном деле имеется характеристика, составленная сотрудником ОББ на агента «Хмурого». Агент характеризовался очень хорошо. Правда, имел недостаток «давать ложь». Комментарии, как говорится, излишни. Дацко был расконвоирован в 1948 году по санкции заместителя министра Павлинского. Сотрудничая с ОББ, Дацко давал провокационные материалы. Он же по заданию сотрудников ОББ, будучи посаженным в камеру внутренней тюрьмы, избивал следственно заключенных, добиваясь от них вымышленных признаний в совершении преступлений. В частности, в ночь на 5 сентября 1948 года на току колхоза «Кзыл-Юл» Юхмачинского района было совершено убийство двух охранников тока. По подозрению в совершении этого преступления арестовали пять человек – председателя колхоза, завхоза, двух

охранников и конюха. Из них трое как на следствии, так и на суде вину не признали, двое дали признательные показания. Сроки всем дали большие – троим по 25 лет, двум другим – 6 и 10 лет лишения свободы.

Однако впоследствии оказалось, что по данному делу сотрудники ОББ применяли в отношении подозреваемых недозволенные методы следствия – рукоприкладство, «стойки», лишение пищи в течение нескольких суток, угрозы расстрелом с демонстрацией огнестрельного оружия. Кроме этого, один из арестованных был посажен в камеру вместе с агентом ОББ Дацко. По заданию сотрудника ОББ Шахнина агент Дацко трижды избивал арестованного по этому делу Ситдикова, добиваясь от него признаний в несовершенном убийстве. Более того, когда в марте 1949 года данное дело рассматривалось Военным трибуналом, Дацко по заданию сотрудника ОББ Халецкого выступал в судебном заседании в качестве свидетеля и давал ложные показания о причастности обвиняемых к убийству.

В феврале 1950 года указанный приговор по заключению Генерального прокурора СССР был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР по вновь открывшимся обстоятельствам. Впоследствии уголовное дело было прекращено. Вот такими методами «раскрывались» преступления.

Заместитель министра МВД ТАССР Павлинский, который осуществлял руководство отделом ОББ, был привлечен к партийной ответственности за то, что в 1948–1949 годах дал санкцию на расконвоирование двух заключенных, в том числе и Дацко, с целью использования их в оперативной работе. Павлинский также утверждал постановления на арест Игонина, Позднякова, Белоусова и других, которым были приписаны

преступления, фактически совершенные бандой Кормакова.

К уголовной ответственности, кроме Ходоса, были привлечены работники ОББ МВД ТАССР начальник отдела Опалев (ранее награжденный орденами Ленина, Красного Знамени!), а также Шахнин, Халецкий, Карпов и другие. Также прокуратурой был арестован агент ОББ Дацко.

В марте 1951 года Ходос был осужден военным трибуналом войск МВД Приволжского округа по ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР за злоупотребление властным или служебным положением к 10 годам лишения свободы. Вместе с ним были осуждены и сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом. Ходос обжаловал приговор, но Военная коллегия Верховного Суда СССР оставила приговор без изменения.

В этот период на Березова шла самая настоящая атака. Основной метод – анонимки. В частности, в ноябре 1950 года в Татарский обком партии поступила анонимка о якобы имевших место злоупотреблениях Березова в период его работы прокурором Таганрога. О чем только ни писали доброжелатели – даже о том, что прокурор Березов, будучи за рулем автомашины, задавил мальчика и т.д. Из Татарского обкома письмо направили для проверки в Таганрог. Однако все красочно описанные злоупотребления и нарушения Березова не подтвердились.

Как вспоминает Железнов Б.Л., заместитель прокурора республики Березов был честным, порядочным человеком, преданным своему делу. У него был прямой, мужественный характер. Он твердо и уверенно вел себя и в отношениях с высоким партийным руководством. Однажды в присутствии Железнова Березов достаточно резко поговорил по телефону с какой-то ответственной дамой (кажется, из

обкома партии). Женщина возмутилась: «Почему вы разговариваете со мной в таком тоне?». Березов ответил коротко: «Потому что я прокурор». Он не юлил, не заискивал, вел себя всегда достойно и уверенно.

Ходос же, по мнению Б.Л. Железнова, угодил в эту историю в значительной мере из-за своего панибратства с высокими чинами МВД.

В расследовании по делу банды Кормакова участвовали следователи прокуратуры города Казани Галимов и Бакланов. В апреле 1950 года Березов пригласил Галимова к себе и предложил изучить многотомное уголовное дело, которое к тому времени расследовал старший следователь Губерман (его потом арестовали по делу прокурора республики Надеева за получение взятки и осудили). Березов сказал тогда Галимову: «Вы новый человек в прокуратуре, поэтому расследование поручаю Вам». Несмотря на молодость, Ш.М. Галимов выделялся своей принципиальностью. Следствие завершали следователи из Москвы.

Ш.М. Галимов впоследствии вспоминал, как из зоны (с острова Находки) в Казань привезли мужчину, необоснованно осужденного за одно из преступлений банды Кормакова. Крепкий, коренастый мужчина средних лет, после объявления ему решения о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления и об освобождении из-под стражи, упал и стал биться в истерике, плача и восклицая: «Справедливость есть! Справедливость есть!»⁶.

Дело Ходоса – весьма характерное, поучительное дело. Оно является предостережением для любого прокурорского работника и, в первую очередь, – для тех, кто осуществляет надзор за деятельностью органов МВД, следствием и дознанием, оперативно-розыскной деятельностью.

Прокурору надо выстраивать отношения с сотрудниками полиции строго в рамках закона и ни в коем случае не закрывать глаза на любые нарушения с их стороны. Дружеские, хорошие отношения не должны вредить надзору и затуманить глаза прокурора. В этой сфере особенно важно строгое соблюдение принципа законности, с категорическим исключением всяких соображений, рассуждений о целесо-

образности, о раскрытии преступлений «любой ценой».

Когда читаешь про дела, подобные делу Ходоса, узнаешь о чудовищных ошибках следствия и суда, то совсем по-другому воспринимаешь известную истину о том, что лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного. И это действительно так. Не забывайте об этом, молодые (да и немолодые) прокуроры!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Казанский юридический институт. Фонд Р-5799, опись 3 л, дело 7354.

² Национальный архив Республики Татарстан. Прокуратура Татарской АССР. Фонд Р-6948, опись 9, дело 443. Личное дело Ходоса А.М.

³ Самосов Н.М. Мы и наше время. – Казань, 2007. – С. 19–20.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Первичная партийная организация прокуратуры ТАССР. Фонд 968, опись 1, дело 74. Характеристики... 1950 г.

⁵ Беляев М.В. Охота на волков // Эхо веков. – 2012. – № 1-2. – С. 255–264.

⁶ Жизнь мы прожили не зря. Воспоминания ветеранов прокуратуры. – Казань: Мастер Лайн. – 2001. – С. 20–25.

Аннотация

В статье рассказывается об уголовном деле по обвинению работника прокуратуры Татарской АССР Ходоса А.М., по вине которого в 50-е годы прошлого века были осуждены невиновные люди.

Ключевые слова: история прокуратуры Татарской АССР, дело прокурора Ходоса А.М., дело по банде Кормакова, необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

Summary

The article describes a criminal case on charges of TASSR Prosecutor Khodos A.M., by whose fault in 50th years of the last century for an uncommitted crime were convicted innocent people.

Key words: history of TASSR Prosecutor's Office, the case of the Prosecutor Khodos A.M., case of Kormakov's gang, unjustified criminal prosecution.

УДК 347.963

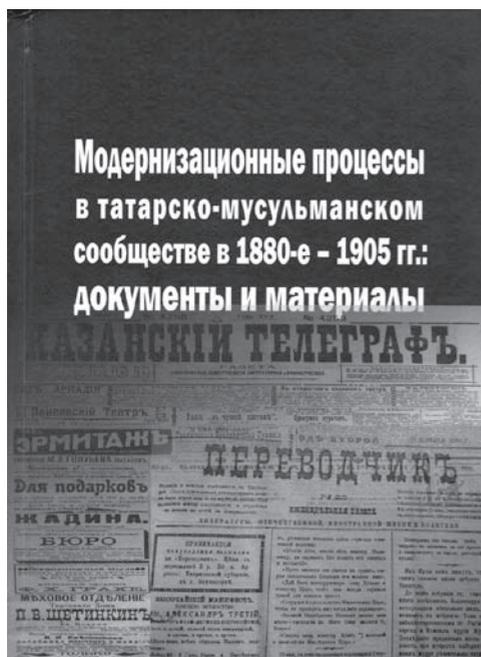
РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК
 «МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТАТАРСКО-
 МУСУЛЬМАНСКОМ СООБЩЕСТВЕ В 1880-е – 1905 гг.:
 ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ»

Ч.Х. Саматова, кандидат исторических наук

Многонациональное российское общество рубежа XX–XXI вв. испытывает разновекторные влияния: с одной стороны, это включенность в общемировые глобализационные процессы, с другой – стремление сохранить этнокультурную идентичность. Схожая проблема в конце XIX – начале XX вв. стояла перед татарским обществом. Передовая татарская общественность осознавала необходимость встраивания татарского социума в российские буржуазные реалии. В то же время, определенная часть татар видела в этом угрозу для своего общества, опасаясь разрушения его устоев.

В этом отношении сборник «Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы»¹, который раскрывает истоки, развитие, отношение российской общественности, официальной власти к обновленческим процессам в социокультурной жизни татарского общества, весьма своевременен.

Заслугой авторов сборника является стремление показать модернизацию в татарском обществе в евразийском масштабе на фоне общественной и культурной жизни российских тюрко-мусульман. Такой подход позволяет рассматривать данный процесс как в региональном аспекте, выявляя центры распространения джадидизма и проводя сравнительно-сопоставитель-

ный анализ этого явления на различных территориях компактного расселения мусульман, а также изучать его как отдельный целостный феномен, определенный этап в общественно-культурной жизни мусульманских народов.

Сборник состоит из трех разделов, два из которых составляют материалы периодической печати. Третий раздел формируют документы Департамента полиции Министерства внутренних дел.

Первая группа периодической печати представлена татарской прессой.

Публикация этих материалов предоставляет дополнительную возможность для читателей, не владеющих татарским языком и арабской графикой, обогатить свои исторические знания.

Особый интерес к татарской периодической печати связан с тем, что этот источник дает возможность взглянуть на процесс социокультурного обновления татарского общества с точки зрения идеологов и сторонников джадидизма, разобраться в их дискуссиях с кадимистами.

До начала XX в. легальным пропагандистским центром джадидизма и транслятором его идей среди российских тюрко-мусульман была газета И.Гаспринского «Тарджеман – Переводчик», издававшаяся на русском и тюркском языках. Круг проблем, интересовавших редакцию газеты, был очень широк. При приоритете вопросов образования, просвещения, благотворительности газета стремилась осветить все передовые явления и события, происходившие в жизни мусульман, практически во всех уголках Российской империи. Редакция газеты всегда была открыта для диалога и предоставляла слово общественным, религиозным деятелям, преподавателям, коммерсантам, меценатам, простым обывателям – всем тем, кто своими мыслями и делами содействовал прогрессу мусульманских народов.

Из русскоязычной части газеты «Тарджеман» авторы включили в сборник 149 статей за 1885–1905 гг. Среди них статьи самого И.Гаспринского, корреспондентов газеты, письма читателей, материалы, перепечатанные из других периодических изданий.

Тематика представленных публикаций разнообразна. Существенная доля статей посвящена проблемам образования. Именно в них, в первую очередь, прослеживается идео-

логическая направленность газеты. Редакция газеты, приводя многочисленные примеры об успехах учащихся новометодных школ из различных регионов России, убеждала единоверцев в необходимости перехода с буквослагательного на звуковой метод преподавания в мектебе и медресе, введения в них светских дисциплин, изменения отношения к обучению мусульманских девочек; рассказывала о развернувшейся борьбе между новометодистами и приверженцами старых порядков. Последние из-за нежелания потерять авторитет и финансирование мусульманской общины чинили препятствие развитию новометодных школ и даже содействовали их закрытию.

Российские мусульмане, не зная русского языка, часто не могли воспользоваться имевшимися правовыми и экономическими возможностями. Понимая это, издатели обращали внимание на необходимость формирования позитивного отношения мусульман к русско-татарским школам посредством введения в программу обучения ислама и родного языка. Редакция газеты также подчеркивала важность распространения среди единоверцев сельскохозяйственных и технических знаний. В существовавших ремесленных и земледельческих училищах вследствие преподавания на русском языке количество учащихся из мусульман было ничтожно. Эту проблему издатели газеты предполагали решить учреждением специальных профессиональных учебных заведений для мусульман. В сборнике также приведены опубликованные в «Тарджеман» статистические сведения о числе мусульманских школ и учащихся в них в Казанской губернии за некоторые годы.

Махалли тюрко-мусульман в конце XIX – начале XX вв. в решении многих социальных проблем нужда-

лись, а в ряде случаев просто не могли обойтись без финансовой поддержки меценатов, коими часто являлись успешные татарские предприниматели. Поэтому газета «Гарджеман» не упускала возможность сообщать о благотворительной помощи татарских купцов и промышленников в деле организации мечети, мектебе, медресе, библиотеки, детского приюта, столовой и др. Соответствующие статьи также вошли в аннотируемый сборник.

Авторы включили в сборник и публикации об открытии мусульманских благотворительных обществ, отчеты об их деятельности за разные годы.

Следующая часть опубликованных в сборнике материалов посвящена литературе и издательскому делу тюрко-мусульман. Здесь приводятся статьи о состоянии, нуждах и перспективах книгоиздательства, художественной, научно-популярной, религиозной литературы, рецензии на книги видных татарских просветителей, педагогов, реформаторов, сообщения о переведенных на татарский язык произведениях русских классиков.

Прогрессивное развитие нации невозможно без подъема его материального благосостояния. В этой связи редакция газеты знакомила своих читателей с опытом и успехами предпринимателей из среды тюрко-мусульман, рассказывала о происходивших промышленных выставках, ярмарках, что также отражено в сборнике.

Первая русская революция дала возможность мусульманам открыто выступить против этноконфессиональной дискриминации. В этой связи интересны приводимые в сборнике ходатайства казанских мусульман и петиция оренбургского муфтия М.Султанова о необходимости расширения гражданских, религиозных и политических свобод мусульманского населения.

Следующее периодическое издание тюрко-мусульман, материалы которого вошли в рецензируемый сборник – это альманах «Миръят» («Зеркало»). Основателем и редактором «Миръят» был видный мусульманский религиозный и общественный деятель Г.-Р. Ибрагимов. В сборник вошла 21 статья за 1900, 1902, 1903 гг. Составители проделали достойную работу по их переводу на русский язык.

Большинство источников составляют статьи Г.-Р. Ибрагимова. Другая часть – опубликованные в альманахе письма читателей, поддерживающих обновленческие процессы в татарском обществе. В сборник также вошла статья Ф.Карима «Рассуждение» о пользе чтения и приобщения татар к литературе.

Публикации из альманаха «Миръят» интересны, в том числе, и тем, что в них обоснование и призывы к модернизации представлены на фоне критики различных социокультурных составляющих татарского общества рубежа XIX – XX вв.

Статьи Г.-Р. Ибрагимова отличаются остротой слова, стремлением рельефно и объективно показать проблемы татарской махалли. Он указывает на причины сложившейся ситуации, определяет пути выхода из нее. Г.-Р. Ибрагимов говорит о необходимости распространения среди тюрко-мусульман соответствующего требованиям времени образования, русского языка, обучения мусульман в русских средних и высших учебных заведениях. Поднимает вопросы нравственности, роли мусульманского духовенства, отношения мусульман к банковской системе. Несколько статей посвящены проблемам благотворительности, достоинствам и недоработкам в деятельности мусульманских благотворительных обществ.

Из опубликованных в альманахе «Мирьят» писем обращают на себя внимание дискуссия между путешественником и хазрятот, которая помогает глубже понять точки зрения приверженцев новых и старых порядков, а также оценка со стороны татарского предпринимателя мировоззрений мулл-традиционалистов и сторонников обновления.

Вторая группа периодических изданий, представленная в сборнике, – это русскоязычная пресса. Здесь авторы остановились на материалах казанских газет «Волжский вестник» и «Казанский телеграф». Интерес к этим изданиям обусловлен тем, что они отражают отношение русскоязычной общественности к происходившим в татарском социуме обновленческим процессам.

Из газеты «Волжский вестник» составители опубликовали 47 статей за 1883–1892 гг. Эти статьи отобраны из различных разделов газеты. Среди них публикации корреспондентов газеты, материалы других печатных изданий, государственных органов, письма.

Газета «Волжский вестник» имела буржуазно-либеральную направленность «с ярко выраженными демократическими тенденциями»², что, безусловно, сказалось на содержании публикаций и оценке редакцией новых явлений в татарско-мусульманском сообществе.

Большой объем материалов посвящен вопросам распространения среди татар светского образования, русского языка. Эта тема отражена и в письмах сторонников и противников модернизации образовательной системы. Приводятся сведения о мусульманских школах татар в ряде губерний Поволжья, причем, в сравнении с состоянием школьного дела у русского населения. Не остались без внимания вопросы организации приютов, бога-

делен для мусульман, мусульманской публичной библиотеки. Составители также включили статьи о назначении муфтия и членов Оренбургского магометанского духовного собрания. Обращают внимание публикации, в которых давались разъяснения законодательным нововведениям, касавшимся образовательной и конфессиональной сферы мусульман.

Из газеты «Казанский телеграф» авторы сборника включили 61 статью за 1893–1900 гг., т.е. за тот период, когда газета еще не приобрела четкую консервативно-монархическую направленность.

В сборник вошли материалы о мектебе, медресе, русско-татарских школах, участии в организации последних органов местного самоуправления, привлечении мусульман в русские учебные заведения, открытии и деятельности мусульманских благотворительных обществ в Казани, Астрахани, Троицке, Петербурге.

Заслуживают внимание читателя публикации о Казанской татарской учительской школе. Приводятся сведения о количестве поступивших и учащихся в ней за некоторые годы, организации силами учащихся и преподавателей спектаклей, литературных вечеров, проведении на базе учительской школы педагогических курсов, педагогической и переводческой деятельности учителя школы Т.Г.Яхина.

Будучи одновременно литературной газетой, «Казанский телеграф» анонсировал татарскую светскую литературу и переводы на татарский язык русских произведений. Эти статьи также вошли в сборник.

Следующих пласт материалов – это архивные документы Департамента полиции Министерства внутренних дел о распространении прогрессивного социокультурного движения среди российских мусульман из Государственного архива Российской Федера-

ции. Большинство документов впервые вводится в научный оборот.

Документы представляют собой рапорты губернаторов, генерал-губернаторов, начальников областей населенных мусульманами территорий Российской империи. Эти отчеты являются ответом на запрос Департамента полиции о наличии в подведомственных им районах прогрессивных литераторов, их связях с младотурками, о новометодных школах, их преподавателях и руководителях.

Представленные в сборнике документы дают возможность рассмотреть процесс изучения джадидистской проблематики официальной властью, выявить оценку данного явления органами центральной власти и местными руководителями, показать степень их осведомленности в этом вопросе.

Эти материалы содержат некоторые статистические данные о мектебе, медресе, в том числе, новометодных,

времени их открытия, преподавателях и учащихся, мусульманских общественных деятелях и др. Опубликованные документы позволяют выявить специфику и общие черты в обновленческом движении в различных регионах Российской империи, показать в нем роль татар.

Несомненным достоинством издания является вспомогательный аппарат в виде комментариев к предметно-тематическим терминам, именного и географического указателей.

Выбранный составителями комплексный подход позволил продемонстрировать модернизационные процессы в татарско-мусульманском обществе всесторонне, в различных регионах, в тесной связи с общественно-культурным развитием татарско-мусульманского социума. Остается пожелать авторам сборника продолжить исследование и расширить хронологические рамки до революционных событий 1917 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы / Сост. И.К.Загидуллин, Н.С.Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З.Багаутдинова; под. ред. И.К.Загидуллина. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. – 532 с.

² Там же. – С.201.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

16–17 декабря 2014 г. в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук РТ прошла Международная научная конференция «Актуальные вопросы развития искусствоведения в России и странах СНГ», посвященная 135-летию со дня рождения выдающегося казанского искусствоведа, музейного деятеля, педагога, художника Петра Максимилиановича Дульского (1879–1956).

П.М.Дульский – знаковая фигура татарстанской и российской художественной культуры первой половины XX века. Выдающийся искусствовед и педагог, он заложил основы искусствоведения казанского края, написав многочисленные труды по истории искусства и архитектуры Казанской губернии и советского Татарстана, без обращения к которым теперь невозможны многие исследования. П.М.Дульский внес неоценимый вклад в развитие искусства книги и книгоиздательского дела республики, на протяжении ряда лет ведя курс графических дисциплин в Полиграфической школе им. А.В.Луначарского в Казани и на графическом отделении Казанского художественно-педагогического техникума, занимаясь художественным оформлением многочисленных изданий Центрального музея, Полиграфшколы и других издательств. Был инициатором издания и редактором первого российского специализированного музейного журнала «Казанский музейный вестник» (1920–1924), собравшего вокруг себя выдающихся деятелей музейного дела России и Европы.

В конференции участвовали исследователи из 9 стран: России, Азербайджана, Германии, Казахстана, Молдовы, Нидерландов, Польши, Турции, Узбекистана. Россия была представлена учеными из Москвы и Санкт-Петербурга, а также национальных республик и регионов: Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Марий Эл, Татарстана, Чувашии, Омской, Кировской, Ярославской областей, Красноярского края. Участники конференции – представители ведущих научно-исследовательских учреждений, высших и средних специальных учебных заведений, музеев – работали по нескольким направлениям: теория и методология искусствоведения, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, театр, музыка, художественное образование, музееведение. Это позволило специалистам обсудить наиболее актуальные проблемы современного искусствоведения, обменяться широким спектром мнений, найти точки взаимодействия и сотрудничества.

Главные задачи конференции – объединить исследователей, изучающих жизнь, научное и творческое наследие П.М.Дульского, дать объективную оценку его роли в отечественном искусствоведении. Кроме того, конференция призвана развивать диалог и сотрудничество между учеными России, стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья, работающими по разным направлениям и представляющими разные школы.

В центре внимания форума также стояли проблемы тюркологического искусствознания, которые обсуждались на протяжении последних лет на научных конференциях, проведенных отделом изобразительного и декоративно-при-

кладного искусства ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова: «Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов» (2008), «Искусство войлока в тюркском мире: история и современность» (2009), «Творчество Баки Урманче и актуальные проблемы национального искусства» (2012).

Выступления специалистов из разных регионов России и других стран показали, что существуют некоторые проблемы, общие для всех. От подготовки высококвалифицированных, компетентных специалистов во многом зависит будущее нашей культуры – во всех ее областях. Едва ли не главной из них на сегодняшний день становится проблема специального художественного образования (по изобразительному искусству, театру, музыке). О сокращении часов на подготовку, сужении специальных образовательных курсов, а также необходимости их обновления говорили ведущие специалисты – преподаватели крупнейших вузов и средних специальных заведений (музыковед Гузель Сайфуллина из Нидерландов, Светлана Грачева из Академии художеств (Санкт-Петербург), театроведы: Нияз Игламов из Казани, Саня Кабдиева из Казахстана и др.).

Конференция сопровождалась книжной выставкой, где были представлены работы ее участников.

Среди публикаций, вызвавших особый интерес участников и гостей конференции, оказалась книга музыковеда Гузель Сайфуллиной «Ислам и музыка. Взгляды татарских богословов».

В рамках конференции прошла презентация книг Т.Н.Кривошеевой «Скульптура Татарстана: истоки, становление, традиции» и Д.И. Ахметовой «Проблемы стилового многообразия в ситуации современной художественной культуры».

В книге Татьяны Кривошеевой «Особенности развития скульптуры Татарстана: истоки, становление, традиции», изданной на основе кандидатской диссертации, впервые поставлена масштабная по историко-культурному охвату проблема истоков и особенностей формирования татарской скульптуры. Реконструкция особенностей становления и сложнейшей эволюции татарской скульптуры на протяжении пяти периодов развития от доисламского до постсоветского периода позволили автору провести анализ особенностей образно-пластического языка скульптуры в историческом развитии, раскрыть константные морфологические признаки, характерные для исторически значимых периодов, а также обозначить современные тенденции. Татарская скульптура на протяжении своего развития смогла выработать уникальные принципы преемственности с традиционной культурой, благодаря сохранению мировоззренческих основ, отражающих специфические черты тюркского этноса. Для татарских скульпторов, воспринявших европейские жанры и формы пластики, остались основополагающими этнокультурные традиции и духовные константы народа. Автор смог раскрыть синтез европейских и традиционных элементов в скульптуре XX века, показать органичное сочетание инновационных и традиционных элементов в современной пластике. Заслугой автора является то, что она творчески распространила «Теорию формального изобразительного языка тюркской миниатюры» С.Дадашева на произведения монументальной скульптуры.

Дина Ахметова в своей монографии «Стилевое многообразие в ситуации современной художественной культуры» (2014) изобразительное искусство Татарстана вводит в контекст развития современной художественной культу-

ры. Вопрос о стилевом многообразии актуален для татарстанского искусства, поскольку при доминировании реалистического искусства в нем существуют и различные художественные направления, являющиеся прямым отражением современного мира в его текучести, изменчивости и неопределенности. Теоретическая и практическая значимость этой монографии состоит в том, что стилевое многообразие в художественной культуре рассматривается с позиций ситуационности. Автором разработана типология стилевого многообразия, свойственная гетерогенной ситуации в художественной культуре, что намечает ряд перспективных направлений для дальнейших исследований в развитии художественной культуры Татарстана, в частности, не только в изобразительном искусстве, но и в фотоискусстве, кинематографе и в театре, а также в моде, индустрии развлечений и др.

* * *

18 декабря 2014 г. в Академии наук РТ прошло заседание Президиума общества изобретателей и рационализаторов, на котором присутствовали вице-президент АН РТ Вадим Хоменко и член-корреспондент АН РТ Ниль Кашапов.

Был заслушан отчет о деятельности общества за прошедший год и намечены планы на 2015 год. В ходе работы заседания были сформированы механизмы взаимодействия с Академией наук РТ в плане коммерциализации, инноваций, импортозамещения. В порядке обсуждения были рассмотрены порядок проведения экспертизы проектов, их продвижения, обучения и повышения квалификации.

* * *

22–23 декабря 2014 г. Академия наук РТ и Ассоциация предприятий малого и среднего бизнеса РТ провели III Республиканскую конференцию «Взаимодействие бизнеса и власти: современные вызовы и выбор пути развития предпринимательства в РТ».

По результатам конференции планируется подготовить конкретные рекомендации и предложения по сотрудничеству с органами муниципальной, республиканской и федеральной властей в вопросах развития предпринимательства в усложняющихся условиях.

* * *

23 декабря 2014 г. в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ прошел круглый стол «Научное наследие Л.Заяля в контексте развития современного языкознания», приуроченный к 120-летию со дня рождения ученого.

С докладами выступили такие ученые, как М.З. Закиев, Н.Ш. Хисамов, Ф.М. Хисамова, Д.Б. Рамазанова, И.Б. Баширова, Ф.С. Баязитова, Р.Г. Ахметьянов, Ф.А. Ганиев, Ш.Н. Асылгараев. Деятельность Латыфа Заяля охватывала разные направления татарского языкознания. Благодаря своим монографическим трудам («Материалы по исторической фонетике», «Историческая морфология татарского языка», «Татарская диалектология», «Средний диалект татарского языка», «Основы орфоэпии татарского языка») он был признан основоположником сразу нескольких направлений татарского языкознания. В прозвучавших

на круглом столе выступлениях были рассмотрены различные аспекты современного языкознания: сохранение и развитие национальных языков, татарская диалектология, стилистика татарского языка, историческая морфология и историческая грамматика, духовная культура и наследие ученого, татарская этимология и т.д.

* * *

23 декабря 2014 г. Академия наук РТ и Ассоциация предприятий малого и среднего бизнеса Республики Татарстан заключили соглашение о сотрудничестве для решения общественно значимых и масштабных задач в сфере научного исследования и решения проблем малого и среднего предпринимательства в интересах достижения совпадающих целей и на согласованных принципах взаимодействия. Соглашение подписали президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов и президент Ассоциации Хайдар Халиуллин.

* * *

23–27 января 2015 г. в рамках договора о научно-техническом сотрудничестве между Национальной академией наук Республики Азербайджан и Академией наук РТ состоялся визит делегации НИПИ «Нефтегаз» в составе: директора научно-технического центра «Нанотехнологии» Э. Шахбазова, зав. лабораторией «Буровые и цементные растворы» Э. Кязимова, научного сотрудника НИПИ «Нефтегаз» Ф.Агаева в Республику Татарстан с целью ознакомления с научно-техническим потенциалом АН РТ, ведущих вузов и предприятий республики, а также для организации презентации НИПИ «Нефтегаз» по применению нанотехнологий для увеличения нефтеотдачи пластов.

* * *

24 декабря 2014 года в Альметьевске состоялось совещание представителей Торгово-промышленной палаты РТ и ОАО «Татнефть» по вопросу взаимодействия с Академией наук РТ в части проектов развития ОАО «Татнефть».

Достигнута договоренность о создании Международного инновационного центра и представительства АН РТ на территории Юго-Востока республики.

Академию наук РТ представлял вице-президент АН РТ Вадим Хоменко.

* * *

25 декабря 2014 г. Президент Татарстана Рустам Минниханов вручил Государственные премии Республики Татарстан в области науки и техники. Церемония награждения состоялась в Казанском Кремле.

«Сегодня государство и общество ждут от наших ученых укрепления самостоятельности отечественной науки, обеспечения высокого уровня исследований. Отрадно, что с каждым годом растет связь науки с реальным сектором экономики. Ярким примером такого взаимодействия является деятельность ОАО «Татнефть»», – отметил Президент РТ.

Он напомнил, что в уходящем году две крупные научные разработки татарстанских нефтяников заслуженно удостоены Государственной премии. «Признание должно стать для нефтяников дополнительным стимулом для дальнейшей поддержки и развития прикладных и научных разработок», – подчеркнул

Р.Минниханов. Близка нефтяной отрасли проблема рекультивации нефтезагрязненных земель. Татарстанскими учеными были предложены новые безопасные и экономически выгодные технологии, которые позволяют сократить сроки процесса рекультивации в 3–4 раза. «Дело за внедрением этих технологий», – отметил глава республики.

Государственные премии Татарстана получили также два коллектива, работающие в сфере здравоохранения и медицины. «Эта отрасль всегда была важнейшим приоритетом в Татарстане, объектом системных вложений финансовых и интеллектуальных ресурсов», – сказал Президент РТ. Он также напомнил, что более 20 лет татарстанские ученые и практики внедряли метод магнитно-резонансной терапии, что позволило обеспечить эффективность диагностики и лечения ряда серьезных заболеваний, при этом удалось сократить сроки обследования больных. Кроме того, итогом многолетних исследований ученых Института органической и физической химии им. А.Е.Арбузова стала разработка методологий создания лекарственных препаратов нового поколения.

«Также поддержан выдвинутый проект по реализации методики «Бережливое производство». Убежден, что за нею будущее нашей экономики, – добавил Р.Минниханов. – В научном сообществе всегда особо ценились премии за индивидуальный вклад в науку, в этом году присуждены две такие премии». Президент Татарстана поблагодарил лауреатов премии за вклад в отечественную науку, после чего состоялась церемония награждения.

За цикл монографий «Теория познания с элементами семиотики» премия была вручена заведующей кафедрой философии КГЭУ Эмилии Тайсиной. За серию научных трудов «История татарской драматургии» награду получил профессор, член-корреспондент АН РТ Азат Ахмадуллин.

За работу «Разработка и применение методов магнитно-резонансной томографии в медицинской диагностике» были награждены работники Республиканской клинической больницы №2, а также представители вузов.

За создание методологии синтеза новых классов макроциклических соединений – основы лекарственных средств нового поколения – премии удостоились работники Института органической и физической химии им. А.Е.Арбузова.

За разработку и внедрение на территории республики инновационной технологии рекультивации нефтезагрязненных земель были отмечены представители Татарского научно-исследовательского института агрохимии и почвоведения Российской академии сельскохозяйственных наук.

Работники ОАО «Татнефть» им. В.Д.Шашина удостоились премии за создание и внедрение технологий интеллектуализации системы управления разработкой Ромашкинского нефтяного месторождения, а также за повышение эффективности разработки нефтяных месторождений РТ с использованием скважин с горизонтальным бурением. Также премия была вручена команде ученых за работу «Разработка и реализация долгосрочной целевой программы «Бережливое производство» в РТ на 2012–2013 годы». Чествование лауреатов Государственной премии было продолжено в Академии наук Республики Татарстан.

С приветствием к гостям обратился президент АН РТ Мякзюм Салахов. Открывая встречу, он напомнил, что Государственные премии Республики Татарстан в области науки и техники присуждаются с 1994 года за значительный вклад в развитие гуманитарных, естественных и технических наук, за разра-

ботку и внедрение принципиально новых ресурсосберегающих и экологически чистых технологий и техники, прогрессивных материалов, машин и механизмов, которые по своим показателям находятся на уровне лучших мировых аналогов, а также за выдающиеся производственные результаты, полученные на основе широкого внедрения достижений науки и техники.

Далее президент АН РТ отметил, что в этом году лауреатами премии стали крупные ученые, преподаватели, руководители и сотрудники ведущих научных и производственных организаций, которым он вручил дипломы и удостоверения лауреатов Государственной премии.

На чествовании присутствовали: вице-президент АН РТ Джавдет Сулейманов, главный ученый секретарь АН РТ Дания Загидуллина, советник президента АН РТ Ахат Ильясов.

* * *

25 декабря 2014 г. в Минпромторге РТ прошло республиканское совещание по вопросу решения кризисных проблем в части импортозамещения. На встрече присутствовали руководители оборонных предприятий Татарстана. Академию наук РТ представлял вице-президент АН РТ Вадим Хоменко.

* * *

27 января в Академии наук состоялась презентация реализации Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков РТ и других языков в РТ на 2014–2020 годы».

Одним из блоков задач в рамках Программы является создание системы татарско-русского и русско-татарского машинного перевода. Реализация этого блока задач предполагает активную совместную работу переводчиков органов государственной власти с инновационными лингвистическими технологиями с целью создания электронной базы переводов и двуязычного глоссария в паре русский-татарский.

В ходе презентации состоялся пресс-завтрак, на котором представители СМИ смогли познакомиться с Государственной программой, этапами реализации и ответственными за каждый этап.

Далее состоялось заседание «круглого стола» «Современные лингвистические технологии», в котором приняли участие представители органов государственной власти РТ, Института прикладной семиотики АН РТ, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, компании «ABBYY Language Services», представители общественности и СМИ.

Были рассмотрены вопросы создания системы распознавания человеческой речи и синтезатора татарской речи, о разработке мобильных приложений, создании сайта локализованных программ.

Для участников мероприятия была показана презентация процесса автоматизации перевода русский-татарский и татарский-русский, был проведен практический тренинг «Использование возможностей CAT-программ на примере ABBYY SmartCAT». Зарегистрированные участники получили сертификаты.

* * *

3 февраля 2015 года в IT-парке состоялось заседание итоговой коллегии Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан «Об итогах

деятельности Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан в 2014 году и задачах на 2015 год».

В работе коллегии приняли участие: руководитель Агентства инвестиционного развития РТ Минуллина Т.И., генеральный директор ООО «Хайер Электрикал Эпплаенсис» г-н Ван Шоужун, Генеральный консул Республики Турция в г. Казани Турхан Дильмач, вице-президент Ассоциации предпринимателей провинции Хэбэй (КНР) г-н Ван И., генеральный директор ОАО «ОЭЗ «Иннополис» Носов И.Н., ректор Московской школы управления «Сколково» Шаронов А.В.

Задачи взаимодействия Агентства инвестиционного развития РТ и Академии наук РТ по вопросам инвестиционной политики в Татарстане прозвучали в выступлении президента Академии наук РТ Салахова М.Х. «Нам нужна обоснованная инвестиционная политика, – отметил он, – чтобы не получалось так, что мы привлекаем инвестиции для развития какого-либо производства, а другие наши производители находятся в невыгодном положении. Привлеченные инвестиции должны способствовать развитию не только конкретного производства, но и смежных с ним направлений, обеспечивать синергетический эффект».

Далее Мякзюм Салахов обратил внимание на необходимость системного подхода к выбору проектов, прогнозного моделирования на основе формирования обобщенной базы данных по всем предприятиям республики, что позволит решать задачи импортозамещения и в дальнейшем – наращивать экспорт.

«Важную роль в процессе определения приоритетов в инвестиционной политике, – обозначил президент АН РТ, – призваны сыграть Корпорация развития и первая в Российской Федерации Корпорация экспорта РТ».

Он заверил собравшихся, что ученые Татарстана могли бы внести свой вклад в разработку инвестиционной политики республики совместно с Агентством инвестиционного развития, Минэкономки, Минпромторгом.

С заключительным словом выступил Президент Республики Татарстан Минниханов Р.Н. «В современных условиях, – отметил он, – есть определенные сложности в поиске инвесторов, и необходимо разрабатывать новые направления».

Благополучие Татарстана – в его сильной экономике, для ее развития нам необходимы высокопрофессиональные кадры, без обновления, без научной и образовательной среды мы не сможем быть конкурентными на современном рынке, считает Рустам Минниханов.

В присутствии Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова были подписаны два Соглашения о взаимодействии между Дрожжановским муниципальным районом РТ и Ассоциацией предпринимателей провинции Хэбэй Китайской Народной Республики (КНР), а также между Агентством инвестиционного развития РТ и ООО «Бенконс Констракшн» (Азербайджан).

* * *

Мякзюм Салахов: «Большой вопрос – невостребованность науки»

(Из интернет-конференции «БИЗНЕС Online» 03.02.2015 г. Вопросы задавала Татьяна Завалишина).

– Мякзюм Халимулович, некоторые наши читатели задают вопрос, а зачем вообще Татарстану нужна своя академия наук: «Многие государства не имеют АН, а мы уж без нее прожить не можем? Существующие научные учреждения можно подчинить министерству образования и науки, а

для координации исследований в РТ создать, например, совет при президенте РТ». (Дилетант)

– Я не согласен, что многие государства не имеют своих академий. Наоборот, многие развитые государства поддерживают фундаментальные исследования через национальные академии. Другое дело, как они организованы. Но суть у них одна: и Лондонское Королевское общество, и Союз немецких академий, и Национальная академия США осуществляют функцию управления фундаментальной наукой.

Что касается России, то в 90-е годы многие республики создали собственные академии наук, в трех из них удалось их сохранить: в Татарстане, Башкортостане и Саха (Якутия). Я думаю, в том числе и благодаря созданию своей академии наук Татарстан стал одним из самых передовых регионов страны. Деятельность Академии наук РТ сыграла свою большую положительную роль в социально-экономическом, технико-технологическом, культурном развитии республики. Республиканская академия взяла на себя те научные задачи, решением которых в России никто не занимается. Это, прежде всего, вопросы истории и культуры татарского народа и народов Татарстана.

– Читатели считают, что это можно было бы сделать и без создания академии...

– Я считаю, что для эффективного развития науки в республике нужен был единый координационный центр. Кроме того, создание академии позволило сохранить существующие в Татарстане научные школы. Академия поощрила, выделила ведущих ученых республики.

– Кроме того, что академия поддерживает ведущих ученых, какие есть зримые результаты ее работы за последние 10–15 лет?

– Результаты, несомненно, есть. В качестве примера можно привести большой инвестиционный проект, в котором ученые, члены Академии наук РТ приняли самое активное участие – это 1000-летие Казани. Все же именно гуманитарии – археологи, историки смогли доказать эту дату. Можно также упомянуть о 7-томной «Истории татар с древнейших времен до наших дней», 6-томной «Татарской энциклопедии», «Академической грамматике» в трех томах, книгах из серии «Tartarica», 25-томном своде «Татарское народное творчество» на татарском языке, текстологической подготовке произведений классиков татарской литературы, например, Гаяза Исхаки в 15 томах. Экологическими проектами «Чистая вода», «Чистый воздух» и другими актуальными для республики вопросами также занимаются ученые наших институтов.

– Можно ли вычислить коэффициент полезности местной академии, оценить вклад ученых в производство, в экономику? (Ильдус Мубаракшин)

– Главным является то, что за 20 лет полезность и нужность Академии наук РТ для республики признана на государственном уровне и со стороны широкой общественности. Потом, имейте в виду, что фундаментальные исследования далеко не сразу и не всегда дают отдачу. А как рублем и процентами КПД измерить культурную и духовную сферу? И, тем не менее, 1000-летний юбилей Казани стал самым успешным историко-экономическим инвестиционным проектом Татарстана, он принес республике порядка 70 миллиардов рублей инвестиций.

В активе академии научно-методическое сопровождение других крупных проектов: обоснование 1000-летия Елабуги (привлечено 7 миллиардов рублей); «Возрождение Острова-града Свияжск и Древнего Болгара», что позволило

включить Булгар в список «ЮНЕСКО» и способствовало ежегодному привлечению в республику порядка миллиарда рублей. Эти проекты превратили Татарстан в туристический центр России, а это – большие деньги, дополнительное пополнение бюджета. Вот самый свежий пример: наша академия стала соисполнителем в создании республиканского историко-архитектурного и литературного музея-заповедника в Чистополе. В декабре заповедник выиграл грант правительства РФ в размере 1,5 миллиарда рублей.

Участие казанских астрофизиков, в том числе сотрудников Центра астрофизики АН РТ в крупных космических проектах, например, INTEGRAL, в котором задействованы многие страны Европы и США, также является предметом гордости научного сообщества Татарстана. Только за последние годы казанские астрофизики сделали ряд открытий, часть из которых вошла в перечень «Основных достижений российской астрономии». Есть эффективные проекты в области медицины, нефтепереработки, ряда других технологий, формирования международных транспортных коридоров и т.д.

– Вы работали в КГУ, сегодня возглавляете АН РТ. Уверен, проблема кадров, проблема постоянного притока в науку талантливых молодых ученых волнует вас. У Вас есть реальный рецепт, как остановить «утечку мозгов» на Запад? Что можно сделать силами нашей республики, АН РТ? (Андрей Федоров)

– Да, больной вопрос для всей страны – это невостребованность науки. Отсюда и утечка кадров. Поговорка «Нет пророка в своем отечестве» остается актуальной.

У меня есть рецепт: надо, чтобы государство и социум создали надлежащие условия для молодых талантов. Следует добиться того, чтобы наука была, наконец-то, востребована в нашей стране. Может быть, нынешние санкции со стороны Запада создадут стимулы для решения этой проблемы.

– Возвращение талантливых ученых может стать одной из задач Академии наук РТ?

– Сегодня это очень трудноразрешимая задача. Знаете, хорошим ученым много денег и не надо. Им нужно столько, чтобы они не думали о быте своей семьи. Возвращение ученых – это целый комплекс вопросов: менталитет, условия творчества, окружающая среда в работе и жизни, приборная база.

– Ученых привлекают к разработке стратегий развития?

– Привлекают. Академия наук РТ всегда участвовала в разработке и экспертизе крупных республиканских программ, это относится и к «Стратегии 2030».

– А в России вообще что-то осталось от науки?

– Конечно, за эти годы Россия практически потеряла прикладную и отраслевую науку, но частично сохранилась фундаментальная наука. Но у нас много талантливых специалистов, и не все из них уезжают на Запад. В любом университете есть процентов 10 сверхталантливых ребят. Другое дело – востребованность. Они в вузе занимаются передовыми разработками, а куда дальше пойдут? Опять повторюсь: необходима государственная поддержка науки, и тогда появятся и фундаментальные, и прикладные направления, и конкретные проекты, и результаты.

– Российские ученые уже много лет говорят, что они не востребованы. И так ничего в стране не сделано?

– В советское время все предприятия оплачивали НИОКР, и в рамках этих средств заказывали и покупали новые технологии и оборудование у отечест-

венных ученых. Это способствовало развитию науки. Скажем, катализаторы раньше мы делали сами, ни у кого не покупали. Потом все нарушилось. В современных рыночных условиях компаниям выгоднее купить технологии и оборудование на Западе. Эту ситуацию надо менять. Без государственного регулирования заказа науке не будет. Государство должно вкладывать в завтрашний день, чтобы отвечать на новые вызовы.

– Но ведь у нас масса огромных госкорпораций. Почему они не вкладывают в развитие своей науки?

– Эти корпорации опираются на те же самые рыночные принципы при отсутствии должного государственного регулирования в этой сфере.

– Хорошо, российское правительство ученых не загружает, но в Татарстане – своя академия. Правительство республики что-нибудь заказывало вам?

– Весь бюджет Академии наук РТ строится на государственном задании правительства Татарстана. Кроме того, мы выполняем многие государственные заказы министерств и ведомств республики.

– За последние годы Татарстан увеличил финансирование науки?

– Да, в последние годы наблюдается стабильное увеличение финансирования науки. Кроме того, Татарстан софинансирует научные разработки через систему грантов. Например, если Российский фонд фундаментальных исследований дает 20–30 миллионов рублей, то республика выделяет столько же. Идет господдержка различных научных конференций и съездов. Также в Татарстане много программ развития, финансирование которых заложено в бюджете.

– Период западных санкций – самое время ученым РТ показать «товар лицом». Как АН РТ сотрудничает с предприятиями промышленности, строительства, сельского хозяйства? (Зуфар)

– Академия занимается формированием перечня проектов по импортозамещению. Например, ученые республики занимают передовые позиции в мире в области химии и технологии очистки углеводородного сырья от сернистых соединений. Успешно ведутся фундаментальные и прикладные исследования по разработке новых и усовершенствованию существующих технологий, гомогенных и гетерогенных катализаторов для переработки высокосернистых газов и нефтей. В настоящее время находится на стадии внедрения в производство ряд новых лекарственных препаратов, идет разработка новых сортов и агротехнологий производства гречихи для медицинской биотехнологии, диетического и детского питания и др.

Академия наук РТ занимается также вопросами создания наиболее благоприятных условий для развития инфраструктуры разработки и внедрения проектов импортозамещения. Например, разработана концепция по формированию маркетинговых и инжиниринговых центров, обеспечивается научное сопровождение и экспертная оценка комплексного проекта социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года.

– Наверное, уже прошли времена, когда великие научные открытия происходили благодаря таланту, озарению, кропотливому пытливному труду отдельных выдающихся исследователей-отшельников. Сегодня наука — это целенаправленный коллективный труд. А величие открытий определяется величию поставленных перед учеными задач. Какие научные задачи, с достойной нашей республики претензией на величие, можно было бы поставить перед учеными Татарстана? (Фандас Сафиуллин)

– Я думаю, великие научные открытия происходили и происходят благодаря таланту, озарению, кропотливому пытливному труду отдельных выдающихся исследователей. Но сегодня они имеют возможность опереться на результаты целых коллективов. В принципе важно, чтобы и ученые сами инициировали эти задачи. Приведу пример: Россия безнадежно отстала в таком направлении, как нанофотоника, и ученые поставили задачу развития этого направления, убедили в необходимости этого российское правительство. И теперь данное направление стало в России приоритетным, и Казань тоже включилась в этот процесс.

Что касается конкретно нашей академии, то мы занимаемся научно-инновационным обеспечением всех значимых для республики проектов и программ. Особенно важна задача импортозамещения, которая, собственно, предполагает выход на самый высокий научный результат. Например, ученые академии разработали концепцию устойчивого развития агропромышленного комплекса республики, обладающую значительным потенциалом импортозамещения.

Вместе с тем, сегодня надо ставить новые задачи. В гуманитарной сфере мы нацеливаем институты работать в едином направлении с Всемирным конгрессом татар, с Комитетом по образованию, культуре, науке и национальным вопросам Госсовета Татарстана, с профильными министерствами. В процессе объединения татар всей России первый этап прошел, но надо двигаться дальше – углубленно изучать историю татарского этноса в различных регионах страны и т.д.

– Имеются ли в АН РТ научно-исследовательские разработки для строительной отрасли, а именно для производства стройматериалов – ЖБИ? Сейчас много говорится об импортозамещении, как, по-вашему, можно осуществить импортозамещение такого же качества оборудования, химдобавок за короткие сроки при производстве ЖБИ? (Бадретдинова Роза Хасановна)

– По импортозамещению в республике имеется ряд проектов, в том числе производство карбонатных цементов низкой водопотребности, который позволяет наполовину сократить поставки импортных химдобавок; разработка малотоннажных установок для производства добавок (пластификаторов, ингибиторов, антибактериальных препаратов) к строительным материалам и продуктам нефтехимии. Проект разработки модифицирующих комплексных добавок для производства сухих строительных смесей – исключительно на основе местных минеральных и химических компонентов. Этот список можно было бы продолжить.

– Что из себя сегодня представляет Академия наук РТ?

– В составе академии – 40 академиков и 80 членов-корреспондентов, объединенных в рамках семи отделений. У нас 6 институтов и два центра, в которых в целом трудятся порядка 500 человек. В аппарате академии работают 70 человек.

– Вы полгода возглавляете Академию наук РТ. Что-то уже сделано за это время? К примеру, в определении стратегии и структуры академии?

– За этот период времени скорректированы основные направления развития институтов в связи с утвержденным в Республике Татарстан перечнем приоритетных направлений развития науки. Особое внимание уделено усилению работы с республиканскими министерствами и ведомствами. В рамках постановления Кабинета Министров Республики Татарстан № 335 произошло пере-

форматирование Института Татарской энциклопедии, а на базе Института информатики создан Институт перспективных исследований. Также мы усилили Центр исламоведческих исследований, более четко определили программу его работы.

– **На общем собрании АН РТ в июне 2014 года вы сказали, что новая стратегия академии до 2025 года будет представлена осенью 2015-го. Работа над ней уже идет?**

– Академия наук РТ участвует в разработке «Стратегии 2030», поэтому план развития академии как центра научного обоснования и экспертизы «вплетен» в общую стратегию. По большому счету, основная роль академии – это, во-первых, определение и координация приоритетных научных направлений, во-вторых, ее экспертная деятельность. Все большие проекты должны проходить научную экспертизу. Стратегия развития самой АН РТ тоже разрабатывается в увязке с общими задачами.

– **Членами нашей академии состоят уважаемые люди. А какие есть к ним требования со стороны? Например, тянет ли академик АН РТ на членкора РАН? Или, может, членкор АН РТ тянет на академика РАН? Существует ли какой-либо сопоставительный анализ качества работы лиц и учреждений? (Дилетант)**

– Требования к выборам в члены Академии наук РТ и Российской академии наук, а также к эффективности работы академических учреждений одинаковы. В нашей академии есть академики, которые являются академиками и Российской академии наук: **Салихов, Тарчевский, Сагдеев, Коновалов, Сюняев, Нигматулин**. Среди почетных членов АН РТ также немало академиков и членов-корреспондентов Российской и других академий наук.

– **А кто оценивает работу академика потом?**

– При избрании в АН РТ деятельность каждого претендента подробно анализируется и оценивается всем академическим сообществом. Впоследствии ежегодно члены АН РТ отчитываются перед профильными отделениями Академии.

– **Что вы планируете сделать, чтобы как-то изменить ситуацию и привлечь в ряды АН больше республиканских ученых мирового класса, но не сидящих в административном кресле? Почему, например, в процессе выборов не учитывается мнение независимых (в том числе и международных) экспертов, способных разглядеть «голых королей» на ранней стадии? Почему игнорируется наличие независимых экспертных баз, например, проекта «Корпус экспертов»? (Ren_Boz)**

– Во-первых, как известно, и в Российской, и в нашей академии в последнее время объявлен мораторий на выборы, и никаких выборов не происходило. Во-вторых, в академии работают ученые высокого класса, а не чиновники от науки. Конечно, бывали попытки кого-то «протолкнуть» в академию, но его просто не избирали. И президент РТ поддерживает такую политику.

– **Будет ли что-то сделано в сфере популяризации и объяснения, зачем и что исследуется в АН РТ? Желательно простым языком, чтобы простые люди без ученой степени в нужной сфере могли понять, на что были потрачены бюджетные средства. (Иванин Константин)**

– В постоянном режиме ведется работа по пропаганде научных знаний в общеобразовательных учреждениях, детских и юношеских центрах творчества Казани и республики, в печатных и электронных средствах массовой инфор-

мации, организуются публичные лекции, обеспечивается научно-методическое сопровождение телевизионных передач и т.д. Приведу несколько примеров. Большой общественный резонанс получили совместные выставочные проекты Музея археологии Института археологии с музеем-заповедником «Казанский кремль», с музеем истории Лаишевского края, Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником, НКЦ «Казань». Выпускается журнал «Научный Татарстан» на русском и «Фэнни Татарстан» – на татарском языке. Организуем крупные мероприятия: конференции, семинары, круглые столы, публичные лекции, презентации новых изданий наших институтов и членов АН РТ.

Согласен, что надо усиливать эти направления. Давайте вместе с вами думать, как и в каких формах это сделать. К примеру, проводить популярные лекции по приоритетным направлениям развития науки. В наших планах – организация регулярных передач на телевидении, хотим также предложить вам свою рубрику на сайте «БИЗНЕС Online».

– **За какой проступок человека вы не подадите ему руки?** (Эльмира)

– Наверное, мне повезло в жизни: нет ни одного человека, которому я не подал бы руки. Или я умею прощать. Есть татарская поговорка, которую дословно можно перевести так: «Если в тебя кинули камнем, брось в ответ еду».

– **В чем заключается ваше жизненное кредо?**

– Любое дело довести до конца. Но это кредо я не формулировал для себя специально, просто я – упрямый.

– **Какой цели вы хотите добиться на посту президента Академии наук РТ?**

– Хочется поднять статус академии как центра экспертной оценки. Также задача академии – координация работы институтов и научных центров в целях развития Татарстана.

– **Мякзюм Халимулович, успехов вам на новом поприще!**

* * *

3 февраля 2015 г. президент Академии наук Республики Татарстан Салахов М.Х. встретился с президентом Академии наук Башкортостана Бахтизиним Р.Н. Были обсуждены вопросы взаимовыгодного сотрудничества в области науки и техники.

* * *

5 февраля 2015 г. в резиденции Президента Татарстана в Казанском Кремле состоялась встреча Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова с Премьер-министром Республики Казахстан Каримом Масимовым. В встрече также принял участие президент Академии наук Республики Татарстан Мякзюм Салахов.

* * *

6 февраля 2014 г. в Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное собрание, посвященное Российскому дню науки, в котором приняли участие Председатель Государственного Совета Республики Татарстан Ф.Х.Мухаметшин, заместитель Премьер-министра РТ, министр образования и науки Э.Н.Фаттахов, председатель Совета РФФИ, академик РАН В.Я. Панченко, академик РАН, почетный член АН РТ Р.З.Сагдеев, председатель КазНЦ РАН, академик РАН О.Г.Синяшин.

«Сегодня мы в очередной раз собрались по случаю нашего профессионального праздника. День науки был учрежден указом президента России 7 июня 1999 года. Этот праздник приурочен к дате основания Российской академии наук, созданной по повелению императора Петра I указом Сената от 8 февраля 1724 года, и с тех пор существует повод отмечать наш профессиональный праздник», – этими словами открыл собрание президент Академии наук РТ Мязюм Салахов.

«Управление наукой является первостепенной задачей любого значимого на мировой арене государства, поскольку наука – это не только интеллект нации, – сказал далее Ф.Х.Мухаметшин. – Именно она, как показывает исторический опыт последних столетий, определяет саморазвитие цивилизации».

«Ученые несут особую миссию по разработке и внедрению инноваций, что повышает конкурентоспособность Татарстана, – уверен Фарид Мухаметшин. – Татарстан входит в пятерку лучших регионов страны по экономическим показателям. В этом огромный вклад академического сообщества».

Фарид Мухаметшин также отметил, что в последние годы Академия наук взяла курс на интеграцию науки с ведущими предприятиями Татарстана, что сделало открытия ученых более доступными для реализации. По его мнению, это позволит республике противостоять экономическому кризису. «Без научного подхода невозможна качественная жизнь», – подчеркнул Председатель Госсовета республики.

Далее Фарид Хайруллович вручил государственные награды членам научного сообщества республики. Медалью «За доблестный труд» был награжден советник президиума АН РТ, член-корреспондент Зиятдинов А.Ш., Почетное звание «Заслуженный деятель науки РТ» было присвоено главному ученому секретарю АН РТ Загидуллиной Д.Ф., Почетное звание «Заслуженный работник культуры РТ» было присвоено начальнику научно-аналитического отдела АН РТ Хасановой Г.М., Благодарностью Президента Республики Татарстан были отмечены: Галкин В.И., академик-секретарь Отделения химии и химических технологий, член-корреспондент АН РТ; Миннуллин К.М., директор Института языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова АН РТ; Тимерханов А.А., заведующий отделом лексикологии ИЯЛИ АН РТ. Благодарность Председателя Государственного Совета РТ была вручена Закировой И.Г., доктору филологических наук, главному научному сотруднику ИЯЛИ.

Председатель Совета РФФИ В.Я.Панченко рассказал о поддержке региональных исследований в области естественно-технических наук и конкурсе проектов РФФИ-РТ в соответствии с Соглашением между фондом и Правительством РТ.

Директор института «Международный томографический центр» СО РАН Р.З.Сагдеев поздравил ученых Татарстана от имени Российской академии наук и рассказал о задачах науки в современной обстановке и кооперации ученых в области импортозамещения.

От имени КазНЦ РАН приветствия прозвучали от председателя Синяшина О. Г. Он рассказал об аспектах реорганизации РАН, деятельности КазНЦ РАН и его сотрудников.

Хорошей традицией в Академии наук РТ стало чествование научных династий Татарстана. Слова признания и благодарности прозвучали в этот день династиям Халиковых и Фишманов.

«Фундаментальные свойства света и их использование в медицине и биологии» – так называлась публичная лекция доктора физ-мат. наук, профессора КФУ А.И.Фишмана.

И в завершение праздника президент АН РТ М.Х.Салахов наградил лауреатов именных премий РТ по итогам 2014 года:

Премия им. Ш.Марджани – в области гуманитарных наук – была присуждена доценту кафедры татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидату исторических наук Мустафиной Дине Абдулбаровне за цикл работ по истории, источниковедению и археографии XVI–XVII вв., премия им. К.Г. Боля – в области ветеринарии – заведующему лабораторией по изучению болезней молодняка ФГБУ «ФЦТРБ-ВНИВИ», доктору биологических наук Спиридонову Геннадию Николаевичу, старшему научному сотруднику лаборатории по изучению болезней молодняка ФГБУ «ФЦТРБ-ВНИВИ», кандидату биологических наук Валебной Людмиле Валерьевне, старшему научному сотруднику лаборатории вирусологии ФГБУ «ФЦТРБ-ВНИВИ», кандидату биологических наук Дуплевой Лилии Шамиловне за научную работу «Разработка и внедрение высокоэффективных средств диагностики и специфической профилактики инфекционного кератоконъюнктивита крупного рогатого скота», премия им. В.А. Энгельгардта – в области биологии – профессору Казанского (Приволжского) федерального университета, доктору биологических наук Куприяновой-Ашиной Флере Гарифовне, кандидату биологических наук Колпакову Алексею Ивановичу за цикл работ «Изменение физиолого-биохимического статуса клетки под действием природных регуляторов роста и развития».

Далее Мякзюм Халимулович еще раз поздравил участников торжественного собрания и отметил: «Наш профессиональный праздник удался во многом благодаря высоким достижениям наших ученых. Целеустремленность и ежедневный упорный труд являются одним из главных условий успеха. Академия наук всегда славилась своими научными и организаторскими кадрами. Мы желаем, чтобы ваши знания и старания были направлены на достижение лучших результатов!».

* * *

7 февраля 2015 г. в Доме правительства РТ подписано Соглашение «О региональных конкурсах проектов фундаментальных исследований на 2015-2019 годы» между Российским фондом фундаментальных исследований и Правительством Республики Татарстан.

Подписи под документом поставили председатель Совета Российского фонда фундаментальных исследований Владислав Панченко и и.о. Премьер-министра РТ Алексей Песошин.

Напомним, что работа по реализации проектов в рамках Регионального конкурса проектов фундаментальных исследований ведется Академией наук Республики Татарстан совместно с Российским фондом фундаментальных исследований с 2002 года.

Последнее соглашение между РФФИ и Правительством РТ о проведении совместного конкурса проектов фундаментальных исследований было подписано 26 апреля 2012 года, и срок его действия истек в 2014 году.

Для справки: В рамках регионального конкурса 2012–2014 годов было реализовано 99 проектов, представленных ведущими республиканскими научными и образовательными учреждениями: КФУ, КГЭУ, КНИТУ им. А.Н.Туполева – КАИ, КазФТИ КазНЦ РАН, КНИТУ, ИОФХ КазНЦ РАН, ФГУН КНИИЭМ Роспотребнадзора, КазНЦ РАН, КГМУ, Институт прикладной семиотики АН РТ, Академэнерго и другие.

На новый конкурс (на 2015 г.) в общей сложности было представлено 156 заявок по приоритетным для Татарстана направлениям. Заявки проходят совместную научную экспертизу и конкурсный отбор на 2015–2017 гг.

* * *

7 февраля 2015 г. Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов подписал Указ о создании в Татарстане Совета при Президенте Республики Татарстан по образованию и науке.

Совет при Президенте РТ по образованию и науке создан «в целях содействия развитию науки и образования, а также совершенствования государственного управления в этой сфере», говорится в тексте документа.

Этим же документом утверждено Положение о Совете по образованию и науке и его состав. Указ Президента РТ № 105 «О Совете при Президенте Республики Татарстан по образованию и науке» вступает в силу со дня его подписания.

Председателем Совета является Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, его заместителями: президент АН РТ М.Х.Салахов, ректор КФУ И.Р.Гафуров, председатель КазНЦ РАН О.Г.Синяшин, заместитель Премьер-министра РТ – министр образования и науки Э.Н.Фаттахов, секретарем Совета – А.И.Поминов.

* * *

7 февраля 2015 г. в преддверии Дня российской науки в Казанском Кремле состоялась встреча Президента Татарстана Рустама Минниханова с представителями научной общественности республики.

«Кризис и та ситуация, которая сложилась в мире, показывают, что мы должны рассчитывать на себя в первую очередь. Если мы будем ориентироваться на западные технологии и разработки, если у нас не будет своих, ситуация будет очень непростой. Сегодняшний момент показывает, что страна должна переосмыслить свое отношение к науке, новым технологиям, импортозамещению, потому что этот процесс инерционный, и быстро сделать это не получится», – сказал Рустам Минниханов.

По его словам, отечественная наука имеет огромный потенциал, богатую историю, признанных во всем мире ученых – и России, и, в частности, Татарстану в научной сфере необходимо более эффективно конкурировать в мире.

Конкурентность нашего региона во многом будет зависеть от образовательного и научного потенциала нашей республики», – подчеркнул Президент РТ. Он отметил, что сегодня Татарстан привлекателен для многих компаний, и один из основных элементов привлекательности – наличие высокообразованного персонала. «Любая западная компания, особенно высокотехнологичная, смотрит, в первую очередь, на эти вопросы», – сказал Президент РТ.

Президент Академии наук Республики Татарстан Мякзюм Салахов в своем выступлении сказал, что деятельность Академии наук РТ нацелена на конкретные потребности республики. Ее миссия – координация научного сообщества РТ.

«На данном этапе, – отметил он, – Академия наук РТ должна стать идейным центром по вопросам развития всего татарского этноса, действуя рука об руку с Всемирным Конгрессом татар, с Министерством образования и науки, Министерством культуры, другими ведомствами». Важным направлением деятельности президент АН РТ считает взаимодействие с ведущими научными центрами тюркских государств для изучения общего культурного наследия.

Отдельно Салахов М.Х. остановился на деятельности Академии наук в области естественно-технических наук, на работе экспертных советов, решении экономических и сельскохозяйственных задач республики.

На встрече Рустам Минниханов объявил о создании в республике Совета при Президенте РТ по образованию и науке. Цель создания нового органа – содействие развитию науки и образования, а также совершенствование государственного управления в этой сфере.

Как сообщил журналистам по окончании встречи один из членов Совета, ректор КФУ Ильшат Гафуров, новый совещательный орган, председателем которого является Президент РТ, будет выступать в качестве экспертного совета по вопросам государственной политики в сфере образования и науки. «Очень много вопросов касательно реформирования системы образования, улучшения его качества. Но как это делать и что это такое – каждый понимает под этим свое, – мы должны решать на этом совете», – сказал И.Гафуров.

Как отметил ректор КФУ, Совет достаточно большой, в его составе не только представители научной и образовательной сферы Татарстана, но и ряд известных российских ученых и деятелей науки и образования, в частности председатель Совета Российского фонда фундаментальных исследований Владислав Панченко.

«Сегодняшнюю встречу с Президентом республики можно рассматривать как первую встречу членов Совета. Мы договаривались, какие вопросы и в каких рамках будут обсуждаться, какие полномочия будут у этого Совета», – сказал Ильшат Гафуров.

Татарстан – регион, в котором вопросы взаимодействия научного сообщества и органов государственной власти решаются наиболее эффективно, отметил в свою очередь академик РАН, директор Международного томографического центра СО РАН (Новосибирск) Ренад Сагдеев. «... В Татарстане очень мощная научная база, выдающиеся научные учреждения, в частности Казанский федеральный университет с замечательной историей. Кроме того, во главе республики находится продвинутый, инновационный Президент. Сочетание всех этих факторов позволяет сделать Татарстан пилотным проектом, на котором можно отработать новые формы взаимодействия между властью, бизнесом, образованием и наукой», – подчеркнул Р.Сагдеев.

* * *

Вице-президент АН РТ, действительный член Кев Минуллинович Салихов избран членом Международного общества электронного парамагнитного резонанса.

* * *

13 февраля в рамках Фестиваля науки-2015 в Академии наук прошла IV Региональная научно-практическая конференция «Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в регионе» (оценка стоимости объектов интеллектуальной собственности). Организаторами кон-

ференции были Академия наук РТ, Казанский федеральный университет, Казанский государственный энергетический университет.

Конференцию открыл вице-президент АН РТ В.В. Хоменко. Он сообщил, что на конференции присутствуют 70 участников из Татарстана и близлежащих регионов. Он также ознакомил участников с регламентом конференции, рассказал о ее целях.

Вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин обратился к участникам с приветственным словом и пожеланиями успешной работы.

В пленарных выступлениях приняли участие: главный ученый секретарь Академии наук Республики Башкортостан Р.И.Аблеев, проректор по инновационной деятельности КФУ Н.Ф.Кашапов, проректор по научной работе КГЭУ Э.В.Шамсутдинов, ведущий советник отдела правовой экспертизы и нормотворческой деятельности Минюста РТ Романова Г.В., доцент кафедры «Менеджмент предприятия» КГЭУ Баширова А.Г.

Далее работа конференции проходила в формате «круглых столов», в рамках обсуждения тем «Значение оценки стоимости объектов интеллектуальной собственности при коммерциализации научных разработок», «Методы и способы оценки стоимости объектов интеллектуальной собственности», «Управление и кадровая политика в области оценки стоимости объектов интеллектуальной собственности».

* * *

20 февраля 2015 г. в Академии наук состоялось первое заседание Республиканского научного совета по изучению и сохранению историко-культурного наследия.

Заместитель Премьер-министра – министр образования и науки РТ – председатель Совета Энгель Фаттахов обратился с приветственным словом к присутствующим. Он рассказал о целях и задачах Совета, пожелал его членам плодотворной работы.

Заместитель председателя Совета, вице-президент Академии наук РТ Вадим Хоменко ознакомил присутствующих со структурой Совета, его регламентом и планом работы на ближайшие полгода. Он отметил, что настоящий Совет, уполномоченный решением руководства Республики Татарстан, нацелен на сохранение гуманитарного наследия и призван курировать социально-экономическое развитие в республике.

О Государственном задании на 2015 год доложили директора Института истории (Хакимов Р.С.), ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Миннуллин К.М.), Института археологии им. Х. С. Халикова АН РТ (Ситдинов А.Г.), Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Гилязов И.А.), Института прикладной семиотики (Сулейманов Д.Ш.), Центра исламоведческих исследований (Патеев Р.Ф.).

Далее прошла торжественная церемония награждения победителей конкурсов молодежных грантов и премий Республики Татарстан.

В работе Совета приняли участие Гузель Нигматуллина – заместитель министра культуры Республики Татарстан, Андрей Поминов – первый заместитель министра образования и науки Республики Татарстан, Фанзиля Завгарова – директор Центра развития традиционной культуры Министерства культуры Республики Татарстан, Рамиль Хайрутдинов – директор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета и другие.

* * *

24 февраля 2015 г. президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов принял участие в работе итоговой конференции Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, посвященной Году литературы в России.

В своем выступлении он отметил, что за более чем 75 лет своего существования учеными института было издано более тысячи шестисот наименований книг, среди которых: собрания сочинений классиков татарской литературы, памятники средневековой словесности.

Отдельно президент остановился на крупных проектах, над которыми ученые работают в последние годы: собрания сочинений Габдуллы Тукая в 6 томах, Галимджана Ибрагимова в 12 томах, Истории татарской литературы в 8 тт., Энциклопедии Тукая и др.

Далее М.Х. Салахов обратил внимание на необходимость сотрудничества с Всемирным конгрессом татар, Комитетом по образованию, культуре, науке и национальным вопросам Госсовета республики, учеными тюркского мира, а также дальнейшего изучения культурного наследия татар, проживающих за пределами Татарстана.

Этому должны способствовать, – уверен он, – выработка новых подходов к развитию гуманитарных наук, а также привлечение научной молодежи при соблюдении оптимального баланса между опытными и молодыми кадрами.

* * *

26 февраля 2015 г. в Академии наук состоялось заседание «круглого стола» на тему: «Проблемы татарской общественной мысли в контексте современности», посвященного 95-летию Я.Абдуллина, организованного Академией наук РТ и Институтом истории им. Ш.Марджани.

Участниками были рассмотрены следующие вопросы:

- Вклад Я. Абдуллина в изучение татарской общественной мысли.
- Проблемы татарской просветительской мысли.
- Проблемы татарской богословской мысли.
- Татарская общественная мысль и нация.

В работе приняли участие: ректор Российского исламского университета Р.Мухаметшин, профессор Российского государственного университета правосудия А.Юзеев, председатель ЦИК «Иман» Н.Гарипов, зав. музеем исламской культуры Кремля Н.Гараева, зав. отделом истории общественной мысли и исламоведения ИИ им. Ш.Марджани Д.Шагавиев, главный специалист АН РТ Ф.Султанов и другие.

* * *

26 февраля 2015 г. в Академии наук РТ состоялось заседание «круглого стола» по теме: «Проблема изучения и популяризации идей татарстанских богословов-просветителей», организованное Центром исламоведческих исследований АН РТ.

Открывая заседание, президент АН РТ Мякзюм Салахов сказал, что тематика «круглого стола» является актуальной на современном этапе.

Это сложная проблема, связанная с жизнью, людьми, обществом, – отметил он далее, – поэтому решать ее должны высокопрофессиональные специалисты,

выработавшие единую точку зрения, умеющие оперативно реагировать на политическую обстановку.

Истина рождается в споре, – поэтому подобные встречи, если они будут систематическими, могут стать своеобразным центром, который привлечет заинтересованных людей разных мировоззрений, способных выработать методологию, позволяющую донести татарское богословское наследие, которое имеет многочисленные дискуссионные аспекты, до читателя.

В обсуждении приняли участие: заместитель муфтия Духовного управления мусульман РТ Рустам хазрат Батров, имам-хатыйб мечети «Салихжан» Нурислам хазрат Ибрагимов, зав. отделом источниковедения ЦИИ Д.Гильмутдинов, зав. отделом Института истории Д.Шагавиев, директор ЦИИ Р.Патеев и другие.

* * *

27 февраля 2015 г. президент АН РТ М.Х.Салахов принял участие в пленарном заседании Всероссийского форума «Учиться и жить вместе: открытое пространство инклюзии», открывшегося накануне в Университете управления ТИСБИ и приуроченного к 70-летию со дня основания ЮНЕСКО.

Форум собрал свыше 300 ученых, педагогов, дефектологов, психологов, представителей общественных организаций, людей с ОВЗ: более 160-ти специалистов из Москвы, Воронежа, Ижевска, Краснодара, Кирова, Сызрани, Саратова, Самары, Дзержинска, Нижнего Тагила, Нижневартовска, Уфы, Ханты-Мансийска, Йошкар-Олы, а также более 130-ти участников из городов и районов Республики Татарстан.

Организаторами форума выступили: Комиссия РФ по делам ЮНЕСКО, Министерство образования и науки РФ, Федеральный институт развития образования, Общественная палата РФ, Министерство образования и науки РТ, Министерство труда, занятости и социальной защиты РТ, Университет управления «ТИСБИ», Казанский национальный исследовательский технический университет, Республиканский межвузовский центр по работе с лицами с ОВЗ (г. Казань).

В рамках программы форума были предусмотрены секционные заседания, круглые столы, мастер-классы, дискуссии, брифинги, где участники мероприятия обсудили не только проблемы в инклюзивном образовании, но и обменялись опытом работы, методикой подготовки специалистов в этой области, а также затронули вопросы трудоустройства и прав лиц с ограниченными возможностями здоровья.

* * *

2 марта 2015 г. Комитет Госсовета по образованию, науке, культуре и национальным вопросам провел в формате «круглого стола» совещание, посвященное актуальным проблемам и перспективе развития национальных литератур в республике.

В разговоре приняли участие представители республиканских министерств и ведомств, вузов, творческих организаций, писатели, учителя, ученые.

Открывая совещание, председатель парламентского комитета Разиль Валеев отметил, что Год литературы в России – это прекрасная возможность обратить самое серьезное внимание на отношение общества к литературе, на положение писателей, учителей литературы, ученых-литературоведов. «Темой отдельного рассмотрения в этом ряду являются вопросы книгоиздательства, проблемы

сохранения читателей, развития библиотечной сети, стимулирования литературного творчества, – подчеркнул он. – Вызывает озабоченность состояние национального образования и национальной школы. А ведь без национальной школы нет и читателя как потребителя национальной литературы. Не станет национального образования – нация останется без писателей, без песен, без творческого духа и, в конце концов, без будущего».

Главный ученый секретарь Академии наук Татарстана Дания Загидуллина свое выступление начала с тревожного вывода о замедлении начавшегося в конце прошлого века подъема татарской литературы. В связи с этим она затронула проблемы национальной самобытности в современной мировой литературе, отсутствия солидной аналитики и критики как неотъемлемых составляющих татарской литературы.

Председатель Союза писателей Татарстана Рафис Курбанов поднял острую проблему стимулирования литературного творчества. «Труд писателя в нашей стране не оценивается достойно, – сказал он. – Гонорары очень маленькие. Если в советские времена на полученный от одной книги гонорар писатель мог спокойно жить целый год и за это время выпустить следующую книгу, то его сегодняшнего гонорара за поэтическое произведение едва хватит на посещение парикмахерской».

О том, что в федеративном государстве центральные власти должны гарантировать и обеспечить свободное развитие национальных литератур, говорил главный редактор журнала «Казан утлары» Ильфак Ибрагимов.

Мнениями о развитии национальной литературы, путях повышения интереса к книге, требованиях к качеству произведений, подготовки профессиональных литературных переводчиков и критиков поделились директор ИЯЛИ Ким Миннуллин, профессора Фоат Галимуллин и Венера Аминова, поэтесса Лилия Газизова, заместитель редактора журнала «Идель» Алия Каримова, руководитель Татарского ПЕН-центра Ахат Мушинский, чувашский писатель Николай Сорокин, директор Татарского книжного издательства Дамир Шакиров и заместитель генерального директора ОАО «Татмедиа» Сьюбель Таишева.

По итогам «круглого стола» была принята соответствующая резолюция.

* * *

3 марта 2015 г. президент Академии наук РТ Мякзюм Салахов принял участие в работе Ассамблеи членов Торгово-промышленной палаты РТ.

Были рассмотрены вопросы поддержки экспорта и импортозамещения, восстановления и развития работы с татарскими диаспорами за рубежом и другие.

Работа Ассамблеи проходила с участием президента ТПП России Сергея Катрырина, а также руководителей бизнеса республики, представителей министерств и ведомств, банковского сообщества.

* * *

5 марта 2015 г. в Кабинете Министров Республики Татарстан состоялась встреча Премьер-министра Татарстана И.Ш.Халикова с первым заместителем руководителя Федерального агентства научных организаций (ФАНО России) А.М.Медведевым. Во встрече принял участие президент Академии наук Республики Татарстан А.Х. Салахов.

* * *

5 марта 2015 г. в Казанском научном центре РАН в рамках серии региональных мероприятий Федеральным агентством научных организаций (ФАНО РОССИИ) России была проведена экспертная сессия «Новые формы подготовки исследователей: научная аспирантура». В ходе проведения мероприятия были обсуждены вопросы создания института научной аспирантуры, воспроизводства исследователей, отличия модели «научная аспирантура» от вузовского аналога. Участниками были сделаны предложения по внесению изменений в нормативные акты, касающиеся научной аспирантуры.

С 8 по 10 марта 2015 г. президент Академии наук РТ Мьязюм Салахов в составе правительственной делегации Татарстана находился с рабочим визитом в Исламской Республике Иран. В поездке участвовали также руководители министерств и ведомств, ведущих промышленных компаний Татарстана, представители образования, науки, культуры и туризма.

Целью нашего приезда в Иран является расширение торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества, – подчеркнул руководитель делегации, Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов в ходе встречи с вице-президентом Ирана по науке и технологиям господином Суреном Саттари.

Одним из важных направлений сотрудничества Республики Татарстан и Исламской Республики Иран, – добавил он, – может стать отрасль образования. Он также отметил, что сегодня образование и наука – особо перспективное направление в татарстано-иранских отношениях.

Президент РТ напомнил, что сейчас в вузах Татарстана обучается около 40 студентов из Ирана. Думаю, что это направление может быть активизировано, – сказал Рустам Минниханов, – в том числе за счет организации обмена студентами и представителями профессорско-преподавательского состава вузов.

Президент Татарстана также обратил внимание на взаимодействие по таким направлениям, как IT-сегмент, нанотехнологии, робототехника, создание и использование новых материалов. Сегодня эти направления важны для наших стран, подчеркнул он.

В целом Рустам Минниханов отметил, что высоко ценит возможность развивать сотрудничество между Республикой Татарстан и Исламской Республикой Иран в рамках российско-иранских отношений и поблагодарил руководство Ирана за организацию этого визита.

Он выразил признательность руководству России и Ирана за создание благоприятных условий для развития сотрудничества, за неизменную поддержку татарстано-иранских связей, совместных проектов и инициатив.

В рамках рабочей поездки делегация Татарстана посетила также Университет им. Шахида Бехешти в Тегеране. Участники встречи ознакомились с учебными программами вуза, осмотрели его территорию, учебные корпуса.

Помимо 18 факультетов в университете действуют 6 исследовательских институтов – Институт наук об окружающей среде; Институт исследований семьи; Институт растений и лекарств; Институт мозга и когнитивных наук; Институт лазерных и плазменных исследований: волоконная оптика, магнитооптика, неразрушающее тестирование, полимеры и органические материалы фотоники, лазерная спектроскопия; Институт исследований Корана.

Также при университете действуют 9 исследовательских центров.

Члены делегации в сопровождении руководства вуза посетили факультет литературы и гуманитарных наук, а также Институт лазерных и плазменных исследований, где ознакомились с последними разработками иранских ученых.

* * *

27 марта 2015 года в Академии наук Республики Татарстан состоялась юбилейная конференция «Семиотическое моделирование в гуманитарной сфере», посвященная 5-летию института «Прикладная семиотика» АН РТ и 60-летию со дня рождения ее директора Д.Ш.Сулейманова.

Конференцию открыл президент Академии наук Республики Татарстан М.Х.Салахов. Он отметил многогранную деятельность ученого, заведующего кафедрой КФУ, академика, лауреата Государственной премии РТ в области науки и техники, заслуженного деятеля науки РТ, вице-президента Академии наук РТ, вице-президента Российской Ассоциации искусственного интеллекта Джавдета Сулейманова. Он – один из разработчиков проекта информатизации образования Татарстана, госпрограммы по изучению, сохранению и развитию языков народов РТ, создатель уникального комплекса социально-психологической адаптации и развития одаренных детей «Сэлэт». Под руководством Д.Сулейманова и при его участии созданы электронные мультимедийные учебники, интерактивный интернет учебник по татарскому языку «Татар теле онлайн», реализованы многочисленные программные разработки и проекты. Созданный им институт «Прикладная семиотика» АН РТ выполняет фундаментальные исследования в области прикладной семиотики, компьютерной и когнитивной лингвистики и прикладные разработки интеллектуальных информационных технологий и программных систем.

Далее Мякзюм Салахов подчеркнул, что Д.Ш.Сулейманов – очень энергичный, деятельный руководитель, пользующийся авторитетом в научных кругах, делающий много для Республики Татарстан, имеющий многочисленные награды и звания. В заключение он поздравил Джавдета Шевкетовича с юбилеем и вручил серебряную медаль Республики Татарстан «За достижения в науке».

О суггестивности лирики поэта Сулеймана, т.е. активном воздействии на воображение, эмоции, подсознание читателя посредством различных литературных приемов, рассказал народный поэт РТ Ренат Харис. Он отметил, что Д.Сулейманов – член Союза писателей РТ, известный татарский писатель и поэт, лауреат Республиканской литературной премии им. Г.Исхаки, республиканской премии им. М.Джалиля, член редколлегии ряда литературных журналов.

Далее прозвучали поздравления и телеграммы от Президента Республики Татарстан, Государственного Совета РТ, Государственной Думы, Российской академии наук, Московского государственного университета, Казанского федерального университета и других.

Официальная часть конференции началась с доклада Д.Ш.Сулейманова о деятельности института ПС АН РТ в области когнитивных исследований и семиотического моделирования. В обсуждении приняли участие: профессор Международного научно-учебного центра информационных технологий и систем Национальной Академии наук Украины Ю.Валькман, профессор МГТУ им. Н.Э.Баумана В.Тарасов, профессор ВЦ РАН В.Хорошевский, профессор КГЭУ Э.Тайсина и прочие участники конференции.

В завершении вниманию гостей была предложена оратория «Ветры булгар» на стихи поэта Сулеймана в исполнении оркестра Р.Абязова «La Primavera» и камерного хора М.Таминдаровой, исполненная в актовом зале Казанского федерального университета.

Подготовил пресс-секретарь АН РТ

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от техни-

ческой доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.

- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.

- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.

- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).

- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!